Полный текст книги “Путешествие Колина Уилсона к началу”

Смотрите в других форматах

КОЛИН УИЛСОН

автобиография

“Аутсайдер” Колина Уилсона, одна из самых успешных книг современности. “1950-е” было написано двадцатичетырехлетним юношей, в основном самоучкой, ночующим на Хэмпстед-Хит.

Она покорила критиков и стала предметом обсуждения всего мира; в этом столетии не было ничего подобного. С тех пор Уилсон написал более двадцати книг и стал важной фигурой в современной литературе. “Путешествие к началу”, его предварительная автобиография, представляет собой замечательную историю его жизни, увлекательную и волнующую легко читаемый отчет о его развитии мент как мыслитель и писатель. Живо и часто очень забавно он вспоминает свое происхождение из рабочего класса в Лестере, удивительную череду случайных заработков как на гражданке, так и в Королевских ВВС, период упадка в Париже и Лондоне и, наконец , успех и дурную славу.

‘Как писатель, я хотел создать своего рода новую науку”, - написал он,

! философию, которая стала бы логическим развитием работ Уайтхеда и Хайдеггера и в то же время была бы глубже, чем они оба. Это означало, что мое собственное определение философии было попыткой применить механизм Вклад науки в процесс жизни.’

продолжение на обратной стороне fiap

любезно предоставлено Освальдом Джонсом

Автором в 1956 году, на момент публикации “Аутсайдера”

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

около

КОЛИН УИЛСОН

СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ БРОКАРД СЬЮЭЛЛ

1969

СЕСИЛ И АМЕЛИЯ ВУЛЬФ Лондон

ПОСВЯЩАЕТСЯ Дж. У. СИДФОРДУ ПО УКАЗАННЫМ ПРИЧИНАМ НА СТРАНИЦЕ 48

Авторское право © 1968 автор: Колин Уилсон Введение Авторское право © Брокард Сьюэлл (Brocard Sewell) Опубликовано Сесилом и Амелией Вульф Площадь Виктории, 24, Лондон, swi Напечатано в Великобритании издательством A. Wheaton & Co., Эксетер.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Автор в 1956 году, на момент публикации “Постороннего”

Автор в 1968 году

Автор в 1968 году; вверху - со своими детьми Дэймон и Салли

фронтиспис , обращенный к странице 48

вступление

Колин Уилсон посвятил эту книгу “Путешествие к началу” подводной лодке. название ‘Предварительная автобиография’. Таким образом, это набросок к более ранней части полной автобиографии, которую можно ожидать от него, скажем, еще через сорок лет, и которую следует оценивать как таковую. Некоторым людям может показаться, что тридцать шесть лет - слишком ранний возраст для написания автобиографии. Но в свои тридцать шесть мистер Уилсон уже не ‘молодой’ писатель. За тридцать шесть лет многое может случиться, и, в конце концов, есть прецедент - автобиография мистера Беверли Николса Двадцать пять лет. Жизнь Колина Уилсона до сих пор была полна внешних событий и внутреннего развития, так что ему есть что рассказать

.

Сам мистер Уилсон, однако, не придает особого значения повествовательной части своей книги и говорит, что для него ее главный интерес - это отчет о развитии его мысли. “Путешествие к началу ” - это, по сути, такая же аутопсихография, если использовать термин, придуманный Эриком Джилл, как автобиография.

Это должно быть осознано уже сейчас, когда шум предыдущих сенсаций споры о том, что Колин Уилсон - серьезный писатель, которого больше всего интересуют идеи, утихли. Но, если это начинает осознаваться, общественность еще не приняла заявление мистера Уилсона о том, что он сам и мистер Билл Хопкинс - единственные гении, живущие на сегодняшний день. Но, по всей вероятности, у нас еще много времени, чтобы это утверждение подтвердилось. Я, конечно, не знаю никого, кто с большей вероятностью , чем мистер Уилсон, закончит свои дни почитаемым и патриархальным жителем столетия , к которому почти неизбежно будет применен термин “гений”.

Когда появилась его первая книга “Аутсайдер”, Колин Уилсон , к несчастью, был подхвачен некоторыми высоколобыми критиками из высшего общества, которые считали, что это замечательно, что мальчик из рабочего класса так хорошо учится, читает так много книг и так твердо усваивает их содержание . И, конечно, это было замечательно. Но, как отметил Генри Уильямсон , это не было уникальным. Критики забыли, что среди хороших

многие другие - Роберт Бомж, Томас Харди и Д. Х. Лоуренс.

“Аутсайдер” и “Эпоха поражений” - замечательные книги для столь молодого писателя. Но это справедливая и действительно очевидная критика “Чужака” и его продолжения “Религии и бунтаря” за то, что они настолько перегружены идеями и цитатами, иллюстрирующими эти идеи , что трудно понять, какой именно тезис выдвигает автор. С этой точки зрения “Эпоха поражений”, книга, привлекшая гораздо меньше внимания, была большим достижением. Но для ясного представления о Книга Колина Уилсона “Основные положения мыслителя: Путешествие к началу “, пожалуй, даже лучше, поскольку охватывает более широкий круг проблем и позволяет прийти к более определенным выводам.

Мистер Уилсон пытается создать новый вид Экзистенциализм; он видит свою миссию в том, чтобы работать над открытием или созданием экзистенциальных ценностей, которые, по его словам, удивительно близки к так называемым религиозным ценностям. И этот новый экзистенциализм, по его мнению, предполагает попытку “углубить основы литературы’.

Мистер Уилсон считает, что его мысль ‘выходит далеко за рамки Хайдеггер и Сартр”; и здесь я в какой-то момент почувствовал определенное беспокойство. обидчивость. Если этот “долгий путь” должен был пролегать в том же направлении, что и путь Хайдеггера и Сартра, то единственным результатом, которого можно было ожидать, было философское банкротство. Ибо что еще может исходить от философии, ключевыми словами которой, по крайней мере, для Сартра, являются “время”, “тошнота” и “уверенность”? И с хайдеггеровской “конечностью человеческого бытия , абсолютной и сущностной”. Я не пытаюсь достичь чего-то, я не пытаюсь достичь тотальной гармонии в жизни. Я совершаю абсолютное исключение для человека, который хочет изменить свою историю существования .’ (Эммануэль Мунье, “Введение в экзистенциализм”, Париж, 1947, с. 51)

Но суть экзистенциализма как раз и заключается в утверждении человеком самого себя как существующего. На каком-то этапе это может означать отношение , представляющее собой почти вызов Богу, борьбу Иакова с Ангелом; и после столетий христианства, проповедуемого в контексте ошибочной космологии и статичного взгляда на Вселенную, такое отношение естественно. Но философию, которая является атеистической в том смысле , что утверждает, что человек - это все, и в то же время, что его существование не имеет смысла, скорее следовало бы назвать неэкстенционализмом. “Если человек буквально ни во что не верит или пытается поверить, если ничто не имеет смысла, если мы не можем утверждать никаких ценностей, тогда все в порядке”-

в этом нет ничего особенного. Здесь нет ни “за”, ни “против”; убийца, например, не может быть ни прав, ни неправ. Каждый волен разжигать костры в крематории или отдавать свою жизнь на попечение прокаженных. Порочность и добродетель - это всего лишь случайность или каприз”. (Камю, The Бунтарь, издание Peregrine Books, 1962, стр. 13.)

Настаивать на этом - не значит отрицать, что Сартр и Хайдеггер являются важными писателями и мыслителями нашего времени; но в последней главе этой книги Колин Уилсон дает понять, что его “шаг за пределы” этих мыслителей будет сделан в “персоналистическом” и осмысленном направлении , исследованном Блондином Элом, Бергсоном, Бердяев, Карл Ясперс и Габриэль Марсель, все они в каком-то смысле экзистенциалисты.

Мне кажется, что проблема с новым экзистенциализмом самого мистера Уилсона заключается в том, что он все еще опасно ориентирован на человека, в том смысле , что ему не хватает понимания случайности всего существования , о котором мы непосредственно знаем. Но то тут, то там он дает намеки на определенное осознание неизбежного: “Непосредственная проблема проблемы и несчастья не имеют значения, но должно быть завтра; должен быть запасной выход, последняя гарантия безопасности.’

Одной из самых привлекательных черт “Путешествия к началу” как автобиографии мне кажется умеренность содержащихся в ней суждений о людях и событиях, в отношении которых от автора можно было бы ожидать изрядной резкости. Это особенно заметно в комментариях мистера Уилсона к тем критикам, которые сначала чрезмерно хвалили его , а затем, возмущенные слишком большим успехом, который они помогли создать, изменили свои суждения и , насколько могли, разнесли в пух и прах его работу и его репутацию.

Правда, иногда, когда мистер Уилсон пишет о других, он

проявляет себя гораздо жестче, чем в реальной жизни, но, несмотря на это, “Путешествие к началу” кажется мне очень великодушной книгой. Это также очень правдивая книга. Автор не стремился скрыть некоторые из наиболее неделикатных аспектов опытной человеческой жизни, но и не писал ничего ради сенсации. Он также не стремится хвалить то, что не заслуживает похвалы.

Ему было бы трудно избежать упоминания о том, что, с точки зрения моралиста, является самым спорным поступком в его жизни, поскольку, хотя это и было сугубо частным делом, в свое время оно стало достоянием общественности из-за газетной огласки. Он честно изложил факты, и те, кто был избавлен от этой необходимости

о принятии подобного важного решения лучше воздержаться от комментариев.

Колин Уилсон совершенно прав, когда говорит, что “человечество разделяет общий грех: обесценивание жизни’. Где-то в этой книге он цитирует замечание Честертона о поразительном контрасте между количеством очаровательных детей в мире и столь же огромным количеством никчемных взрослых. Что происходит с детьми в последующие годы ? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, мистер Уилсон успешно избежал слишком распространенной участи стать заурядным взрослым.

Честертон прекрасно понял бы, что имеет в виду Колин Уилсон , когда говорит: “Во мне силен инстинкт самосохранения. Я счастливее всего, когда у меня впереди долгие пустые дни и я могу сидеть у себя дома, в окружении книг и граммофонных пластинок, с пишущей машинкой под рукой.’ Мне нравится думать о нем с семьей в его доме над скалами в Горран-Хейвене, о том , как он ежедневно по шесть и более часов пишет - он трудолюбивый человек, - а затем отдыхает со своей музыкой, книгами и друзьями. Его дом - настоящее фойе; на газете, которую оставляют в дыре в живой изгороди в конце переулка, на внешней странице просто написано “Колин”; а почтальон, сантехник и электрик, когда они звонят, обращаются к хозяину дома одним и тем же прямым текстом. и знакомая мода. Нелегко добиться того, чтобы корнуолльцы принимали людей, приехавших из других мест, за своих.

В своем доме Колин Уилсон создал или продолжает создавать — ибо творение вечно, как говорят нам теологи на своем парадоксальном и аналогичном языке, - то, что Эрик Гилл называет “клеткой хорошей жизни”. Этого он достиг благодаря энергии и решимости. Если гениальность заключается в реализации великих замыслов с помощью неустанного труда и отказа признать поражение, то Колин Уилсон обладает основными качествами. узы гениальности. Возможно, гений - это тот человек, который никогда не мирится со скукой и

неудовлетворенностью.

брокар Сьюэлл, О. Карм.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Я

ЦЕЛИ И МОТИВЫ

на этих страницах я намереваюсь как можно честнее раскрыть основные цели и мотивы моей работы и соотнести их, где это уместно, с событиями моей собственной жизни. Эта книга не претендует на то, чтобы быть официальной автобиографией; события моей жизни интересуют меня не настолько, чтобы заставить взяться за это, за исключением тех случаев, когда они могут быть использованы для иллюстрации какой-либо идеи. Кроме того, для автобиографии самое подходящее место - художественная литература. Один мой друг как-то спросил Эрнеста Хемингуэя, что он думает об одной книге, посвященной его молодости в качестве репортера в Канзас -Сити. Хемингуэй сказал: “Я испытывал отвращение”, - “Я намеревался использовать все это в своих книгах, а теперь все пропало даром”. Это выражает мое собственное отношение к автобиографии.

Есть определенная проблема, которая постоянно мучает меня, и так было всегда, в той или иной форме. Дело в следующем: с одной стороны , есть мир, огромное, сложное и прекрасное место, в котором достаточно интересов, чтобы занять человека на миллион лет. А с другой стороны, существует любопытная узость, ограниченность человеческого сознания. Мы подобны зашоренным лошадям; мы не осознаем почти ничего, кроме минуты, в которой живем, комнаты , в которой случайно оказались. Почему? Почему природа ограничила человеческую волю? Почему так много из нас умирают в возрасте семидесяти лет от скуки и разочарования , жалуясь, что мы истощили мир?

Одна из первых историй, которую я выучил в школе, называлась “Старый Женщина в бутылке с уксусом’. Однажды добрая фея пролетала над канавой и услышала жалобный голос: “О боже, о боже”. Она отправилась на разведку и обнаружила старую

женщину, живущую в большой бутылке из-под уксуса и жалующуюся на ее тесноту. Взмахом волшебной палочки фея превращает бутылку с уксусом в прелестный маленький домик; старушка благодарит ее, и она улетает. Несколько месяцев спустя фея проходит мимо этого домика и заглядывает посмотреть, как старушке нравится ее новый дом. Первое, что она слышит, - это все те же жалобы: “О боже, о боже”. Канализация неудобная, колодец слишком далеко

Я

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

из дома, соломенная крыша которого пропускает дождь, и так далее. Итак , фея взмахивает волшебной палочкой и переносит старушку в великолепный дом с ватерклозетами и туалетом в ванной. Несколько месяцев спустя она заходит снова и все еще слышит, как старуха стонет: ‘О боже, о боже’. Слуги нечестны, шум уличного движения не дает ей спать по ночам, торговцы неуважительны… Итак, фея снова взмахивает своей волшебной палочкой, и дом превращается в волшебницу. великолепный дворец. Проходит несколько месяцев, и фея появляется снова. Но старуха все еще причитает. Заведение слишком большое и холодное; комнаты трудно отапливать и оберегать от сквозняков, кухонные работники постоянно воруют, вид из окон - это еще не все, что могло бы быть. Поэтому , раздраженно фыркнув в последний раз, фея взмахивает волшебной палочкой и переносит старуху обратно в бутылку с уксусом.

Для меня эта история символизирует человеческую природу — так же символична, как и история грехопадения Человека. Каждый день я осознаю, что ироническая история Природа дала нам все, чего мы только могли пожелать, но не дала возможности наслаждаться этим. Недавно я убедился в этом на примере своего собственного отца. Всю свою жизнь он усердно трудился на фабриках, и у него было не больше выходных, чем случайный день на море. Он любит сельскую местность и проводит выходные на рыбалке или в поисках каши. комнаты и ежевика. Когда я только начал зарабатывать писательством, я арендовал коттедж в

Корнуолле, и семья регулярно приезжала туда на каникулы. Мой отец наслаждался этим; каждый день он вставал на рассвете и отправлялся на рыбалку с удочкой, или ловить кроликов, или собирать грибы. У него вошло в привычку говорить, что если бы он мог жить в загородном коттедже с приличным садом на заднем дворе, ему понадобилось бы совсем немного денег, чтобы прокормить себя. Наконец срок аренды коттеджа истек, и я решил поискать место побольше для хранения своих книг и пластинок. Мы нашли большое бунгало с двумя акрами земли и огромной оранжереей. Это показалось мне идеальной возможностью для проживания. дом для моего отца был идеальным во всех отношениях, поэтому я пригласила семью переехать к нам. Мои родители и моя десятилетняя сестра Сьюзен приехали из Лестера; мы переехали в новый дом прекрасным летом.

Столкнувшись с бесконечными праздниками, мой отец, казалось, пришел в замешательство. Вместо того, чтобы каждое утро исчезать на поиски кроликов или грибов, он несколько часов пропалывал сорняки в саду, а затем отправлялся в местный паб. В этом не было ничего необычного.

2

ЦЕЛИ И МОТИВЫ

нужно выпить пинту пива, но чтобы убить время. Рыболовные экспедиции прекратились. Очевидно, ему было скучно, и он был не в своей тарелке. После шести месяцев такой жизни моя мать решила, что семье пора вернуться в Лестер. Мой отец поехал неохотно; хотя жизнь в деревне доставляла ему меньше удовольствия, чем он ожидал, он не испытывал энтузиазма по поводу возвращения на фабрику. Но они уехали, и моему отцу было так же трудно приспособиться к жизни на фабрике и в городе , как и к жизни в деревне. У него развилась язва, и ему пришлось провести несколько месяцев в больнице.

Это правда, что мой отец находится в несколько невыгодном положении, когда речь заходит о проблеме свободы; он абсолютно практичный человек, которому нравится что-то делать своими руками. Он читает газеты, но никогда не читает книги;

если есть время, чтобы убить его, он предпочитает делать это в пабе, неторопливо беседуя с другом за кружкой пива или игрой в домино. Но насколько каждый из нас может претендовать на преимущество, когда речь заходит о досуге? Пятнадцать лет назад я ничего так сильно не хотел, как тихого дома, полного книг и пластинок. Сейчас я живу в миле от ближайшей деревни и в десяти милях от ближайшего города. Если бы я начал постоянно проигрывать всю свою коллекцию пластинок сегодня вечером, мне потребовалось бы два месяца непрерывного прослушивания, чтобы дойти до конца; если бы я читал каждую книгу в доме по одной в день, у меня ушло бы на это десять лет. Несмотря на это, Иногда я впадаю в ступор в период психического бесплодия; мое сознание узко, как замочная скважина, и в доме нет ни одной книги или пластинки, которые могли бы вывести меня из полной летаргии. Я не умею ни писать, ни читать, у меня нет желания встречаться с друзьями, есть или даже пить. Как я могу претендовать на то, чтобы быть менее “старой женщиной в бутылке из-под уксуса”, чем мой отец?

Это те проблемы, которые, кажется, никогда не упоминаются в auto биографии. Как и все другие проблемы, которые постоянно занимают мое внимание. Это постоянный вызов для меня. Почему они не указаны? Есть ли у нас какие-то причины предпочитать избегать их? Или мы их не видим? Или мы их видим, но не придаем им значения? Если последнее объяснение является правильным, то мы глупцы, потому что эти проблемы - убийцы. Игнорировать их - все равно что игнорировать правила кипячения малярийной воды или пастеризацию. глотал туберкулезное молоко.

3

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

В большинстве технических вопросов наша цивилизация требует точности и четкости изложения. Каждый ученый осознает важность систематизации каждой информации; каждый деловой человек осознает важность поддержания порядка в своих бухгалтерских книгах. Даже наша философия и литературная

критика становятся научными, перегруженными жаргоном и определениями, нетерпимыми к расплывчатости. Но жизнь и ее психологические процессы по-прежнему остаются предметом свободного выбора. Мы не требуем никаких определений целей и предназначений и основных правил. И хотя жизнь больше всего похожа на гонку с препятствиями, где препятствия невидимы и очень опасны, мы все равно подходим к каждому новому дню с тем же неопределенным и эмпирическим настроем.

Позвольте мне попытаться привести пример того, что я имею в виду. На днях я прочитал роман Арцибашева “Миллионер”. В отличие от его предыдущего романа “Санин”, этот был действительно очень плохим. Речь идет о молодом и красивом миллионере, который не может избавиться от чувства ненужности и бесцельности. Он чувствует, что с ним никто никогда не грешит, потому что он миллионер. Ему также скучно, потому что он может делать со своими деньгами все, что ему заблагорассудится, и у него нет желания делать что-то конкретное. Ничего особенного не происходит, за исключением того, что он ссорится со своей любовницей и лучшим другом, безуспешно пытается выступить посредником при забастовке на собственной фабрике и в конце концов совершает самоубийство.

Я закончил эту книгу в состоянии глубокой неудовлетворенности. Что было Арцибашев пытается что-то сказать? Что жизнь мрачна даже для миллионеров? Это маловероятно, потому что “Санин” - на редкость веселая и ободряющая книга. Что лучше быть бедным, чем миллионером? Сомневаюсь , что автор был бы настолько наивен. Нет, настоящая проблема книги в том, что автор слишком сильно отождествляет себя со своим скучающим миллионом. лионэр. Он также не видит причин, по которым, если у человека достаточно денег , чтобы превратить жизнь в сплошной праздник, жизнь не должна быть совершенно скучной.

Если бы Арцибашев был более талантливым писателем - и более честным, — он мог бы начать со слов: “А теперь, джентльмены, давайте подведем итоги нашей жизни. Если мы не страдаем от какой-либо болезни, не голодаем или не подвергаемся активным мучениям, то нет никаких физических причин, по которым мы не должны продолжать жить. Способность организма получать удовольствие значительна. Для цивилизованного человека, обладающего интеллектом , возможности мира огромны. И все же здесь у нас есть

миллионер, здоровый и привлекательный человек, который находит жизнь чрезвычайно скучной. Почему? Неужели жизнь действительно так скучна? Что это за невидимые силы, которые в конце концов толкают его на самоубийство?'

Вместо того, чтобы пытаться определить эти силы, подобно тому, как биолог окрашивает невидимый микроб, чтобы увидеть его под микроскопом, Арцибашев продолжает описывать банальности бессмысленной сексуальной жизни своего миллионера и остается полностью вовлеченным в путаницу.

Другой пример: Сомерсет Моэм когда-то редактировал антологию современной литературы и к каждому отрывку, который он включал, он писал вступительное примечание. Его комментарии о некоторых известных писателях носили несколько резкий оттенок; Генри Джеймс, Т. С. Элиот, Джеймс Джойса и У. Б. Йейтса все отвергали как скучных, многословных или напыщенных. Но, как заметил один известный критик, по заметкам Моэма никогда не догадаешься, что Джойс и Йейтс были на одной волне. совершенно иной уровень, чем у Майкла Арлена и Кэтрин Браш, чьи работы также включены в книгу. И вы, конечно, могли бы предположить, что Сам мистер Моэм был на гораздо более высоком уровне, чем зануды вроде Йейтса и Элиота. Опять же, важные вещи остаются неопределенное; и непредубежденный читатель, который пришел мистер Моэм, чтобы узнать о современной литературе уйдет с какой-то странной и Топси и навыворот.

Поэтому мне кажется, что задача писателя - придать форму и определение идеям, четко их сформулировав.

Я помню, когда эта идея впервые пришла мне в голову. В то время мне было двенадцать. У нас в классе учился мальчик по имени Симпсон, который не отличался особым умом. Однажды он попросил меня одолжить ему мою авторучку, и я отказался, сославшись на то, что кончик стерся о ладонь. Симпсон сразу же сказал : - Причина не в этом. Если бы Такой-то попросил тебя, ты бы дал ему это, не беспокоясь о кончике пера. “Такой-то” был

мальчиком с сильным характером, и все им восхищались. Симпсон, конечно, был прав. Но что меня поразило, так это его психологическая проницательность, когда он проигнорировал мои оправдания по поводу пера и перешел прямо к сути проблемы - что для меня не было бы особой выгоды одолжить ему свою авторучку, но что я был бы рад одолжить ее кому-нибудь другому. человек, которого я уважал и который мне нравился. Может показаться, что это не особенно глубокое наблюдение. Но школьники - на удивление невосприимчивые существа, и самоанализ не является их сильной стороной. Симпсон сюр-5

несколько раз подкалывал меня замечаниями, которые показывали, что он осознает мотивы, недоступные пониманию большинства школьников. Я начал пытаться быть таким же. Я до сих пор помню, как мне было приятно , когда однажды меня осенило, что личность - это удивительно изменчивая штука, которая полностью зависит от окружающих ее личностей. Вы разговариваете с одним человеком и чувствуете себя слабым, с другим - сильным. Один человек заставляет вас чувствовать себя уверенным и мужественным, другой - уступчивым и женственным. Это самые простые оттенки, которые можно выразить в той или иной степени. Но каждый человек также вызывает у вас индивидуальную реакцию, которая не поддается определению, как запах розы. Кто-то может вызывать у вас странное раздражение, но вы не можете понять почему; вы можете не видеть этого человека пять лет и полностью забыть свою реакцию. Затем вы встречаете его снова, и сразу же прежнее раздражение возвращается, такое же безошибочное, как и всегда.

Шоу однажды сказал об Уайльде: “Он подошел и заговорил со мной с очевидным намерением быть особенно добрым ко мне. Мы ужасно раздражали друг друга, и эта странная трудность сохранялась между нами до самого последнего момента, даже когда мы уже не были простыми мальчишками-новичками, а стали светскими людьми, обладающими большим опытом общения. конечно.’ Шоу не пытается определить природу проблемы, и, скорее всего, она была совершенно неопределимой. Контакт этих двух химических соединений вызвал странные эффекты; некоторые из этих эффектов можно объяснить, приняв во внимание данные Шоу лекционная серьезность и отсутствие таковой у Уайльда; но такое объяснение столь же примитивно,

как химия Корнелия Агриппы.

У нас нет языка, нет науки, чтобы разобраться с этими проблемами. И я осознал это в возрасте тринадцати лет, когда попытался написать эссе о том, как люди влияют на личность и самооценку друг друга. Полагаю, с тех пор я пытаюсь создать терминологию для решения этих проблем.

Пожалуй, здесь уместно упомянуть об одном из моих “личных терминов”, удобном сокращении, которое я часто использую в журналах и заметках к книгам. Около десяти лет назад, в жаркую субботу после полудня, мне довелось путешествовать автостопом на север от Лондона по автомагистрали A.i. Было пыльно и безветренно, и я был подавлен. Движение было очень ограниченным, а подъемники короткими и редкими. Наступил момент, когда Я показывал большим пальцем на грузовики, не ожидая, что они

хотели остановиться, и меня почти не интересовало, прекратятся они или нет. Я направлялся на собеседование с родителями моей девушки, и Я не ожидал, что мне будут рады. Один грузовик, в котором я ехал, сломался, но мне было слишком скучно, чтобы обращать на это внимание. Поэтому, когда, наконец, я сел в очередной шумный дизельный грузовик, мчавшийся в сторону Питерборо со скоростью тридцать миль в час, я понял, что не чувствую абсолютно ничего: ни облегчения от того, что меня подвезли, ни ожидаемого удовольствия от места назначения, ни каких-либо особых эмоций. я не хотел бы оказаться там или в другом месте. Потом я задумался, что бы я чувствовал, если бы этот грузовик тоже сломался; я понял, что мне все равно было бы все равно. Я начал прокручивать в голове различные катастрофы, пока не вспомнил ту, которая вызвала во мне какой-то отклик. Затем до меня дошло, что люди могут впасть в состояние безразличия , когда удовольствие не имеет стимулирующей силы и когда только активный дискомфорт или боль могут пробиться сквозь скуку. Так случилось , что в то время мы проезжали через

городок Сент-Неотс, и, чтобы сохранить эту идею в моей голове до тех пор, пока я не смогу написать о ней, я нацарапал на листке бумаги “St Neot margin’. Вероятно, это было бы столь же эффективно, если бы я просто назвал свою концепцию “предел безразличия” (за исключением того, что, поскольку концепция в любом случае нуждается в определении, было бы предпочтительнее использовать термин, который не выглядит обманчиво очевидным). За последние десять лет я обнаружил, что возвращаюсь я снова и снова возвращаюсь к концепции границы Святого Неота. Почему человеческое сознание так узко? Разве это не другое название понятия первородного греха? Почему люди не благодарны за ту жизнь, которой они обладают? И, прежде всего, как мы можем добиться контроля над механизмом St Neot margin и избавиться от чувства скуки доминирование и отсутствие цели в человеческой жизни?

Еще одно замечание, и я закончу с предварительными замечаниями. Когда мой разум наиболее ясен и я хорошо работаю, я начинаю смутно осознавать какую-то информацию, которая могла бы решить всю проблему целиком лем. Она витает на краю моего сознания, но я не сомневаюсь в ее реальности. Художник Ричард Седдон выразил это, когда написал: “Несомненно, художник интуитивно постигает то, что находится за пределами человеческого интеллектуального понимания”. Это за возможно, неправильно называть это “что-то” знанием, потому что оно кажется реальным и прочным и не более абстрактным, чем банка сардин. Но если я попытаюсь сконцентрироваться на нем, то есть увидеть его, дать ему интеллектуальное определение, я смогу понять, что это такое. обычно -1 немедленно перестает осознавать саму вещь, и

попытайтесь нащупать понятия, которые могли бы это определить, подобно тому, как тень определяется светом. Я начинаю осознавать странный вакуум целеустремленности, в котором мы все живем, и пытаться определить его - все равно что

пытаться написать роман на языке, которого еще не существует.

2

ВАННА ДИОГЕНА

я хочу придерживаться самого главного: самое важное в моем детстве - это то, что меня баловали. Хотя моя мать не была самой младшей в семье, она первой из семи братьев и сестер подарила своим родителям внука. Полтора года спустя появился мой брат Барри, и к тому времени у меня уже было несколько внуков, а мои дяди и тети тем временем были заняты. Но меня, как первенца, все баловали, за исключением тети. Мод, которая позже поссорилась с семьей из-за меня и разорвала с ними все отношения. Как старший я привык быть самые сильные и оказывают определенную власть над моим братом двоюродные братья и сестры; мои бабушка и дедушка были склонны, по какой-то причине, в что касается меня вообще замечательный, и их убежденность в сообществах что мне саму себя. Мне говорили, что я хорошенькая и умная, и меня часто целовали и ласкали, но я терпеть не могла, когда со мной “возились” (что в Лестере означает “изнеженная”), и помню , как изо всех сил старалась избежать поцелуев.

Только около трех лет назад я впервые осознал важность такого пристального внимания в мои юные годы. Друг-композитор рассказал мне о своей неуверенности в себе и застенчивости . В то время я писал книгу под названием “Эпоха поражений”, в которой критиковал “ошибочное представление о незначительности”, чувство неудачи, робкую скромность, которые пронизывают так много литературы прошлого века. Очевидно, что разница в наших взглядах была вызвана различием в темпераменте, а не в идеях. Я попытался дать этому определение. Хотя во мне есть фундаментальная “тревога” по поводу Вселенной, возможности того, что жизнь обернется ужасной шуткой, мне кажется, что у меня есть определенное базовое убеждение в том, что жизнь и удача желают мне добра. (Я с сочувствием процитировал историю, рассказанную Эккерманом о Гете. Когда они обсуждали вопрос о судьбе и оптимизме, кто-то

заметил Гете, что судьба была на его стороне, но

предположим, он родился бы неудачливым, что тогда? ‘Не будь глупцом’, - сказал Гете. “Неужели ты думаешь, что я был бы таким дураком, чтобы родиться неудачливым?’)

‘Но почему?” - спросил мой друг, и, пытаясь ответить ему , я нашел решение. Потому что я был первенцем в семье , и бабушка с дедушкой меня баловали, двоюродные братья мне завидовали, а мама часто говорила, что я “родился счастливчиком”. Один из странных парадоксов этого мира заключается в том, что качество жизни зависит от жизненный опыт не имеет ничего общего с качеством истории, рассказанной в ретроспективе. Жизнь других людей может быть “историей”, может быть эпической или романтической, но, сидя здесь и сейчас, глядя в окно или читая книгу, каждый человек знает, что настоящее - это не какой-то момент в истории, оно просто есть. Мы никогда по-настоящему не осознаем , что жизнь всех людей была такой: крепкий орешек современности, который невозможно расколоть, отказывающийся раскрывать свои секреты, зажатый между зубами. И обычный метод преодоления этой проблемы - отбросить гайку и уйти от реальности, жить во сне. Итак, мир состоит, по большей части, из двух типов людей: сильных, которые придерживаются реальности и из-за этого становятся бесцельными и слабоумными, и чудаков, самообманщиков, слабаков, чье чувство значимости проистекает из неприятия, лишающего свободы отступления. Третья категория, те, кому удалось сохранить целеустремленность, не прибегая к самообману, настолько малочисленны, что их почти не существует.

Но чтобы жизнь была осмысленной, она должна быть историей. Иными словами, каждый момент, являясь звеном в цепи сознания, должен быть связан с предыдущими звеньями. Таким образом, жить всегда похоже на попытку написать письмо, когда орет радио, кричат дети и горит дом. Реальность обрушивается на нас, как фабрика с тысячью паровых молотов, сводя на нет все

попытки сосредоточиться, сохранить хоть какую-то нить мотива в этой неразберихе. Иногда наступает затишье; в нас просыпается смысл, возникает странное счастье, мы можем посмотреть на мир и сказать: ‘Я люблю тебя, я принимаю тебя’. Затем раздается свисток , и шум начинается снова.

Я полагаю, что у меня, должно быть, была какая-то неясная потребность в с рисовал даже в раннем детстве, потому что помню, как рассказывал своему брату длинные истории, в которых мальчик прятался в пещере глубоко под землей или заползал в сундук и закрывал крышку. Моя грудь

ио

ВАННА ДИОГЕНА

- с лампочкой внутри и запасом еды - была для меня символом субъективности.

Думаю, я был необычайно любящим ребенком, несмотря на мое отвращение к тому, что со мной ‘возились’. Эта привязанность была разделена примерно поровну между моей матерью и моим братом Барри. Все так говорили Барри был совершенно не похож на меня. Там, где я был прямолинеен, он был застенчив; там, где я был агрессивен, он уступал. Мы постоянно ссорились, и я постоянно его бил. Но победа над ним только заставила меня полюбить его больше, чем когда-либо, - я полагаю, это было противодействие темперы. улучшения. Я жила в постоянной агонии привязанности и беспокойства за него. Однажды он отправился на пикник к реке Соар с моим двоюродным братом Роем; весь день я была уверена, что он утонул; когда он вернулся домой очень поздно вечером, я часами стояла у окна, ненавидя своих родителей за то, что они отпустили его. В другой раз он поздно вернулся домой из школы; я прошел несколько миль, разыскивая его, и наконец обнаружил его в тачке, которую толкал какой-то старик. Правда, он направлялся в сторону нашего дома, но я все равно был уверен, что спас его от похищения сексуальным маньяком. (Было совершено несколько убийств детей - это было примерно в 1938 году, - и нас предупреждали о том, что мы не должны встречаться с незнакомыми мужчинами.)

Барри запротестовал, сказав, что устал, и старик предложил его подвезти, но мы взяли с него обещание в будущем отказываться от любых предложений подвезти его.

Помимо Барри, моя жизнь была полностью связана с моей матерью. Когда я родился, ей было девятнадцать, и супружеская жизнь в годы кризиса казалась ей изнурительной и неблагодарной. У них с отцом были противоположные темпераменты. Мой отец был главой семьи своей матери с тех пор, как его отец погиб в 1914 год; моя бабушка содержала семью, занимаясь стиркой. Они жили в суровом районе, и мой отец рос жестким и волевым человеком, склонным к вспышкам гнева или привязанности. Когда я стал старше, вспыльчивость перевесила привязанность. У моей матери тоже была своя воля, но она любила читать и унаследовала от своей матери тихий и кроткий нрав. Мой отец никогда не читал книг, а любил проводить вечера в пабе. Выпив полдюжины кружек пива в воскресный обеденный перерыв, он , скорее всего, отправлялся спать без обеда и засыпал в ботинках. Он много работал, но платили ему мало (он работал на

3 фунта стерлингов в неделю в тридцатые годы), и он почувствовал, что заслужил свой вечер в пабе. Денег всегда не хватало, и моя мать часто плакала. Когда ей было плохо, она доверилась мне, и я стал относиться к пиву как к трагедии нашей жизни. Одно из первых предложений Я когда-то научился правильно писать (в возрасте шести лет): “Папа пьет пиво”. Мой отец справедливо расценил это как критику его привычек и приказал мне порвать его.

Но теперь мне кажется, что моя мать часто была несчастна в детстве и что она привила мне болезненную чувствительность, сделав меня поверенным в своих разочарованиях. У моего отца тоже были свои заботы, но я ничего о них не знал. Когда я была совсем маленькой, он часто покупал мне сладости, ласкал меня и играл со мной; затем, совершенно внезапно — по крайней мере,

мне так показалось — он отодвинулся от меня на расстояние вытянутой руки, стал раздражительным и деспотичным. Он, без сомнения, чувствовал, что жизнь обошлась с ним жестоко, сделав его отцом еще до того, как он вышел из подросткового возраста, и заставив работать на захудалой обувной фабрике за мизерную зарплату. Поэтому были жестокие ссоры дома, и, по крайней мере, одна из них закончилась тем, что мои мать и отец ударили друг друга посреди комнаты. В другой раз моя мать ударила отца по лицу в пабе. Мой отец говорил, что моя мать была бессердечной, потому что по характеру была отстраненной и неэмоциональной, а моя мать называла моего отца сентиментальным дураком, потому что его легко было растрогать, а чувство жалости могло довести его до слез.

Естественно, я был на стороне моей матери. По-видимому, я бы даже рассказал школьному учителю о ссорах дома и нехватке денег. (Моя мама напомнила мне об этом на днях; я этого не помню.) Однажды я спросил свою маму, что я могу взять в школу на “ланч” (утренний перерыв), и она ответила: “В доме нет еды”. Помню, все утро меня угнетало ужасное ощущение трагедии: мы умирали с голоду. Мне хотелось помчаться домой и утешить маму. Но во время ланча она была весела и безразлична, и когда я напомнил ей о том, что она сказала, она ответила, что имела в виду только то, что еще не ходила за покупками, а не то, что у нас не было ни гроша. То утро, должно быть, было для меня необычайно печальным; я все еще отчетливо помню его, спустя двадцать пять лет, и мое ощущение иронии жизни, с тех пор как каждый один из них в школе был веселым, в то время как я пребывал в глубокой депрессии.

12

ВАННА ДИОГЕНА

Я думаю, что, должно быть, унаследовал большую часть сентиментальности моего отца. мышление. Я помню, как со слезами на глазах прощался со старым другом. пальто в школьном гардеробе, в тот день, когда мама сказала мне, что собирается купить мне новое.

Когда мне было восемь, мама пошла работать на местную чулочно -носочную фабрику, и это облегчило финансовое положение семьи. Ей не нравилась эта работа; из-за этого она постоянно чувствовала усталость. Мой отец хотел, чтобы она продолжала; естественно, он был рад возможности угостить своих друзей пинтой пива с из-за необходимости брать взаймы из арендной платы. Два года спустя она решила эту проблему, родив еще одного ребенка — моего брата Родни. Но в то же время она работала, готовила еду и занималась домашним хозяйством, и лелеяла обиду на пиво, что ложилось на нее двойным бременем.

Мне трудно сказать, было ли мое детство счастливым. Я подозреваю, что очевидно, что детство большинства людей более похоже друг на друга, чем мы предполагаем. У детей очень мало возможностей для устойчивого счастья. Доктор Джонсон полагает показал, что счастье и несчастье всегда в значительной степени одинаковы для каждого человека, и счастье великого полководца, спасшего свою страну, в точности такое же, как счастье девушки , пришедшей на свой первый танец. Это, безусловно, относится и к детям. Их можно сделать несчастными или веселыми, но по-настоящему несчастное или по-настоящему счастливое детство - это, должно быть, редкие исключения. Большинство из них чередуют то и другое, с теми же радостями, теми же затруднениями и чувством вины, той же гордостью, тем же энтузиазмом. У меня, конечно, не было причин быть несчастной. Никто никогда не относился ко мне плохо. Иногда меня били - часто отцовским кожаным ремнем, - но обычно я это заслуживала. Мои бабушка и дедушка баловали меня. У меня были разные увлечения коллекционированием - резиночек, карандашей, геометрических инструментов, комиксов, перочинных ножей. Я иногда воровал — обычно продукты из кладовой или яблоки из местных садов. Я считался хорошим “драчуном” и обычно выигрывал свои драки. Я не могу рассказать о сексуальных приключениях детства, потому что, хотя в детстве у меня был обычный интерес к собственным гениталиям, секс как таковой меня не интересовал. В письменной форме об этом я найти его трудно не сделать это звучит, как будто я был немного педантом, но это было не какого желания быть ‘хорошим мальчиком’, которые мне мешали возникли ранний сексуальный опыт список литературы вообще. Я с некоторым интересом слушал, как старшие мальчики хвастались тем, что, по их словам, они делали с девочками; но я не мог

никогда не покидает легкое чувство отвращения, как будто они оскверняют их личности. Я могу только констатировать тот факт, что в детстве я , по-видимому, был “недостаточно сексуален’. Когда однажды школьный друг объяснил мне , как появляются на свет дети, я отказалась ему верить. Я полагаю, что такого рода пуританство - это вопрос темперамента, который, вероятно , чаще встречается у девочек, чем у мальчиков.

Правда, в нем были некоторые признаки того, что сейчас кажется сексуальными извращениями. Я любил наряжаться в одежду моей матери, включая ее нижнее белье. Как я понял из слов Хэвелока Эллиса, это часто указывает на склонность к гомосексуальности - как и мои прошлые отношения с ней. сильная привязанность к моей матери и неприязнь к моему отцу. На самом деле, Я ни разу не видел никаких следов гомосексуализма в моем макияже в любое время, хотя у меня иногда были уверены гомо сексуальные друзья, что каждый человек имеет гомосексуальную фазу В подростковом возрасте. Если и было, то я этого не заметил. Я также проявлял очень отчетливые склонности к садизму, которые проявлялись в яростной нетерпимости ко всему, что казалось мне слабым или глупым. Маленькая девочка, жившая в начале улицы, вызывала у меня садистский порыв, потому что казалась какой-то слабой и слишком “девичьей”, лишенной жизненной силы, которую она заменяла блеющим, слащавым очарованием. Я часто щипал ее, когда ее родители не видели, а потом утверждал , что понятия не имел, почему она плачет.

Этот садизм в конечном итоге привел к самым страшным побоям, которые я когда-либо испытывал в своей жизни. Это было Пятого ноября; мне было, наверное, лет шесть или семь. Мы с Барри остановились поговорить с двумя маленькими детьми, и я почувствовала , что они “глупые”. Мы немного поиграли с ними; потом я шепнула Барри, что по моему сигналу мы оба их ударим. Я подал сигнал, мы с Барри оба ударили детей, а затем убежали со скоростью ветра. Их родители вышли на улицу и увидели, как наши красные футболки исчезают за углом. Через десять минут они нашли нас наблюдающими за костром на пустыре и пошли к

нашим родителям. Нас отволокли в постель, и мой отец пристегнул нас своим кожаным ремнем. Несмотря на боль, я закричал, что Барри не имеет к этому никакого отношения, поэтому ему разрешили уйти после нескольких ударов; тогда мой отец бил меня до тех пор, пока у него не устала рука. На следующее утро нас вызвали к директрисе школы, и нам пришлось извиниться и сказать, что мы больше никогда так не поступим.

Я начал драться, когда был совсем маленьким. В детстве мой отец

он был чемпионом по драчке и часто рассказывал мне, как защищал свою сестру Лил от мальчика гораздо старше себя и победил его. В юности он был хорошим боксером-любителем, и у него была вмятина на носу и сплющенное ухо. Поговаривали даже о том, что он хотел стать профессионалом; к счастью, он проиграл бой, который мог решить судьбу его карьеры. Но он много рассказывал о своих детских поединках и давал мне элементарные уроки бокса, из которых я так и не извлек пользы, поскольку ни один ребенок не станет беспокоиться о боксе, когда окажется лицом к лицу с противником. К большинству его увлечений я не испытывал ни сочувствия, ни готовности. Он был знаменитым футболистом, чемпионом по плаванию и гордился тем, что чистил свои ботинки и расчесывал волосы на пробор. Одна из его любимых историй была о том, как его вызвали перед всей школой, чтобы директор мог продемонстрировать им свой идеал чистоты и опрятности. Я был ленивым и неопрятным. Я не любил футбол, так как никогда не мог подобраться к мячу достаточно близко, чтобы ударить по нему. Я люблю воду, но никогда не был быстрым пловцом; мои способности по-прежнему ограничены медленным брассом. Но я мог бороться. Я обычно набрасывался на противников, размахивая кулаками, и обычно они, казалось, отступали. Но я не любил драться и иногда позволял себе издеваться из трусости. Иногда, Я сам удивился, когда вышел из себя и избил того, кого боялся , как однажды, когда я набросился на маленького мальчика по имени ‘Тич’, школьный хулиган. Но много лет спустя я допустил то же самое Он ударил меня по лицу из-за какого-то нелепого недоразумения, и , хотя я желал ему смерти, я боялся ударить его в ответ.

Кража была довольно безобидной, пока мне не исполнилось десять, когда кто-то показал мне, как ‘обкрадывать’ магазины Woolworth и другие крупные магазины. Я думаю, что это, вероятно, был мой двоюродный брат Джон, который оказывал довольно сильное влияние на мое детство. Он был на год младше меня (что для ребенка равняется пяти годам), он был безрассудным и своевольным , и поэтому составлял отличную компанию. Ему нравилось лазать по деревьям, в то время как я боялся высоты и ненавидел деревья. Он был экспертом по скрэмпингу (воровству яблок), обкрадыванию и изобретению различных шалостей, чтобы скоротать праздники. У Джона был один серьезный недостаток: он вдруг начинал вести себя как сумасшедший, выходил из себя или отказывался выполнять то, что обещал.

Но когда он был в хорошем настроении, с ним было так хорошо, что мы прощали ему эти приступы. Как и я, Джон тоже считался ‘умным’

15

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

в семье, таким образом, между его родителями и моими существовало что-то вроде мягкого, но постоянного соперничества; оно усиливалось из-за того, что моя мать и ее сестра, тетя Дора, всегда ревновали друг друга в детстве.

Мы с Джоном обычно гуляли “по городу”, если у нас не было денег на автобус, и обходили большие магазины, воруя перочинные ножи, рождественские новинки и все остальное, что не представляло особой сложности. У детей, конечно, нет совести; они невинны, как дикари. Как и дикари, они любят игрушки, безделушки и гаджеты. Я никогда не испытывал угрызений совести из-за воровства - и сейчас, оглядываясь назад, тоже. Я был убежден, что все дети в Лестере набросились бы на большие магазины, как саранча, если бы были уверены, что их не поймают. В детстве мой отец однажды присоединился к группе мальчишек, которые проникли в большой магазин, вероятно, Woolworth’s, через крышу; я думаю, что некоторых из них поймали. Я часто мечтал об истории моего отца и часами

представлял себе в деталях, что бы я взял, если бы смог попасть в магазин Woolworth's ночью. Шоколад, авторучки, увеличительные стекла, перочинные ножи, приспособления, с помощью которых можно оглядываться назад. они вращались (назывались "обзорные микроскопы") и металлические листы , которые при падении издавали звук, похожий на звон бьющегося стекла. Я также особенно гордился несколькими маленькими красными книжечками, которые я украл и которые назывались 'Узнайте обо всем в интернете" или что-нибудь в этом роде, содержащее всевозможные статистические данные и всевозможную информацию: "Знаете ли вы семь самых высоких зданий в мире?" "Знаете ли вы самый длинный туннель в мире?' и т.д. 4

К счастью, меня ни разу не поймали - за исключением одного раза, много лет спустя; но тогда мне разрешили уйти, пообещав больше так не делать. Возможно, причина была в том, что, хотя я так сильно хотел иметь перочинные ножи и игрушки , у меня также было сильнейшее желание не быть пойманным, и я проявлял максимальную осторожность.

Оглядываясь назад, мне кажется, что в детстве я был склонен к воровству. худ; это никогда не покидало меня в мыслях. Несколько лет спустя я обнаружил, что гангстерские романы продаются по высокой цене; я знал букинистический магазин, где за два шиллинга "Бена Сарто" или "Дарси Глинто" в мягкой обложке давали один шиллинг и шесть пенсов. (Микки Спиллейн в те дни не был широко известен.) Я также знал об одном книжном магазине, владельцу которого иногда требовалось несколько минут, чтобы выйти из подсобного помещения, когда в магазин заходил покупатель. Так я получил

у него вошло в привычку брать книги из одного книжного магазина и тут же продавать их в другом. Но я никогда не клал учебники в карман или школьный ранец; это было бы слишком опасно; я всегда засовывал их подмышку, рядом с рубашкой. Эта предосторожность оказалась разумной: хозяйка магазина

заподозрила меня в краже книг в мягких обложках и однажды потребовала показать, что у меня в ранце. Она выглядела озадаченной и разочарованной , когда обнаружила только школьные учебники. Но я воспринял это как намек на то, что “страсти накаляются”, и отказался от перепродажи “Бена Сарто” как средства получения дохода.

Без сомнения, такие переживания не редкость среди детей; Я упоминаю о них, потому что думаю, что они должны иметь отношение к моему становлению как писателя. Ложь и коварство - обычные детские переживания, но ребенок лжет только тем , кто имеет над ним непосредственную власть, - родителям, школьным учителям. Но обычное воровство - это совсем другое. это серьезное дело; оно направлено против авторитета общества и чревато более суровыми наказаниями. Развитие гена может быть сложным богаче, чем мы думаем - от вора до бунтаря и “аутсайдера”. Было бы интересно получить сведения обо всех преступных деяниях всех художников и писателей за последние сто лет. Викторианцы считали, что Джордж Вашингтон, Джордж Фокс и Гладстон были прототипами будущих лидеров человечества. ‘Отец, я не умею лгать”. Я всегда был склонен думать, что, возможно, Чарли Пис и Джим Пенмен являются более точными символами духа, который способствует прогрессу.

Я изо всех сил пытаюсь мысленно вернуться к тому, что было главным в моем детстве. Основным фактором было презрение к взрослым. Они , казалось, так мало понимали; их отношения с детьми были такими невероятно непродуманными. Так мало из них казались естественными. Я осознал, что Г. К. Честертон задал мне вопрос: “Почему в мире так много блестящих детей и никчемных взрослых?” Я никогда не встречал взрослого, которым я мог бы полностью восхищаться, о котором я мог бы подумать: “Я бы хотел вырасти таким, как он”. Возможно, это произошло потому , что у всех взрослых, с которыми мне приходилось встречаться, было так же мало денег, как и у моей собственной семьи. По сравнению с большинством родственников моих отца и матери нам, казалось, повезло. Когда мне было четыре года, мы переехали в Поместье на Коулмен-роуд превратилось в муниципальный дом с довольно большим садом как сзади, так и спереди. Дороги были широкими, и

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

по краям, обсаженным деревьями и травой, комнаты дома казались большими и светлыми. Большинство родственников моего отца жили по соседству район, в котором он родился, в крошечных, душных домиках с узкими полосками садов на заднем дворе. За все свое детство я ни разу не заходил в дом, который вызывал бы у меня желание жить в нем. Все могло бы быть по-другому , если бы я когда-нибудь встретил “богатых”; к счастью, я этого не сделал. Таким образом, я оставался свободным от каких-либо социальных амбиций и совершенно не осознавал себя членом “социального класса’. Единственное честолюбие, которое я испытывал в связи с стремление к взрослению состояло в том, чтобы никогда не стать таким взрослым, как те, кто Я знал.

Странным образом я была религиозной. Когда моя мать впервые объяснила мне, что Иисус сотворил мир, я восприняла это как фактическую информацию, которая многое объясняет. Когда она сказала, что Иисус услышал бы меня, если бы я выругался, но я старался не ругаться и молился о прощении, если забывался. Мне был любопытен мир, и я всегда натыкался на важную информацию, о которой взрослые по необъяснимой причине забывали упомянуть. Например, мне было семь лет, когда у нас был первый урок истории, и я впервые услышал о том, что было до того, как на земле появились люди, о динозаврах и саблезубых тиграх. Мне показалось удивительным, что никто никогда не рассказывал мне всего этого раньше. В какой-то энциклопедии (кажется, это был Артур Детская энциклопедия Ми) Я видел иллюстрацию к роману Жюля Верна. Двадцать тысяч лье под водой показывают, как капитан Немо открывает Атлантику. Я задавал вопросы об Атлантиде, и снова поразило, что никто не удосужился рассказать мне о столь увлекательной предмет.

У моей бабушки был спиритуалистом, и каждый принял участие в спиритическом сеансе В ночь на воскресенье. Вероятно, именно она ответила на мой вопрос о том, что происходит после смерти,

предложив мне краткое изложение идей Сведенборга, Конан Дойла и сэра Оливера Лоджа. Эту информацию я добавил к фрагментам естественной истории, богатому воображению и религиозным наставлениям, которые составили мою картину Вселенной. Картина складывалась; она начинала заполняться. Насколько я помню, тяга к “системе”, объяснению мира, уходит корнями в далекое прошлое. Я даже подробно объяснял это школьным друзьям. Но я был уверен, что все взрослые обладают совокупностью всех человеческих знаний, и, поскольку мне не нравилось быть ребенком и я хотел повзрослеть, я начал усваивать их по крупицам. Однажды,

ВАННА ДИОГЕНА

в начале войны я слышал, как мой отец и один из моих дядей говорили об этом; мой отец доходчиво объяснил, как мы собираемся выиграть войну. Мы победим Гитлера в Северной Африке, потому что Немцы не привыкли воевать в пустыне, в то время как британцы завоевали Индию и большую часть Африки. Гитлер был бы вынужден… вывести свои войска из Франции, и мы снова вторглись бы в Европу. Его теория также основывалась на непобедимости британской морской мощи и, как я уже забыл, на французской линии Мажино. Я слушал с большим вниманием и в течение нескольких недель объяснял всем, кто соглашался слушать, как Англия выиграет войну. Это была еще одна информация, столь же достоверная, как истории об Иисусе , динозаврах и Атлантиде; рассказывая об этом, я торжественно предупредил своих друзей, чтобы они не повторяли ее, на случай, если немецкий шпион подслушает и предупредит Гитлера.

Я подробно останавливаюсь на этом, потому что примерно до десяти лет я придерживался такого же мнения. Информация есть информация, и когда ты накопишь ее достаточно, ты узнаешь все. Я до сих пор помню , какой ужас я испытал, когда узнал от своей матери, что двоюродный брат Отец Джона был атеистом. Я спросил его об этом при первой же возможности, и он признал это. “Но если не Иисус сотворил мир”, - возразил я, - “Кто же это

сделал?" 'Я не знаю. Возможно, никто". Я не уверен, было ли это моим первым осознанием того, что информация может быть не информацией, а всего лишь мнением; что проблема заключалась в том, чтобы провести различие между информацией и мнением. Я чувствовал себя как человек , который построил дом, а потом ему сказали, что половина его кирпичей пустотелые и их унесет ветром.

Но я забегаю вперед в своем рассказе. Я пытался показать , что за моими религиозными убеждениями стоял тот же импульс, который побудил меня совершить кражу в магазине Woolworth. Оба они возникли из того, что я могу описать только как манию власти. Знание было одной из форм власти, материальные блага - другой. Однажды я прочитал статью в журнале для мальчиков, в которой описывались вещи, которые все мальчики должны носить в карманах. В их число входили перочинный нож, моток бечевки, резиновая крошка, карандаш, английская булавка и т.д. Автор пришел к выводу, что мальчик, который носил бы с собой эти предметы, был бы подготовлен ко всем возможным неожиданностям. счастье в жизни. Я сразу же собрал различные предметы и носил их с собой в течение многих лет, пока не обнаружил, что никогда ими не пользовался.

большинство из них. Жизнь казалась слишком опасной и непонятной, и против нее нужно было принимать все меры.

И все же я должен признать, что у меня было мало опыта, который мог бы про дуче испытывал недоверие к миру. Было несколько, но они казались незначительными. Например, мой отец выиграл в лотерею красный складной нож и позволил мне взять его с собой, когда я пошел играть. Мне было тогда около четырех лет. Мальчик из мясной лавки увидел его и спросил, можно ли ему его одолжить. Я отказался, но он пустил в ход все свои убеждения и сказал , что хочет всего лишь проехаться с ним вокруг квартала. В конце концов, я одолжил его ему; он уехал, а я прождал на углу несколько часов и в конце концов вернулся домой в слезах. Мы так и не нашли его, хотя мой отец наводил

справки во всех мясных лавках по соседству. Несколько лет спустя у меня был такой же опыт, когда мы с другом отправились в Брэдгейт-парк, расположенный в десяти милях от Лестера. Водитель фургона попросил нас помочь ему загрузить несколько банок и предложил подвезти нас обратно в Лестер позже вечером, когда ему нужно будет возвращаться. Мы деловито загружались в течение часа, потом он уехал, но, хотя мы дождались прибытия последнего автобуса, он так и не вернулся. В обоих случаях, когда я осознавал, что меня обманули, я испытывал безнадежную ярость и мечтал о садистских мучениях; но это чувство было недолгим.

Мои контакты с более зловещими видами предательства - с сексуальными домогательствами. версия - беспокоила меня меньше. Когда я был совсем маленьким , ко мне подошел мальчик и попросил поиграть с ним. Я обнаружил, что в его представлении “игра” была исключительно сексуальной, и это продолжалось часами. Когда он, наконец , отпустил меня, я пошел домой и рассказал родителям, и мой отец сказал, что я Затем он вытащил меня на перекладине своего велосипеда в поисках юноши, но тот исчез. Этот эпизод показался мне любопытным, но не пугающим; мне все это наскучило.

Более поздний эпизод мог иметь более серьезные последствия. Когда Мне было семь или восемь лет, я направлялся в публичную библиотеку с Барри и другом, когда к нам подошел мужчина на велосипеде и спросил, не хотим ли мы карточки на сигареты. Нас всех предупредили, чтобы мы не заговаривали с незнакомыми мужчинами, но я был жаден; я настоял на том, чтобы оставить двух других (которые отказались идти), и ушел с этим человеком. Он повел меня на какие-то огороды и в небольшой лесок. Когда мы вошли в лес, он увидел человека, стоящего у ворот и наблюдающего поглощающий нас. Поэтому, когда мы заехали в лес, он прислонил свой велосипед к дереву, попросил меня подождать его и ушел. К этому времени я уже был

встревоженный, потому что он сказал мне, что сигаретные карточки были зарыты. Я прокрался за ним и увидел, что он стоит на четвереньках у опушки леса, вглядываясь в человека, который наблюдал за ним. Не на шутку перепуганный, я выскользнул из леса с другой стороны и бросился бежать, как заяц. Через несколько минут я встретил Барри и моего друга, которые пришли меня искать, уверенные, что меня убили. Возможно, я бы так и поступил, или, возможно, намерения этого человека это было всего лишь сексуальное насилие. Но если опасность и была близка, я об этом не подозревал. Я никогда не ожидал, что со мной случится что-то ужасное, и ничего такого не случилось.

Тем не менее, я понимал, что мир может быть коварным местом. Надо мной часто издевались и избивали мальчишки из трущоб, которых, возможно, поощрял мой очевидный страх перед ними. Так что по ночам, ложась спать, я рассказывал Барри длинные истории о супер-мальчике по имени Том Перри, который жил в замке на диком Западе, возглавлял банду ковбоев, в которую входили Бак Джонс и Кен Мейнард, и часто в одиночку побеждал банды оборванцев из трущоб.

На протяжении всего моего детства я всегда осознавал две противоположности внутренние импульсы: недоверие к миру и чувство неуязвимости, полной уверенности в себе. Последнее кажется мне важным, поскольку тесно связано с уверенностью, возникающей из-за того, что тебя избаловали. Я могу вспомнить множество случаев, когда мне хотелось что-то сделать, и я делал это с легкостью, которая удивляла меня самого, - легкостью, которая каким-то образом была чужда субъективной и интроспективной части меня. Когда мне было пять лет, мои отец и дедушка научили меня различным стихам и песням , а также декламации, которая якобы была речью Вы читаете отрывки из Диккенса. (Я всегда считал, что он китаец человек, пока я, наконец, не прочитал “Дэвида Копперфилда” и не обнаружил, что У Диккенса это называется “Урия Хип”.) Меня убедили петь или декламировать их, стоя на столе, когда у нас были гости. Мой брат Барри и других двоюродных братьев и сестер никогда нельзя было заставить делать то же самое, но я всегда был рад, что меня сажают за стол и уделяют мне столько внимания. Там я заламывал руки, заявлял, что я “скромный человек”, и заканчивал угрозами выжать кого-нибудь досуха, как кровавый апельсин. В качестве альтернативы я пел шуточные песни, особенно ту, которая называлась “Стоя у дверей сумасшедшего дома’. В подростковом возрасте, когда я вспоминал об этих экстравертных занятиях, мне казалось непостижимым , что я не испытывал

никакой застенчивости.

21

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Некоторые эпизоды с лазаньем по деревьям и драками, похоже, относятся к одной и той же психологической категории. Я помню мальчика, которого все боялись; однажды в школе он вывел меня из себя, и я с абсурдной легкостью повалял его по всей игровой площадке. Драка каким-то образом относилась к совершенно иному порядку событий, чем те, которые происходили с моей обычной личностью; она казалась такой же неизбежной и безобидной, как лунатизм.

И все же я знал, что это чувство уверенности может быть обманчивым. Рядом с нашим домом через ручей был перекинут мост, по которому проходили трамвайные пути. Когда трамваи были списаны, этот мост частично разобрали, оставив только железные балки через ручей. Однажды я собрался с духом и прошел по одной из этих балок, осторожно, шаг за шагом. Перейдя ее без приключений и опасности потерять равновесие, я проделал это снова, уже быстрее. Наконец, я смог бежать по балкам почти так же быстро, как по твердой земле. Однажды я небрежно прогуливался по балкам и разговаривал с несколькими друзьями, которые стояли слева от меня; поскольку моя голова была повернута вбок, я не мог видеть, куда иду, и оступился. Мне удалось восстановить равновесие, но это научило меня опасностям чрезмерной самоуверенности. Через несколько дней после того, как это случилось, один из моих друзей упал с балок и сильно ушибся о острые куски бетона в ручье, что усилило мое ощущение опасности. Я перестал ходить по мосту.

Эти эпизоды тривиальны, но я пытаюсь понять , что за ними кроется. Делают ли это люди действия - такие, как Наполеон и Гитлер — провести всю свою жизнь в том лунатическом трансе , который я испытывал лишь изредка? Если да, то в чем смысл этого транса? Являются ли такие люди, как утверждает Йейтс , инструментами в руках силы духа истории? Неизбежно, что большую часть своей жизни мы проводим в расчетах, в духе

осторожности и беспокойства, готовясь к поражению или, по крайней мере, к тяжелым неудачам. Мир неврозов и “тошноты” отражен во всем нашем искусстве и литературе; казалось бы, это суть сознания в двадцатом веке. Даже у отъявленного скептика, историка, который считает Шпенглера и Тойнби “гадателями на кофейной гуще”, не может быть сомнений в том, что миллиарды наших наблюдательных умов отражают дух “Гамлета”, даже если за фразой “дух эпохи” нет реального смысла. Невроз - это

болезнь, связанная с чрезмерным бодрствованием. Люди, потерявшие способность засыпать, могут испытывать почти суеверную зависть к лунатикам. Не в этом ли причина того, что мы живем в век демагогов и “популярных идолов”, Гитлера и Мэрилин Монро? Являются ли войны двадцатого века отражением потребности в богах? Человек действия, движущийся с точностью автогонщика, никогда не перестанет осознавать, что милостью богов он избежал смерти. (Иногда я испытываю такое же чувство, когда еду ночью на большие расстояния). Таким образом, опасность становится способом восстановить ощущение божественности и погрузить измученное эго в транс лунатика. Отсюда такие любопытные аномалии, как у Т. Э. Лоуренса, Сент-Экзюпери, Эрнеста Хемингуэя и даже покойного Джеймса Дина. Насильственная смерть тоже становится в некотором роде неизбежной.

Однако символом моего детства никогда не были гонки-очки Лоуренса или Сент-Экзюпери, но ванна Диогена. Обрести полную независимость, как юноша по имени Гекльберри Ходж, о котором писали в “Ровере” или в других моих любимых мальчишеских газетах, жил в бочке и ловил рыбу, привязав леску к большому пальцу ноги, пока спал. Когда я вспоминаю свое детство и пытаюсь снова сфокусировать этот импульс, мне кажется, что в моей жизни доминировало желание сжаться в точку.

3

раздражители

устами Джека Таннера Шоу заявляет, что величайшей революцией его детства было “зарождение нравственной страсти”; до этого времени он лгал и воровал “с не большей совестью, чем лиса на птицефабрике”. Кажется, я припоминаю, что Шоу где-то описывает зарождение этой страсти в возрасте четырнадцати лет или около того. В моем случае это произошло раньше. Я был бы склонен назвать это проявлением бескорыстия, поскольку вся ложь моего детства (а я лгал много и безвозмездно) была попыткой заинтересовать взрослых или произвести на них впечатление.

Когда мне было десять, я поехала погостить в деревню Миддлтон, недалеко от Корби, к тете Конни (сестре моей матери) и дяде Фрэнку Карлайл. Через две недели, перед моим отъездом, дядя Фрэнк подарил мне книгу под названием “Чудеса и тайны науки”, которая стоила пять шиллингов и была полна фотографий звезд, водопадов и других интересных объектов. Однажды утром, лежа в постели, я прочитал главу о планетах и узнал о теории профессора Лоуэлла о том, что Марс может быть населен расой, которая роет каналы, такие же прямые, как Римские дороги. Мне показалось, что это была еще одна из тех замечательных сведений, которые мне должны были сообщить в пятилетнем возрасте, но по какой-то причине от меня скрывали. Я начал читать все по астрономии, что мог найти в местной библиотеке.

До этого времени мое воображение в основном было сосредоточено на смерти и насилии. Меня знали все соседские мальчишки я работал рассказчиком ужасных историй, которые сам придумывал или собирал по кусочкам из фрагментов прочитанных мною страшилок; обычно это были монстры Франкенштейна, зомби и вампиры, а также фримены. скорее всего, все трое.

С внезапным ростом моего интереса к науке я увлекся

страшилками. Должно быть, примерно в это время мой дедушка подарил мне старый научно-фантастический журнал, который Я прочитал с чувством откровения. Я увлекся научной фантастикой;

Я жаждал этих журналов, как алкоголик - виски. Во время войны их не было в продаже, но во многих книжных магазинах продавались бывшие в употреблении система обмена - вы не могли покупать их научно-фантастические журналы, но, получив один из них, вы могли обменивать его сколько угодно раз , заплатив несколько пенсов. Я не был удовлетворен тем, что обменял свой журнал; я хотел собрать коллекцию, поэтому в течение следующего года или около того я полностью развил свои навыки вора. Два или три раза Владелец магазина чуть не заметил меня, когда я собирался подсунуть журнал. но коллекция росла, пока у меня не стало около шестидесяти журналов - “Удивительные истории”, “Захватывающие истории о чудесах”, “Фэнтези” “Журнал” и так далее. Я не помню, как долго длилось это увлечение, но уж точно несколько лет.

Примерно в то же время - на мой одиннадцатый день рождения или на Рождество Христово мама купила мне дешевый химический набор. Я работал разносчиком газет, чтобы заработать денег на покупку пробирок и химикатов (во время войны это тоже было непросто); и я превратил свободную комнату в доме в лабораторию. Все в семье жаловались на это; в доме постоянно воняло хлором и сероводородом. Каждую субботу после обеда и воскресенье я проводил в своей лаборатории, производя запахи и взрывы. Мое открытие о взрывчатом потенциале концентрация хлората калия и серы при ударе молотком вызвала ажиотаж, который, казалось, распространился по всему Лестеру. Хлорат калия можно было получить практически в чистом виде в виде таблеток для горла. Через зимой 1942 года наш район сотрясался от взрывов. Своего рода бомбу можно было изготовить, взяв два больших болта и соединив их гайкой, в которую вставляли хлоратную смесь. Затем

ее подбрасывали в воздух. Когда он приземлялся, два болта с силой разлетались в стороны; таким образом было разбито много окон. Я подозреваю , что, возможно, я также был ответственен за эпидемию карбида. Большинство веломагазинов продавали карбид калия в жестяных банках; при попадании в воду образуется газообразный ацетилен, который легко воспламеняется. Впечатляющие взрывы можно произвести, если опустить карбид в большую жестяную банку с водой на полдюйма, а затем закрыть ее крышкой . Если в крышке просверлить небольшое отверстие и поднести к нему луч света , то можно гарантировать, что смесь воздуха и ацетилена поднимет крышку на десять футов в воздух и, возможно, прогнет банку. Более опасная практика - смешать карбид и воду в бутылке с завинчивающейся крышкой, поставить ее на забор и бросать в нее камни. Если

давление достаточно велико, бутылка может взорваться до того, как по ней ударят; в любом случае, взрыв получился удовлетворительный. Я разбил окно в пятидесяти ярдах от нас, когда использовал для эксперимента бутылку из-под крепких напитков; взрыв также выбил соседей со всей улицы на улицу. Сторожа в нашей школе оставили на ночь. работал на промывке и заправке чернильниц, в которых чернила из-за карбида превратились в грязно-коричневую пасту; угрозы немедленного изгнания окончательно положили конец повальному увлечению.

Для полноты картины я должен также добавить, что в Лестере была кратковременная эпидемия кражи кордита. Мы обнаружили, что на армейских свалках в окрестностях были обнаружены красные шелковые мешки, набитые полосками кордита. Однажды мы с другом отправились на велосипеде на ближайшую свалку и вернулись с дюжиной или около того мешков. Кордит разочаровал. Он горел довольно весело, но, как мы ни старались, нам не удалось заставить его взорваться. С отвращением мы начали поджигать полоски кордита и подбрасывать их в воздух.

Подошел полицейский и спросил , что мы делаем; мы сказали ему, что бросаем зажженные спички. К счастью, он не проявил любопытства и даже не подумал обыскать нас или хотя бы взглянуть на обломки полусгоревших “спичек” на земле. Через несколько дней в нашей школе произошел ужасный скандал, и около дюжины мальчиков были исключены из школы за кражу кордита. К счастью, о нас не упомянули, хотя я был хорошо известен всей школе как торговец взрывчаткой. Я либо изготавливал их из пороховой смеси и магния с добавлением различных солей стронция, кобальта или цинка для получения пламени разного цвета, либо уговаривал своего деда, который был надзирателем ARP, украсть для меня смесь , которую ARP использовали в своих имитационных зажигательных бомбах. Я заработал кучу денег, продавая свою взрывчатку в упаковках по три пенса за штуку, особенно когда приближалась Ночь костров и купить фейерверки было невозможно.

И все же, даже если я реализовал свою коллекцию научной фантастики и свой набор по химии сомнительно законными методами, я все равно верю, что именно “нравственная страсть” Шоу зародилась во мне, когда я открыл для себя науку. Что-то изменилось в моей картине мира. Темнота и страх исчезли. Казалось, я наконец-то понял предназначение человека. Может быть, в целом человек и заслуживает презрения, но это потому, что большинство людей слишком ленивы, чтобы заботиться о чем -то, кроме своих насущных потребностей. Я никогда не встречал никого, кто был бы

они меньше всего интересовались идеями или знаниями ради них самих — они все еще редки среди представителей рабочего класса, - но было возможно преодолеть человеческие ограничения благодаря идеалистической преданности знанию уступ. Для меня ученый был героем драмы человеческой судьбы. Я прочитал небольшую книгу Рассела под названием “Религия и наука”, и она представила этот вопрос в перспективе. До появления науки

человечество находилось во власти тиранов, лжецов и фанатиков; теперь человек не сможет регрессировать; великий дух науки никогда не будет уничтожен. Церковь старалась изо всех сил, а теперь ее сметал потоп. (У меня все еще оставались неприятные воспоминания о большой холодной церкви, многочасовом пении гимнов и навязывании банальностей, как будто это был эликсир жизни.)

Я не могу вспомнить, в какой степени на это отношение повлияло чтение Герберта Уэллса, хотя в то время он был писателем, которым я восхищался больше всего. Подозреваю, что я знал только об Уэллсе-рассказчике и был равнодушен к Уэллсу-пророку. Я купил несколько еженедельных выпусков “Очерка истории” ради их цветных иллюстраций и был разочарован, обнаружив, что Уэллс - ученый, занимающийся таким тривиальным предметом, как история.

В этом и заключалась для меня суть привлекательности науки: она резко делит мир на две половины: существенную и тривиальную. “Факты” были единственно существенными в той мере, в какой они давали основу для обобщений . Все факты, которые невозможно было обобщить, включая о 99 процентах моей человеческой жизни можно смело забыть.

Это имеет огромное значение для человека, выходца из рабочего класса , важность, которую вряд ли могут осознать представители среднего класса. В романе Джона Осборна “Вход” есть такая сцена пьеса, в которой домохозяйка устраивает истерику из-за того, что кто-то съел кусочек торта, который она приберегла для кого-то другого; когда я увидела пьесу, она напомнила мне худшие моменты моего детства, а реальность вызвала у меня отвращение. Если я вспоминаю самые жестокие ссоры и сцены моего детства, то причина всегда была такой же банальной, как этот кусочек торта. Я вспоминаю бесконечные разговоры, подслушанные в автобусах или в домах других людей, душераздирающую злобу; но больше всего - ошеломляющую, чудовищную тривиальность, паразитическую тривиальность, которая проела себе дорогу во все ценности. В то время, когда я испытывал к этому самое сильное отвращение — в подростковом возрасте, - одного звука лестерского акцента было достаточно, чтобы у меня мурашки побежали по коже от отвращения.

Наука означала свободу от всего этого; в отличие от религии, ее система ценностей была холодной и неприступной. Свидетели Иеговы, которые приходили к нам, говорили нам, что все остальные секты были введены в заблуждение, а некоторые религиозные организации, например католическая церковь, были орудиями Антихриста. Наука стояла выше подобных разборок блистай, как взрослый, а не как ребенок.

Именно по этой причине я, казалось, стал другим человеком и испытывал новое чувство счастья, беря в библиотеке толстые тома по неорганической химии или читая какую-нибудь научно-популярную статью о циклотроне. (Годы спустя, когда по радио объявили о прекращении работы. при звуке атомной бомбы я бегал по комнате, крича от возбуждения, и чувствовал себя так, как чувствовал бы Свидетель Иеговы, услышав звук трубы Страшного суда.)

Но даже сейчас я так и не объяснил, что же произошло со мной в связи с моим научным открытием. Внезапно все повторяющиеся мотивы моей жизни, все проблески, побуждения и краткие восторги - собрались воедино и объединились в тему, которая в конце концов стала осознанной движущей силой. Полагаю, с тех пор это стало главной навязчивой идеей моей жизни.

Начнем с того, что это было открытие безличного - что человек может получать удовольствие от чего-то, что не имеет никакого отношения к его потребностям и желаниям. Все радости детства связаны с удовлетворением различных потребностей - в еде, игрушках, тщеславии, потребности во внимании и одобрении взрослых. И тут внезапно возникло удовольствие , которое не вытекало ни из чего из этого. Это было все равно, что обнаружить, что у тебя есть лишняя конечность, которую ты никогда не замечал.

Но есть кое-что еще более важное. Мы склонны принимать жизнь такой, какая она есть, а она обычно довольно унылая. В детстве у нас бывают моменты глубокого удовлетворения - например, на Рождество, — и нам трудно смириться с тем, что впереди еще одиннадцать месяцев учебы в школе. И эти моменты убеждают

нас в том, что “жизнь” и “повседневная жизнь” - не синонимы.

Что ж, многие из этих “проблесков” были у меня в детстве, и я не хотел видеть, как они исчезают в ‘свете обычного дня’. Когда вы ребенок, вы предполагаете, что они связаны с определенным временем — Рождеством, Пасхой, августовскими праздниками и так далее; поэтому кажется, что остается только ждать их. Наука научила меня тому, что можно выйти и поискать их.

28

раздражители

Позже я обнаружил, что другие занятия могут принести такие же яркие моменты - поэзия, музыка, математика, живопись, история и археология; даже, как это ни парадоксально, изучение убийств, которое может вызвать реакцию отвращения, пробуждающую чувство эволюции. историческая цель. Но с тех пор, как я начал увлекаться наукой, я стал я направил свой поиск в научное русло и попытался проанализировать психологию этих моментов озарения. Говоря это, я объяснил движущий мотив, стоящий за всеми моими размышлениями и писательской деятельностью.

Все это настолько важно, что стоит забегать вперед . Я обнаружил, что существуют состояния “высшего сознания”, по сравнению с которыми наше повседневное сознание кажется немногим лучше сна. Когда мы пробуждаемся ото сна, нам кажется, что мы явно перешли из одного состояния в другое; это неправда. Мы все еще наполовину проснулись или даже меньше. Мы ходим , окруженные снами, наполовину одурманенные наркотиками. Вот почему мы не ценим жизнь. Это как если бы Бог сказал: “Я дам людям величайший из всех возможных даров - жизнь”, а дьявол ответил: “И я добавлю условие тион: что они никогда не должны ценить это, пока оно у них есть’. Поэтому мы живем во сне; мы подобны здоровым людям , у которых развилась ипохондрия, поэтому мы сидим, дрожа и постанывая, завернутые в одеяла и полные воображаемых болей.

Мы не бодрствуем. Если бы что-то могло пробудить нас, мы бы поднялись , как великаны. В этом абсурдность человеческой

жизни: мы боги, которых загипнотизировали, заставив поверить, что они насекомые. Именно из -за этого постоянного состояния полусна возникает проблема, которую я назвал границей Святого Неота и которую отцы Церкви называли Первородный грех.

По этой причине мы почти не обладаем свободой воли. Мы воображаем , что знаем; на самом деле мы похожи на пьяниц, которым приходится опираться на стены, и которые немедленно рухнули бы, если бы их заставили встать самостоятельно. Как мы можем узнать, насколько велика наша воля во сне? Сон - это время безволия, скрытых страхов, когда вы лежите

‘…и наблюдать, как ночь раскрывает Тысячи отвратительных образов Из которых состояла твоя душа.’

Это время, когда вы пытаетесь убежать от какой-то неясной угрозы, и ваши ноги словно наливаются свинцом. И все же мы можем сделать огромный ментальный шаг вперед.

сделай усилие в ночном кошмаре и проснись. Мы обладаем такой сильной волей сила, несмотря на сон. И точно так же, когда мы ходим во сне каждый день, мы обладаем достаточной силой воли, чтобы стремиться избавиться от снов и заблуждений. Все религии, по сути , являются не более чем признанием этой истины: мы живем, опутанные мечтами и заблуждениями, и “спасение” заключается в том, чтобы каким-то образом сбросить бремя, парализующее нашу истинную волю.

Из-за того, что у людей так мало реальной воли, им нужна цель, чтобы оставаться в здравом уме: они нуждаются в требованиях повседневного существования. Когда В школе я посещала занятия по вязанию чулочно-носочных изделий, пользовалась плоскорезными машинами и обнаружила, что ткань, выходящая из-под станка, должна быть сильно утяжелена; в противном случае шерсть набивается на спицы, и через несколько секунд все это превращается в сплошной клубок. Так и с человеческим существованием; если свобода не имеет смысла, она может превратить человека в животное.

Большинство людей довольствуются своими повседневными целями и не заглядывают за их пределы. Некоторые люди познали другой тип сознания и не могут довольствоваться обычными целями. Они подобны крокодилу из “Питера Пэна”, который попробовал ногу капитана Крюка и последовал за ним по всему миру, чтобы откусить кусочек от другой ноги.

Позже я стал называть этих людей “аутсайдерами”. Придирчивые критики возражали, что этот термин бессмысленен, поскольку все в той или иной степени являются аутсайдерами. Но это неправда. Аутсайдер - это человек, который случайно пережил “пробуждение” и внезапно осознал абсолютную абсурдность человеческого существования - невероятно низкое качество того,

что мы принимаем за повседневное человеческое существование. Очевидно, что “Парадоксальное” поведение некоторых аутсайдеров проистекает из этого понимания — например, вступление Т. Э. Лоуренса в Королевские ВВС. Обычному человеку кажется, что они поступают вопреки своим собственным интересам, ‘отрицают жизнь’. Посторонний человек знает, что тот вид существования, который принимает большинство людей, не стоит называть “жизнью”.

Именно наука впервые заставила меня полностью осознать эту проблему, о которой большинство людей, похоже, совершенно не подозревают. Отныне, Я больше не мог “жить”; мое существование превратилось в поиск чего-то Я проиграл.

В школе я стал ‘любимчиком учителя’ на естественнонаучном факультете. В течение моего первого года обучения в средней школе “Врата” у меня были

раздражители

я был недоволен и оказался последним учеником в классе; но как только Я стал лучшим по химии, все мои остальные предметы улучшились, включая французский и географию. Похожая трансформация произошла двумя годами ранее, когда друг моего отца предложил мне полкроны, если я смогу занять первое место в классе, и я в одночасье превратился из весьма посредственного ученика в своего рода вундеркинда. Мои способности, похоже, основаны исключительно на оптимизме. (Я уверен, что в этом должна быть какая-то мораль для педагогов, но в настоящее время я ее не вижу

.)

Имя Эйнштейна постоянно появлялось в научно-фантастических журналах, поэтому я взял в библиотеке книги по теории относительности и принялся их изучать. “Популярное” изложение

самого Эйнштейна поставило меня в тупик. Но у Эбботта Флатландия, Таинственная вселенная Джинса и множество других симуляторов подробные описания дали мне твердое представление об этом предмете. Мне доставляло удовольствие поправлять учителя физики в вопросах, связанных со скоростью света.

Оглядываясь назад, я понимаю, что я и наполовину не был вундеркиндом Я так и думал. Те знания, которые я получил, мог бы получить любой трудолюбивый одиннадцатилетний подросток, не обладающий ни малейшими научными способностями. Но это было даже к лучшему, что ничего не изменилось. обманул меня. Я привык думать о себе как о вундеркинде; это стало ментальной привычкой, которая защитила меня от преобладающего “заблуждения о незначительности”. Ницше ответил на вопрос “Почему я Я такой умный?”, сказав, что он никогда не тратил время и энергию на вопросы морали и совести; если бы мне когда-нибудь пришлось отвечать на тот же вопрос, я бы, вероятно, ответил: потому что я никогда не тратил время на скромность.

Я уже говорил в другом месте о любопытном эффекте, который Эйнштейн про это было заложено во мне. Я больше не могу реконструировать процесс, с помощью которого я перешел от научной относительности к моральной. Без сомнения, это было основано на моем презрении к большинству взрослых. Этому презрению нужно было найти рациональное объяснение, поэтому я создал концепцию ‘превосходства’. Мне казалось очевидным, что всеми людьми руководит желание считать себя выдающимися. Поскольку все мы осознаем свое собственное существование лучше, чем чье-либо другое, у нас есть основания для ощущения уникальности. Но иногда субъективность индивида становится последним оплотом чувства превосходства; у него нет других причин считать себя уникальным. (Это напоминает мне анекдот про

психиатр, который сказал своему пациенту: “Я обнаружил причину вашего комплекса неполноценности; вы неполноценный”.) Тогда в действие вступает сила самообмана. В крайних случаях это может заставить человека поверить, что он Наполеон, но обычно эти заблуждения более мягкие и не наносят вреда обществу. Сколько раз я слышал, как друзья моего отца в спорах заявляли: “А теперь послушай меня…”, подразумевая, что это не так. тион: ‘Я знаю’.

Это была тревожная картина: мир людей, которые все слегка или полностью безумны; безумны потому, что у человека нет способности к честности. Но поддерживать если кто—то из них был честен - что тогда? Я часто спорил с любым, кто соглашался слушать, предпочтительно со взрослыми. Мне сказали, что я им являюсь зрелый или тщеславный. Стремление к честности привело меня к тому, что я отказался приводить в действие механизмы, с помощью которых мы сохраняем наше самомнение ; поэтому я извивался.

Я был полностью поглощен своим научным миром около двух лет, когда произошли перемены. Каждый вечер я работал, развозя газеты. Незадолго до Рождества 1944 года , когда я собирался отнести газету, моя подруга открыла дверь и пригласила меня войти. В доме было три девочки: Глэдис, Мэй и Бетти (которую мы звали Джинджер). На них были темно-бордовые блейзеры колледжа искусств и технологий, расположенного напротив школы Гейтвей. Мой друг Энди был дружком Глэдис. Они делали домашнее задание по естественным наукам и попросили помощи. Я был в восторге. На следующий день даже Я подумал, что они ждали меня, и снова зашел внутрь. Мэй, которая была пухленькой, симпатичной и довольно застенчивой девушкой, похоже, понравилась мне. Глэдис была более жизнерадостной, и я предпочитал ее, но, поскольку она была собственностью Энди, я был готов пойти на компромисс с Мэй. Все это было достаточно невинно. По утрам мы вместе ездили в школу на автобусе; Воскресными вечерами мы вместе ходили в кино, а потом

обменивались неловкими поцелуями на прощание. И как раз перед Рождеством мы вместе пошли на школьные танцы. Там Глэдис и Энди ссорятся. вскоре после этого я узнал, что Глэдис подумывает о переводе ко мне. Среди взрослых такая ситуация привела бы к истерикам и дракам; в тринадцать лет мы относились к этому более цивилизованно. Глэдис официально стала моей девушкой, но Энди и Мэй по-прежнему приглашали на вечеринку только четверых.

Ничего особенного не произошло, за исключением того, что я приобрел известность в школе

как бабник, что мне льстило. Нам удавалось видеться с девочками по нескольку раз в день, поскольку парни из “Гейтвей” проводили много времени в отделе искусств и технологий.

Но я впервые по-настоящему осознал силу секса. Я все еще был пуританином; поцелуи были для меня пределом сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. Все остальные мальчики моего возраста и знакомые казались мне более сексуально продвинутыми, и я был в курсе того, что происходило в воскресном вечернем кинотеатре, когда гас свет. Тринадцатилетняя девочка, жившая неподалеку от Глэдис, спала с американскими солдатами и зарабатывала на этом кучу денег. Секс был постоянной темой наших разговоров. Назревал неизбежный конфликт; мне хотелось бы позволить себе больше вольностей с Глэдис, но ее удерживала застенчивость. Ее предыдущий бойфренд был менее отсталым; фактически, она была вынуждена бросить его , потому что он пытался ее изнасиловать. Эта идея мучительно преследовала меня, пока, наконец, я не познакомился с ним, движимый непреодолимым желанием Которое показалось мне непонятным. Он оказался приятным, веселым, раскованным и не особенно умным человеком.

Совершенно неожиданно у меня начался период сквернословия,

который был необычным. несомненно, это было выражением разочарования. Я был полностью разделен во взглядах на секс. Это отразилось на моих отношениях с Глэдис; я начал получать определенное удовольствие, причиняя ей боль, как будто она была виновата. Я знал, что у нее был какой-то зачаточный сексуальный опыт, и это мучило меня. Однажды я лежал с ней в постели - я рассказывал ее маленькой племяннице сказку, и мы оба были полностью одеты, - а потом не мог избавиться от чувства презрения к себе, потому что я даже не поцеловал ее.

Однажды несколько человек из нас отправились в Маунтсоррел, недалеко от Лестера. Я поссорился с Глэдис и довел ее до слез. Энди был возмущен и решил, что мне нужно преподать урок, поэтому трое из них вызвали меня на поединок. Я сражался с ними одним за другим. Первого я победил; во втором я уже начал чувствовать усталость, но мне удалось продержаться десять минут. К тому времени, когда я начал драться Энди, у меня перехватило дыхание; он нанес мне такой удар в солнечное сплетение, что я согнулся пополам на земле и подумал, что никогда не смогу отдышаться. Это было началом конца романа с Глэдис. Через несколько дней она бросила меня и вернулась к Энди. (Спустя годы они поженились, и теперь у них несколько детей.)

33

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Я был знаком с Глэдис девять месяцев и с трудом мог поверить, что все это закончилось. Я задыхался от разочарования и сожаления. Приближались августовские каникулы. Я начал читать книги быстрее, чем когда-либо прежде. Тогда у меня возникла идея написать книгу - короткий труд , который обобщил бы все научные знания мира в формулах. Я купил несколько небольших тетрадей в твердой обложке и весь август 1945 года работал над статьями по физике, химии, астрономии, геологии и воздухоплаванию, к которым позже добавил философию и математику. У меня была небольшая библиотека справочной литературы. несколько книг, которые начинались с шеститомного

издания практических Знание для всех, купленное на каком-то церковном базаре. Первоначально предполагалось, что эта работа займет один небольшой блокнот; в конце концов она расширилась до шести. До того, как я начал это делать, у меня не было никаких знаний в области философии, геологии или воздухоплавания. При написании этих статей я сделал любопытное открытие: необходимость кратко изложить предмет и уместить его на нескольких страницах, казалось, повысила мою способность понимать его. Месяцы чтения книг по философии не смогли бы научить меня так многому , как неделя написания статей о ней.

В любом случае, это упражнение возымело желаемый эффект: я перестал думать о Глэдис.

К Рождеству я добрался до шестого тома, который был полностью посвящен математике, и понял, что моя идея обобщения всех знаний безнадежна. Поэтому я отказался от нее. Но это упражнение многому меня научило, не считая количества бесполезных знаний Я также начал осознавать острое удовольствие от погружения в работу над книгой, ощущение внутреннего благополучия, которое приходит в конце изнурительного рабочего дня, - противоположность обычному невротическому миру грез наяву.

Я всегда был склонен к напряженной работе. Мне было около одиннадцати , когда я обнаружил, что умею ездить на велосипеде. По воскресеньям я брал напрокат старый дедушкин “Рэли” и отправлялся на длительные прогулки. Иногда я ездил с другом по имени Джордж Бакстер, чаще - один.

Но я никогда не мог заставить себя совершить короткую и разумную дневную прогулку верхом - скажем, миль двадцать. Я также не мог ехать медленно и непринужденно; мне приходилось мчаться так быстро, как только мог. В его “Колесах случая” В Уэллсе есть крупный, горячий велосипедист, который жалуется мистеру Хупдрайверу, что

к несчастью, в нем сочетаются энергичный темперамент и склонность к созерцанию, так что, хотя ему хотелось бы просто плыть по течению и любоваться пейзажами, он чувствует, что его тянет крутить педали как сумасшедшего. Я сразу узнал себя в этом безымянном велосипедисте. Некоторые из моих воспоминаний о стране, едет приятно - назад замок в Уорике, с шумом водопада; прохлада пещеры в Мэтлоке; газоны мемориального театра в Стратфорд. Но больше всего мне запомнилось, как я ехал на велосипеде против ветра, проклиная каждого автомобилиста, который проезжал мимо со скоростью шестьдесят миль в час, проклиная ветер и человечество.

Именно такими упражнениями я чередовал долгие дни работы над своим учебником по общим наукам. Это не причинило мне никакого вреда. Казалось, я преуспеваю в напряжении. Моя мать говорила мне, что я живу за счет своих нервов; без сомнения, она была права. Но мне повезло, что я никогда не болел в детстве (за исключением кори и эпидемического паротита, которые воспринимались как каникулы в школе); и хотя переутомление заставляло меня чувствовать себя добродетельным, я никогда не чувствовал себя больным. Единственным результатом всего этого чтения стало то, что я стал еще более близоруким, чем когда-либо. Я носил очки с десяти лет - из-за того, что слишком часто ходил в кино. (Мои бабушка и дедушка вывешивали афиши кинотеатров в своих домах. доу и получал бесплатные билеты; иногда я ходил туда четыре раза в неделю.)

Я не могу скрыть тот факт, что я в большом долгу перед кинематографом; мне кажется, что он является средством массовой информации неисчислимой силы в жизни двадцатого века - возможно, более важным, чем газеты, бесплатные библиотеки и радио, вместе взятые. Опять же, это не осознается, потому что большинство наших психологов и социологов происходят из среднего или высшего класса и не подозревают о том бремени скуки, от которого молодым мужчинам и женщинам из рабочего класса необходимо спасаться в свободное время. О ревеле писали известные музыканты и театральные критики ощущение, что вы впервые посещаете театр или оперу; но каждый ребенок из рабочего класса испытывает то же самое, когда впервые идет в кино. (Я не могу обобщить влияние телевидения на эту аудиторию, поскольку я слишком стар, чтобы ощутить его влияние на себе.)

Первыми фильмами, которые я помню, были “Торговец Хорн” и “Последний из могикан”. Как только мне исполнилось шесть или семь лет, мне разрешили пойти на субботний дневной спектакль (за две-

пенс). Кино вдохновляло на бесконечные мечты. Как и все маленькие мальчики, я предпочитал ковбойские фильмы и никогда не упускал возможности порицать ‘неряшливые любовные истории’. По сравнению с большинством школьников Уолтер Митти Тербера так же лишен воображения, как и Санчо Панса; мои грезы наяву были похожи на четырехтомные романы, которые выходили частями в течение нескольких недель. Позже, когда мне пришлось ездить в школу на автобусе и, следовательно, у меня появился более широкий выбор кинотеатров, я пристрастился к цветным мюзиклам (и, конечно, к их белокурым героиням). “Грезы наяву” тоже стали цветными. Чтобы описать впечатление, произведенное этими фильмами, я был бы вынужден прибегнуть к таким клише , как “волшебный мир” и “невыносимая ностальгия”. И все же они были источником энергии, которая была вложена в изучение Эддингтона и Джинса. Если когда-нибудь и суждено было перейти от растительной посредственности Лестера к романтике и техническим достижениям, то только благодаря стремлению стать великим. Таким образом, “обычное” будущее было немыслимо; оно должно было быть гениальным или никаким.

В целом мне нравились годы, проведенные в средней технической школе Гейтвей. Она, к сожалению, оказалась непохожей на государственные школы Магнита, Жемчужины и Хотспура, но давала большую свободу. Много времени я провел в художественно-технологическом колледже; у меня не оказалось таланта ни к искусству (скульптура, рисование, лепка из глины), ни к технологии (чулочно -носочные изделия, машиностроение, изготовление обуви), так что любая другая средняя школа в Лестере подошла бы мне больше. Но меня никогда не заставляли

играть в футбол или крикет (если вы не хотели играть, можно было найти самую надуманную отговорку), и меня поощряли заниматься тем, что мне нравилось: говорить я участвую в школьном дискуссионном клубе, пишу статьи для школьного журнала, организую театральные представления.

И все же я должен признать, что за одиннадцать лет учебы в школе я узнал непропорционально мало. Я больше узнал о литературе в месяц безрезультатных значение, чем от часов англо букв.' в школе; и я узнал в десять раз больше о науки от написания вручную через шесть недель, чем я мог когда-либо учился в школе.

Возвращаясь к этой теме, я должен упомянуть об одном наблюдении, которое поразило меня в возрасте одиннадцати лет. Нам подарили "Тома Сойера" в качестве "классной книжки". В тот день, когда нам ее выдали, я взял ее домой и начал читать.

j

раздражители

я дочитал ее ранним утром. Это была первая книга, которую я когда-либо читал, в которой рассказывалось о детях изнутри и которая не пыталась обойти чрезвычайно важную сексуальную проблему. В течение следующего года я перечитывал ее несколько раз.

И все же, по какой-то причине, мы так и не удосужились прочитать ее на уроке. Возможно, учительница сочла роман Тома с Бекки слишком неловким и хотела, чтобы мы прочитали книгу дома. Больше ее никто не читал. Я опросил всех в классе. И самое странное, что если бы нас попросили прочитать это на уроке, я знаю, что мне бы это не понравилось.

Я заметил тот же парадокс с книгой под названием “Истории детективов”. тион, который был издан в качестве учебного пособия. Я уже читал “Отче наш” Браун и Шерлок Холмс; и все же я помню, как мне было скучно , когда мы “проходили” на уроке “Голубой карбункул” и “Странные ноги”.

Я не могу предложить каких-либо обобщений по поводу образования, за исключением очевидного: возможно, его целью должно быть убеждение детей в необходимости самообразования. Это также предполагает предоставление каждому больше свободного времени, что, возможно, не является благом. И все же, несомненно, наше образование должно способствовать националисты могли бы разработать какой-нибудь метод, при котором свободное время ребенка определялось бы его успехами в школе? Следует признать, что это означало бы, что у одаренных детей было бы что-то вроде привилегии. petual праздник, а скучным из них были бы неоправданно ограничен их классах, но это не было бы более разумным, чем сажать в тюрьму ки их все беспристрастно?

Когда мне было девять лет, все взрослые, которых я знал, имели привычку пренебрежительно отзываться о комиксах и газетенках для мальчиков; я же, напротив, всегда заявлял, что по ним можно узнать больше, чем по любому школьному учебнику. В целом я

склонен придерживаться этого мнения. Вне школы я, конечно, узнал больше, чем в ней; и до десяти лет моим единственным чтением были еженедельные комиксы.

После того, как я прочитал “Тома Сойера”, я впервые осознал, что у газет для мальчиков есть серьезный недостаток: в них не учитывается сексуальный романтизм школьника. В “Тоно Бандже” Уэллс резонно замечает, что школьники имеют такое же право, как и любой взрослый, называть свои романтические привязанности “любовью”. Что касается меня, то я не могу припомнить времени, когда бы я не был сильно привязан хотя бы к одной маленькой девочке; а иногда список увеличивался до десяти. Эти ‘романы’ были

обычно очень невинные, но в большинстве случаев не доходящие даже до поцелуев. С большинством моих друзей было то же самое: “любовь” была нашей главной заботой. Почти на любой улице Лестера можно было найти надписи мелом типа “Джон Патрик любит Норму Бингли”, которые были предназначены для того, чтобы смутить этих двоих, но чаще вызывали застенчивое удовольствие. Галеотто - это весы, которые хранят тайну.

Таким образом, “нравственная страсть” Шоу, возможно, запоздала для большинства детей. дрен; но другие страсти присутствуют там в изобилии. Я склонен добавить “слава Богу”, потому что я не могу представить себе никакого реального развития или про развивайтесь без влияния этих стимулов, которые большинство педагогов отвергли бы как “развлечения” или осудили бы как нездоровые аппетиты.

НИГИЛИЗМ

я уже говорил, что чувство “моральной относительности” каким-то образом развилось после чтения Эйнштейна. Несомненно, мое открытие Беркли и Юма (в “Руководстве по философии” Джоуда) также сыграло свою роль. Я отчетливо помню первый случай, когда я по-настоящему почувствовала что-то вроде страха перед неизвестным. Это было на уроке лепки из глины на художественно-техническом факультете. Учитель ушел и оставил нас одних. Я работал в одной команде с мальчиком по имени Флинн, и у нас было много близких друзей. По какой-то причине мы заговорили об астрономии, и кто-то поднял вопрос о том, где заканчивается Вселенная. Я все пытался представить себе бесконечное пространство. Мы говорили об огромных расстояниях, о световых годах и расширяющейся Вселенной. Но всегда возвращались к вопросу: где это может закончиться? Мы думали о конце чего-то, возможно, стены или “безразмерного гиперпространства” (если использовать жаргон писателей-фантастов). У меня закружилась голова - и я имею в виду это буквально. У меня было ощущение, что я теряю равновесие. Когда в конце утра мы выходили из комнаты, я чувствовала себя странно, как будто умерла. В мире царит приятная стабильность, которая делает нас счастливыми. Ничто не является окончательным и необратимым. Я полагаю, что у меня был исключительно приятный для спокойного и стабильного детства. Я никогда не верила, что со мной может случиться что-то плохое; я была нежной и получала всю любовь , в которой нуждалась. Если я когда-нибудь и попадал в беду, то не было ничего такого , чего не могли бы исправить несколько просьб и извинений. Казалось, ничто не могло быть необратимым, и за моими худшими ночными кошмарами последовало приятное пробуждение в залитой солнцем спальне. В основе своей я был настроен оптимистично и по-гестертоновски, Честертон закончил стихотворение строками :

“Смерть была всего лишь шуткой Доброго короля”,

Ее так тщательно скрывали.

Я был похож на человека, который всегда чувствовал себя комфортно за толстой стеклянной стеной, мог наблюдать за неудобствами других людей, но никогда по-настоящему не верил в них. Теперь в моем сердце словно появилась трещина.

стена. Это был вход смерти в мою вселенную, и там предвестник зла. Это ощущение абсолютной неуязвимости исчезло.

Я думаю, что произошло то, что я пришел к пониманию того, что внешняя вселенная - это “все”, не оставляющее альтернативы. Этот ужас до сих пор иногда посещает меня по ночам. Я попытался описать его в своем романе “Ритуал в темноте”. Чувство ограниченности губительно для души. Никакая жизнь не может существовать без высшей надежды. Вот история о последнем годе жизни Теодора Шторм, немецкий поэт; когда ему было семьдесят, врач диагностировал у него рак желудка; Шторм попросил врача не обманывать его, а рассказать, как мужчина мужчине, какие у него шансы. Доктор согласился. Шторм был разбит, он потерял всякую волю к жизни. Тогда его брат втянул в заговор еще двух врачей; они провели повторное обследование Сторма и сказали ему, что все это было ошибкой и что рак был вызван по доброй воле. Сторм немедленно продолжил работу над своим последним романом Смерть на белом коне и триумфально завершил ее; кроме того, он провел счастливый год за едой и питьем до своей смерти.

Все человеческое величие, все человеческие усилия основаны на чувстве абсолютной безграничности. Сиюминутные проблемы и несчастья не имеют значения, но должно быть завтра; должен быть запасной выход, последняя гарантия безопасности.

Эта дискуссия о “крайних мерах”, как мне кажется, является первой из длинной серии, которая происходила в течение следующих десяти лет и всегда заканчивалась одним и тем же чувством отчаяния, изнеможения и тщетности, неспособности справиться с проблемой. Первым результатом этого истощения было чувство изумления от того, что мир может существовать, что люди должны продолжать заниматься тривиальными вещами.

Уильям Джеймс пишет, что после своего “опустошения” его мать казалась ему парадоксальной в своем жизнерадостном неведении об опасности. Я также чувствовал это по отношению ко всем, кого видел.

Мое первое выражение возмущения всеобщим самообманом было в эссе о “Превосходстве”, написанном, когда мне было двенадцать. Это эссе до сих пор хранится у меня. В ней утверждается, что все люди полностью погружены в самообман и что универсальным мотивом, лежащим в основе любого человеческого поведения, является потребность индивида чувствовать свое превосходство, отрицать очевидный факт, что он всего лишь насекомое среди миллиардов других насекомых.

На титульном листе моей тетради написано: “Сочинения по

НИГИЛИЗМ

Жизненная цель, под которой написано: ‘Нижеследующие заметки основаны на системе индивидуальной психологии Адлера и философских аспектах принципа относительности’. Я объяснил, что Адлер считал , что все неврозы возникают из-за чувства неполноценности перед другими людьми и что здоровый человек чувствует себя равным своим собратьям. Я заявил, что не согласен с Адлером. На мой взгляд, здоровый человек должен быть уверен в собственном превосходстве, и он был бы невротиком, если бы просто считал себя на том же уровне, что и все остальные.

Перечитывая эти эссе, я понимаю, что они проистекают из защитного отношения к “миру взрослых”. Я продолжаю задаваться вопросом, почему взрослые должны ожидать от молодежи уважения к себе. Мне казалось, что все люди подвержены одинаковому тотальному невежеству, так что даже древний шавианец не имел бы права считать себя чьим -либо превосходством.

Я полагаю, что внизу, такое отношение носит религиозный

характер: в лицо смерти и нашем невежестве, как мы можем утверждать, что знает любой что? Но это вряд ли делает за веселый и уравновешенный adoles cence. Бывали моменты, когда чувство отвращения к “людям” поднималось во мне до такой степени, что становилось своего рода утешением, уверенностью в превосходстве. Но как только эта мысль приходила мне в голову, я был вынужден рассматривать свое собственное “превосходство” как простой механизм. Я пытался жить без уверенности в том, что у меня есть право на жизнь; или, скорее, я пытался жить с уверенностью в том, что у меня нет права на жизнь.

Я ходил как человек без кожи, дрожа от отвращения ко всем, с кем сталкивался. Золя говорит: “Каждый из нас должен проглатывать свою жабу каждое утро”. Вся моя жизнь казалась мне актом глотания жаб.

Надо признать, в этом были свои утешения. Я прочитал статьи по английской литературе в журнале “Практические знания для всех” и открыл для себя Спенсера , Бена Джонсона, Кольриджа и Маколея; это положило начало моей страсти к поэзии. Я пополнил свою библиотеку со свойственной мне аморальностью, беря книги из книжных магазинов, школьной или публичной библиотеки. Я смог замкнуться в своем литературном мире и избегать контактов с ‘людьми’. Мне казалось, что литература - это заколдованный лунный пейзаж, прекрасный, но совершенно мертвый, и что предпочесть ее “реальному миру” - все равно что предпочесть смерть жизни.

41

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Как ни странно, мое открытие Шоу только усилило этот пессимизм. Я уже говорил об этом в другом месте (в моем предисловии к книге Религия и бунтарь) — о том, как я за один вечер настроился на Человека и “Супермен” в третьей программе, слушал ее до полуночи и лег спать с ощущением, что моя жизнь уже никогда не будет прежней. До этого момента я полагал, что я единственный человек в мире, которого интересует вопрос о том, почему мы живем.; мне казалось, что все остальные люди были

слишком глубоко вовлечены в процесс жизни, чтобы сомневаться в этом. Теперь я услышал слова Шоу Дон Хуан задает вопрос: “Что мы здесь делаем?”- и более того, отвечая на него оптимистично. Меня беспокоила проблема тщетности и повторения, и я неоднократно цитировал слова проповедника “Все есть суета”. Шоу спрашивает: “Должен ли человек отказаться от еды может быть, потому, что он уничтожает свой аппетит в процессе его удовлетворения?’ На самом деле, это была именно моя проблема - проблема, которую я позже назвал “проблемой Никакого запаса прочности . Какой смысл быть простой тягловой лошадью судьбы, вынужденной прилагать усилия к тому, чтобы жить в дискомфорте и боли? Мы совершаем бесполезный и повторяющийся акт приема пищи, потому что чувство голода причиняет нам боль, мы ходим на работу, потому что иначе мы бы умерли с голоду. Короче говоря, мы - рабы на галерах жизни, потеющие и изнемогающие, потому что боимся кнута. Мне Обломов казался самым разумным человеком на свете. Если бы у меня были деньги, я бы заперся в башне и не выходил оттуда. Мне казалось невероятно несправедливым , что судьба была благосклонна к таким людям, как Гайд, Фирбэнк и Делиус, позволив им жить отшельниками, в то время как у меня не было никаких шансов когда-либо освободиться от необходимости зарабатывать на жизнь. Я не сомневаюсь, что даже если бы какая-нибудь добрая фея подарила мне пожизненную ренту Я бы нашел свою “башню” и создал произведения , подходящие для пессимиста и отшельника — своего рода сочетание Шопенгауэр, Фирбэнк и Лавкрафт.

Пока я учился в школе, у меня было мало времени, чтобы беспокоиться о тщетности жизни. Но в 1947 году я сдал экзамен на аттестат зрелости и смог получить только четыре балла вместо пяти, необходимых для поступления в ВУЗ. Я надеялся получить работу на химическом заводе и получить время для учебы, чтобы получить научную степень. (По какой-то причине мне никогда не приходило в голову претендовать на университетскую стипендию.) Но неудача с поступлением в вуз была временной неудачей. Я договорился о сдаче экзамена по математике.

в сентябре снова экзамен по математике. Затем я начал искать работу.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это был самый важный период в моей жизни с момента моего “научного открытия’. ‘Защищенные годы” закончились, и мне пришлось серьезно задуматься о карьере. Я бы предпочел остаться в школе еще на десять лет. Я до сих пор помню учитывая силу моего нежелания, в то утро я отправился на биржу труда, чтобы спросить о работе. Они направили меня на фабрику в Грэнборн-стрит. К этому месту нужно было приближаться по узкому проходу между грязными домами с крошечными задними двориками. Это было небольшое двухэтажное здание; на верхнем этаже женщины стояли у станков , которые наматывали мотки шерсти на веретена. В мои обязанности входило обеспечивать женщин шерстью, а также относить веретена вниз и упаковывать их в футляры. Это была несложная работа, но монотонная. Все женщины были родом с близлежащих улиц. Они казались настолько смирившимися со своими грязными домами и унылой жизнью, что меня это ужасно угнетало. Было трудно понять, как люди могут так жить, не испытывая желания пойти и взорвать здания парламента и Букингемский дворец; и все же они, казалось , ничего другого от жизни и не ожидали.

Работая в такой атмосфере, я остро осознал, что жизнь большинства людей - это затянувшееся поражение, и что моя собственная , возможно, не лучше. Я как никогда ясно осознал , что стою перед выбором - между бессмысленностью и преданностью делу. Не годился никакой половинчатый дилетантизм, никакая писанина в свободное время. Для меня было психологически необходимо совершить мысленный акт полной самоотдачи, подобный монашескому обету посвящения. Такой поступок был пугающим, все равно что поставить все до последнего пенни на один бросок кости; но это была единственная альтернатива оборонительной битве и дрейфу. Необходимо было каким-то образом создать в себе ощущение отделенности от людей и образа жизни, частью которых я был. Я хотел повторить слова Цезаря Шоу: “Мы с тобой, Сфинкс, чужие среди людей, но не чужие друг другу”.

Поэтому я начал думать о себе как о цельном и гармоничном человеке. именно писателем, чьей задачей на всю жизнь стало исследование проблемы смысла человеческого существования.

Казалось, что “два мира” столкнулись лицом к лицу, и началась открытая война.

объявленный. с другой стороны, тщетный мир повседневной жизни 5 , с другой стороны, возможность образа жизни, который должен быть полностью осмысленным, творческим и осознанным самим собой.

Мне бы стало легче, если бы я мог верить - как верю сейчас, - что жизнь никогда не лишает тебя того, чего ты хочешь достаточно сильно и настойчиво . Преуспевающим людям легко поверить, что судьба всегда желала им добра; но у меня не было причин верить во что-либо подобное, поскольку судьба привела меня на шерстяную фабрику. Конечно, мне бы очень помогло, если бы рядом был кто-нибудь, с кем я мог бы поговорить на эти темы, но я не знал никого, кто бы меня понял. Иногда я пытался поговорить с дружелюбными взрослыми, но они всегда давали мне понять, что я отношусь к себе слишком серьезно и мне следует расслабиться. Я думаю, что мое состояние нездоровой напряженности искренне встревожило некоторых из них и заставило их почувствовать, что это может привести к психическому срыву. На самом деле, один англиканский священник, с которым я разговаривал, сказал то же самое и посоветовал мне не читать ничего, кроме новостей документы за два года. В какой-то степени он был прав. Это легко могло привести к психическому срыву, и почти привело. Я начал понимать фразу из Экклезиаста: “И желание иссякнет… Жизнь превратилась в пустыню. Не было никаких “каникул” из-за постоянной усталости. Я чувствовал себя как человек, вынужденный бодрствовать ночь за ночью, пока не пропадет способность спать и все не потеряет смысла. Казалось, что продолжать вряд ли стоит, но другого выхода не было. Мне всегда казалось, что жизнь требует от меня больше энергии, чем у меня есть. Вечером я запирался в своей спальне и погружался в поэзию - я выучил наизусть большую часть Пэлгрейва - или пьесы

Шоу. Иногда после нескольких часов такого общения я снова чувствовал себя бодрым и оптимистичным, но когда на следующее утро в семь часов наступало время вставать с постели, все мое существо наполнялось огромным негодованием. Я легко мог понять, как люди становились социальными революционерами. Но я понимал, что это только половина решения. Главная проблема заключалась в том, чтобы стать писателем. Однажды утром, укладывая рулоны шерсти в ящик, я подумал о “Фанате Шоу” и “Супермене” и о том, как Я бы написал это сам. Внезапно эта идея привела меня в восторг. Я бы написал продолжение, в котором Джек Таннер сыграл бы пятидесятилетнего мужчину с сыном-подростком, который считает, что социализм не является решением основной проблемы человеческого существования… В те выходные я купил

большая куча глупостей, и начались “Отцы и дети”. Я только начал… закончил через несколько недель, когда первый акт был уже длиннее , чем весь “Человек и сверхчеловек”.

После Шоу Элиот оказал наибольшее влияние на мое развитие в тот период. Это неудивительно. Казалось, он оправдывал мое собственное отвращение и неприятие мира. Одна из фантазий, которая часто приходила мне в голову, заключалась в том, что таблички с рекламой на автобусах следует заменить табличками с цитатами из Элиота: ‘Люди не могут вынести реальности”, “Думайте о нас не как о потерянных, склонных к насилию душах, а только как о пустых людях, чучелах”, “Я вижу толпы людей, которые ходят по кругу”. Я никогда не мог избавиться от ощущения абсурдности жизни этих людей, которые могли жить , не подозревая о пропасти у себя под ногами, не осознавая собственной смертельной второсортности. Я ненавидел людей и ненавидел себя за принадлежность к этой расе. Мне казалось, что все святые и люди, которые могли бы заявлять о любви к своим ближним, были идиотами. Шоу однажды сказал, что это неправда, что он был защитником бедных; он всего лишь хотел,

чтобы бедных уничтожили и заменили разумными людьми.

Я чувствовал, что настоящий святой должен быть не любителем человечества, а человеком , который хотел бы, чтобы человечество было уничтожено и заменено каким-нибудь видом , менее бесполезным и глупым. В этом отношении я не изменился.

Но было бы неверно утверждать, что я не испытывал никаких других чувств, кроме этого беспримесного нигилизма. Бывали также моменты, часто в конце долгого дня, проведенного за чтением и письмом, когда я осознавал странную силу, которая заставляла меня светиться, как электрическая лампочка. В такие моменты я внезапно обретал уверенность, что “боги” на моей стороне, что несчастье - это временная неприятность, что мне и всему человечеству суждено стать богами. В такие моменты Я чувствовал, что достаточно силен, чтобы вынести любое бремя, что мне никогда ничего не нужно бояться. Это были моменты триумфа с из-за какой-то причины. Но эти моменты исчезали после нескольких часов работы.

Я сдал экзамен по математике, получил зачет и был полностью готов к продолжению прерванной карьеры ученого. Но за два месяца работы на складе я потерял всякий интерес к науке. Директор школы Гейтвей предложил мне работу лаборанта, и это предложение было слишком заманчивым, чтобы от него отказаться. Но Я принял это неохотно, потому что понимал, что это не тот случай.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ своей карьеры.

Я намеревался сделать карьеру. Я уже совершил свой акт самоотверженности. Проблема заключалась в том, что я не мог придумать другого способа продвижения своей карьеры писателя, кроме как продолжать разочаровывающее занятие - писать короткие рассказы или пьесы в свободное время. Через два года мне предстояло пойти в армию; а пока я должен был оставаться в Лестере и стараться не позволять ненависти к этому месту подавлять мое желание писать.

Поэтому я устроился на работу в свою старую школу и все

свободное время писал рассказы и пьесы вместо того, чтобы изучать физику. Это был настоящий дисбаланс приятный год. Вскоре у меня возникла вражда с учителем физики, который, казалось, искал способы досадить мне и унизить по мелочам. Я пил галлоны бесплатного школьного молока и провел год в состоянии физического и интеллектуального истощения. Признавать конечно, это меня утешало. Я читал Шоу до тех пор, пока не выучил большинство его пьес наизусть; я написал множество пьес и рассказов; самое главное, я решил вести дневник и смог излить свое разочарование. я погружался в это на несколько часов, пока не почувствовал себя лучше. “Своевременное высказывание облегчило эту мысль…” На первых страницах я заявил, что был бы более великим писателем, чем Шоу, и что, поскольку я, вероятно , способен создать пьесы получше, чем девяностолетний Шоу, У меня было больше прав называть себя Бернардом Шоу, чем у старика из школы Святого Лаврентия.

Я показал свои рассказы разным друзьям - учителю английского и женщине из Бюро по трудоустройству несовершеннолетних, которая проявила ко мне интерес. Но замечание о том, что они были замечательными для меня век бы бросить меня в ярость в течение нескольких дней.

Примерно в это же время я имел мой первый рассказ опубликован в Журнал фабрику в Дареме. Это был рассказ о собрании общества взломщиков, и на стиль его в значительной степени повлиял Диккенс. (Я читал “Пиквикские записки”) В конце концов, я возненавидел этот В стиле Диккенса, после многочасовой борьбы со словами и попыток изложить свои мысли на напыщенном английском языке девятнадцатого века. Но я читал В то время “Улисса” и считал его стиль предательством английского языка, дешевым и журналистским. Я также согласился с Форстером в том, что это была решительная попытка замазать вселенную грязью. Это было уже достаточно скверно - сбежать от постоянного сознания того, что Посредственность Лестера, но я не смог донести ее до меня с помощью так называемой литературы. (Когда я читаю письма Х.П. Лав-46

НИГИЛИЗМ.

крафт, я понимаю, насколько я был похож на него в подростковом возрасте: тот же пессимизм, то же презрение к миру, та же ненависть ко всему современному.)

Полагаю, в тот год мой ‘нигилизм” достиг своего рода кульминации Я работал в школьной лаборатории. Вместе с Беркли я часто подозревал, что других людей на самом деле не существует; это, естественно, приводило меня в своего рода ужас. Если весь мир - иллюзия, то кто же тогда я? Что я такое Что я здесь делаю? Однажды, когда я слишком много читал (это была мрачная книга по русской литературе), Я пошел на кухню, чтобы включить плиту, и отключился; я стоял, держась за плиту, и чувствовал, что мой разум полностью отключился, и все, что я знал, было моей сущностью. Когда мое зрение прояснилось, меня охватил ужас. Несмотря на всю ненависть и недоверие к миру, я, по крайней мере, был уверен в одном - в своем собственном существовании. Но в темноте тогда я почувствовал, что мое существование было отнято у меня так же просто , как можно отнять конфету у ребенка. Внезапно мне ужасно захотелось узнать, кто я такой, смогу ли я все еще существовать, когда все, что я знал о себе как о личности, исчезнет. Я понял, что Элиот имел в виду, когда говорил о разуме под воздействием эфира, который “обладает сознанием, но ничего не осознает’. То, что я, казалось, осознавал в темноте было чем-то вроде электрического потока боли в небытии. Позже, Я написал в своем дневнике, что тогда мне казалось, что жизнь - это не движение к чему-то, а бегство от чего-то - от какой-то предельной боли по ту сторону бытия. На несколько дней после этого события мир превратился в абсурд; наблюдать за ним было все равно что слушать иностранный язык. Хуже всего было то, что я не мог почувствовать: “Это ужасно” или “Это трагедия’. Это просто сводило на нет все возможные человеческие ценности и, следовательно, все человеческие характеристики. Я чувствовал, что не должен был жить.

Другое переживание того времени было противоположностью моему “потрясению “; оно закончилось своего рода открытием смысла. После особенно скучного и унизительного дня в лаборатории. Я подумывал о самоубийстве. Я чувствовал, что даже у галерного раба есть альтернатива, способ насолить своему надсмотрщику - умереть. Эта идея пришла мне в голову, и я решил , что, вероятно, выпью цианид в тот вечер на уроке аналитической химии. Но когда дело действительно дошло до того, чтобы взять бутылку с полки, я понял, что не сделаю этого; не потому, что боялся, а потому, что, как бы мало ни было того,

ради чего стоит жить, жизнь лучше, чем когда-либо.

смерть. Какое-то невероятное счастье, казалось, взорвалось внутри меня, и у меня было странное ощущение, что я стою сам по себе, глядя на человека, которого я называл Колином Уилсоном, с легким удивлением. Это было так, как будто какой-то высший уровень моего существа взял верх. Мне казалось , что если бы я намеревался пойти на такой крайний шаг, как самоубийство, я мог бы с таким же успехом использовать ту же силу воли, чтобы сделать свою жизнь менее раздражающей. Если учитель физики был причиной моего раздражения, то , конечно, было бы лучше и смелее убить его? Если я намеревался совершить иррациональный шаг и отбросить все табу и репрессии, то Мне лучше было совершить какой-нибудь иррациональный шаг, который позволил бы мне остаться в живых. Было бы лучше изнасиловать довольно невзрачную девушку, работающую напротив меня, или сделать тюбик нитроглицерина и швырнуть его в стену, чем добровольно положить конец всем моим возможностям.

Я не помню, как далеко я продвинулся в осуществлении этого решения. Вероятно, я стал смелее прогуливать уроки, крал книги более нагло, больше старался нагрубить учителю физики. В конце концов, когда экзамены в конце семестра показали, как мало работы Я это сделал, они были вынуждены уволить меня, и я снова остался без работы. Все это казалось очень скучным и неуместным. Я пошел на собеседование по поводу устройства на работу в контору торговца шерстью и должен был заявить , что интересуюсь торговлей шерстью и готов сделать в ней карьеру . Я вернулась домой, кипя ненавистью к обществу и жизни , которые вынуждали меня абсурдно врать, чтобы заработать жалкие несколько фунтов в неделю. Но торговец шерстью раскусил меня (к счастью), и мне отказали. После этого я отправился навестить сборщика налогов, веселого толстого джентльмена по имени мистер Сидфорд. Он с первого взгляда понял, что мне не нужна никакая работа и что я буду доставлять ему бесконечные хлопоты; тем не менее, он дал мне эту работу и в течение

следующего года проявлял поразительное терпение по отношению ко мне. Я никогда не переставал быть ему благодарен. Я ненавидел налоговую инспекцию, если это было возможно, даже больше , чем лабораторию; но я уверен, что любую другую работу ненавидел бы еще больше.

Казалось глупым, что я вынужден жить и работать, не испытывая ничего, кроме чувства полного неприятия своей жизни и работы. Другие сотрудники в офисе были достаточно приятными. Была мисс Пирсон, величественная седовласая дама, которая обожала королевскую семью и все, что с ней происходило; была Джойс, очень привлекательная молодая замужняя женщина, которая носила дорогую одежду и, очевидно, мечтала о Ривьере;

любезно предоставлено Уильямом Холденом

Автором в 1968 году

НИГИЛИЗМ

там был Десмонд, красивый, умный и очень работоспособный молодой человек в очках без оправы, который выглядел как Джеймс Бонд в фильме Яна Флеминга , но на самом деле, казалось, вел безупречную жизнь; там был Кен, который собирался жениться и который часто подолгу рассказывал мне о радостях семейной жизни; там был ли мистер Джойнер, добродушный шотландец, моим непосредственным начальником, который был таким же терпеливым и порядочным, как мистер Сидфорд. Самое главное, что в течение следующего года я думал о Миллисент. Это была привлекательная, близорукая еврейская девушка с чувственным ртом и контральто. Недавно она вышла замуж, и брак был несчастливым. Любимым писателем Миллисент был Олдос Хаксли, а ее главным интересом были театральные постановки; ее муж не читал ничего, кроме вестернов, и мыслил категориями ‘птиц’ и лошадиных скачек. Они были друзьями мы совершенно не подходили друг другу.

Я стал часто видеться с Миллисент. Мы вместе возвращались с работы на велосипедах, заваривали чай у нее дома, а потом разговаривали о книгах, пока с работы не приходил ее муж. Казалось, он никогда не возражал против меня - напротив, он всегда был до смущения дружелюбен и вел себя как мужчина с мужчиной. Этот брак был одним из тех, о которых вспоминают в Ситуации гнева. Генри был обаятелен и полон жизненных сил, но говорил с акцентом кокни, и Миллисент казалось, что он смотрит свысока на отсутствие у него ‘культуры’. Поэтому ему нравилось демонстрировать, что он хозяин в доме, приказывать ей готовить ему еду или заваривать чай и выслушивать тирады Джимми Портера о книгах, которые она читала. Выходные он проводил в постели, читая Хэнка Джэнсона и выпивая. меньше чашек чая. Мы с Миллисент совершали длительные велосипедные прогулки и обсуждали ‘идеи’. Естественно, она меня очень привлекала, но я был слишком застенчив , чтобы показать это. С другой стороны, мне было семнадцать, и я был совершенно неопытен в сексуальном плане (если только мрачные грезы наяву не считаются опытом), и меня физически беспокоило постоянное общение с молодой замужней женщиной, в глазах которой часто появлялось мечтательное выражение, какое бывает после бурных занятий любовью.

Несмотря на разочарование, мне удалось получить от этого удовольствие. Миллисент была участницей драматического кружка колледжа Воган, к которому я теперь присоединился. Разнообразные занятия приносили облегчение, хотя мне казалось, что я все время выставляю себя дурой, опрокидывая кофейные чашки и спотыкаясь о собственные ноги. Я посещала занятия по современной поэзии, народным танцам и Бернарду Шоу, а также

снялся в фильме Драйдена “Все ради любви”. Я также

познакомился с молодым человеком, которого назову Джеральдом, - его странная манера держаться и вялость произвели на меня такое же впечатление, как Старвик в фильме Вулфа “Время и река ” произвел впечатление на Юджина Ганта. У нас завязалась любопытная и довольно бурная дружба - любопытная потому, что я не разделял его сексуальных пристрастий, и все же был очарован им. Как и я, он происходил из рабочего класса Он родился в Лестере; в отличие от меня, у него была мать, которая считала, что он должен быть защищен от всего остального мира. Несмотря на враждебность остальных членов его семьи, она пошла работать, чтобы содержать его. Когда я впервые разговаривал с ним, он дал мне впечатление, что сын из богатой семьи; когда я впервые призвал его, я была поражена, когда нашла его в маленьком, перенаселенном доме, перерыв постный стол-прежнему сидел в полдень. Но его книжный шкаф в гостиной был забит дорогими книгами, и он непринужденно рассказывал о путешествиях по европе. Он был на два года старше меня и говорил нарочито протяжным аристократическим голосом. Ему гораздо лучше, чем мне, удалось избавиться от всех следов лестерского акцента.

Он говорил о мире “прекрасного и редкого”. Когда я показал ему один из своих самых длинных и философских рассказов, он небрежно заметил: “Совершенно бесполезный’. Он восхищался Оскаром Уайльдом, и мир очень богатых людей казался ему таким же притягательным, как Уайльд и Скотт Фицджеральд. Он читал драматургов елизаветинской эпохи - по возможности ограниченным тиражом - и был энциклопедистом в музыке и живописи.

У нас были совершенно разные вкусы; я презирал “прекрасное” и с удовольствием цитировал насмешки Дона Хуана о приторности невероятный эстетизм проклятых. Он восхищался Д. Х. Лоуренсом и отождествлял себя с Лоуренсом в своих отношениях с матерью; Я терпеть не мог Лоуренса. В целом он не слишком интересовался идеями, но обладал острым критическим складом ума.

Как и я, он любил гулять. Мы отправлялись в путь в десять часов вечера и шли по Гроуби-роуд, освещенной огромными оранжевыми фонарями, подвешенными к бетонным столбам. Мы проезжали через недавно построенный район Нью-Паркс и иногда заезжали к моей тете, которая там жила. Возвращаясь ранним утром к нему домой в Вудгейт , мы варили кофе и разговаривали до рассвета. Затем я возвращался на велосипеде через Лестер,

часок поспал и отправлялся на работу. Но, по крайней мере, мне казалось, что я живу той жизнью, которая была

жест неповиновения государственной службе и общей заурядности Лестера.

Наши ссоры всегда происходили по одной и той же причине: он считал , что “благородный человек” должен обладать аристократической жестокостью. Его пренебрежительное отношение к моему рассказу было типичным. Возможно, эта идея была заимствована у Уайльда, а возможно, была естественной для него. Но это означало, что в любой момент, когда у него поднимется настроение, он может обратить на меня свою ‘аристократическую жестокость’. Например, однажды, когда я зашел к нему, он сидел в кресле и читал. Я постучал в окно; он поднял голову, нахмурился и крикнул: “Уходи”. Я пришел, пылая гневом, и поклялся, что никогда больше с ним не заговорю. Но скука и одиночество заставили меня вернуться через несколько дней, когда он снова стал дружелюбным и обходительным. Ему доставляло удовольствие чувствовать , что он может так себя вести, и его друзья простят это. “Гомосексуалист гомосексуальность - это нечто особенное”, - подумал он. - “В конце концов, гордому аристократическому духу нужно позволять свои слабости и вспышки гнева”.

Он работал над длинным романом о гомосексуализме и мужчинах. “Треугольник”, в котором фигурировал молодой солдат; одной из его главных тем была тоска гомосексуалистки по матери. Работа над романом продвигалась хаотично; он написал начало и конец, а также сцены из середины. Когда он открыл для себя романы Пруста, он решил, что это должен быть огромный двенадцатитомный труд, но с сохранением тех же начала и конца. За десять лет, прошедших с тех пор, как я впервые увидел этот роман, он претерпел множество изменений в стиле, идее и подходе, но оригинальные элементы были сохранены, придавая ему вид загородного дома, к которому

дюжина разных владельцев пристроили крылья в разных стилях.

Поскольку мы оба писали, мы проводили много времени, читая друг другу наши последние страницы. Именно он привлек мое внимание к Дневнику Нижинского, а также к жизни и творчеству Ван Гога; я, в свою очередь, познакомил его с творчеством Элиота и Джойса. (Он прочитал “Улисса” от корки до корки за один день, а потом медленно перечитайте его.) Оглядываясь назад, я понимаю, что многим обязан Джеральду.

Миллисент отнеслась к моей дружбе с Джеральдом неоднозначно; она относилась к нему с некоторым благоговением, но, как мне кажется, без особой симпатии. Это также означало, что я стал гораздо реже видеться с ней. Что касается меня, то я тоже, Я находил оба отношения неудовлетворительными, но каждый из них приносил облегчение , когда другой терял самообладание. Тесный контакт с Миллисент I

меня это разочаровало, в то время как я подозреваю, что Джеральд нашел мою флегматичность “нормальность” в равной степени разочаровывающей. Ссоры, скорее всего, развивались незаметно. вполне ожидаемо, и я часто ловил себя на том, что пытаюсь уязвить Джеральда, рассказывая ему то, что я считал грубой правдой о нем самом; если это его и расстраивало, он никогда этого не показывал. Он считал делом чести казаться неприкасаемым. Однажды он рассказал мне, что его старший брат поссорился с ним, когда они сидели за столом; Джеральд был спокоен и в ярости, и тогда его брат схватил тарелку и разбил ее о голову Джеральда. Джеральд продолжал спокойно есть, в его волосах было полно осколков фарфора, по лицу текли кровь и подливка.

В колледже Воган у меня появился еще один близкий друг, писатель Дэвид Кэмптон. Он был на пятнадцать лет старше меня, такой же пухлый и добродушный, как мистер Микобер, блестящий характерный актер и автор пьес райт со своим особым чувством юмора. В то время он работал в газовом управлении и жил со своими родителями. Возможно, он терпел меня из-за добродушия и вежливости; во всяком случае, он, казалось, не возражал, если я заходил к нему дважды в неделю и иногда читал ему свои рассказы или пьесы. У меня возникла большая привязанность к Дэвиду, которая сохранилась и по сей день.

Эти занятия сделали мой семнадцатый год более сносным, чем шестнадцатый. Затем, в начале 1949 года, я сдал экзамен, чтобы стать государственным служащим; к моему неудовольствию, я сдал его и был немедленно направлен в Рагби, в девятнадцати милях от Лестера. Здесь я снова почувствовал себя скучающим, раздражительным и полным нетерпения по отношению ко всем, с кем я вступал в контакт. Я нашел жилье на Хиллмортон-роуд, напротив школы, в пяти минутах езды от Коттедж Руперта Брука. Джеральд познакомил меня с поэзией Брук, и я полюбил ее. В Рагби царила идиллия, лето было прекрасным и очень жарким, но я ненавидел офис и знал , что не нравлюсь своей квартирной

хозяйке. Мне приходилось есть вместе с семьей; у них была маленькая шустрая собачонка, которая беспрестанно лаяла , когда я был в комнате. Я изо всех сил старался “вписаться”, но, поскольку я ненавидел это место, это было трудно. Я начал писать комический роман под влиянием рассказ Честертона о толпе студентов-искусствоведов, которые берут снимают жилье в маленьком идиллическом городке и расстраивают всех своими необычными поступками. (В то время я ничего не знал о студентах и был склонен идеализировать жизнь в колледже.) Я быстро стал сотрудником публичной библиотеки, которая оказалась исключительно хорошей,

и провел лето, изучая “Поминки по Финнегану” с помощью “Отмычки Кэмпбелла и Робинсона”. Я также купил “Доктора Фаустуса” Манна, который только что вышел в свет, и был разочарован в нем. Я был очарован темой “Фауста” и мог повторять страницу за страницей перевод Гете, выполненный Лэтемом. Я намеревался написать своего собственного “Фауста”, потому что в “Фаусте” Гете я обнаружил человека, который, казалось , испытывал тот же нигилизм, что и я сам. Мне казалось , что Гете схитрил, заставив Фауста принять Гретхен как замену знанию, которого он жаждет; я хотел попробовать создать Фауст, у которого хватает смелости требовать равенства с Богом, который не съежился бы и не закрыл глаза, столкнувшись с духом земли

.

“Фауст” Манна поразил меня тем, что был написан ужасно, неуклюже и по-дилетантски. Без сомнения, Манн хотел, чтобы “Цейтблом” был дилетантским, но вряд ли это повод для того, чтобы надоедать читателю. (Я был недоволен знаком с прозой Манна в целом, поскольку был уверен, что он великий стилист; его учителя, Гете и Рихтер, также являются ужасающими

стилистами прозы, которые часто используют три слова вместо одного . Хотя Манн, несомненно, великий писатель, его стиль был нелепо переоценен, так же как сто лет назад был переоценен стиль Диккенса.) Хотя сейчас я возвращаюсь к “Фаусту” чаще, чем к любой другой книге Манна, многие отрывки все еще кажутся мне совершенно неудачными - например, “Смерть ребенка “, которая носит риторический и сентиментальный характер.

Как бы то ни было, “Фауст” Манна разочаровал меня тем, что я обошел все интересующие меня темы, и я начал писать своего собственного “Фауста” свободным стихом, который едва ли продвинулся дальше первого акта, поскольку у меня было не больше идей, чем у Гете, о том, как разрешить божественную дилемму Фауста.

Я также записался в регбийный клуб колледжа Воган и немного занимался народными танцами, но особых друзей у меня не появилось, и я ушел без сожаления.

На работе отношения становились все более натянутыми. Сборщик налогов был менее терпелив к моей расплывчатости, чем мистер Сидфорд, а у моего непосредственного начальника в офисе в конце концов выработалась привычка постоянно придираться, из-за чего я однажды пригрозил ударить его в глаз. Это не прибавило мне популярности. В другой раз, когда офис показался мне особенно невыносимым, я решил

решил остаться дома и сказал своей квартирной хозяйке, что заболел. Полчаса спустя, к моему неудовольствию, явился сборщик налогов собственной персоной и поинтересовался, почему Меня не было на работе. В ярости я посоветовал ему не лезть не в свое дело, и он в ярости ушел. Моя квартирная хозяйка подслушала ссору и , воспользовавшись случаем, предупредила меня. Я доехал на велосипеде до бюро по трудоустройству и справился в отделе предоставления жилья; они смогли направить меня в общежитие на Лимингтон-роуд. Я вернулся к себе домой,

забрал свой багаж и отправился в общежитие. Оставшиеся два месяца в Регби я прожил там и был счастливее, чем когда-либо за последние годы. Это меня полностью устраивало; никому не было дела до того, что я делаю и когда ем. Жаль, что я не узнал об этом, когда впервые приехал в Рагби, это избавило бы меня от некоторых неудобств. Я делил маленькую комнату с молодым человеком моего возраста, инженером. Он очень редко бывал дома. Я читал “Луна и шесть пенсов” Моэма, а также начал изучать живопись и скульптуру, позаимствовав у Джеральда огромные энциклопедии по искусству. Около двух недель я жил, вкушал и упивался атмосферой живописи и обнаружил, что это самое захватывающее переживание со времени моего научного открытия. Некоторые пейзажи Коро или Джорджоне вызывали у меня чувство, похожее на опьянение.

Я также увидел свою первую оперу, когда жил в Регби; это было “Кармен” Бизе, и я поехал в Ковентри, чтобы посмотреть ее. Я всегда любил музыку, и когда мне было одиннадцать, различные фильмы развили во мне вкус к “классической’ музыке. (Есть ли в каком-нибудь языке мира достаточно точное слово, чтобы отличить музыку, написанную “серьезными” композиторами, от популярных песен и джаза? Я всегда вздрагиваю, когда вынужден использовать слово “классический”, чтобы отличить Вагнер от Ирвинга Берлина.) Самым важным из них было Фантазия”, но, хотя ее длительное влияние было сильнее, она косвенное воздействие было, конечно, меньшим, чем у таких фильмов , как “Опасный лунный свет” (с его варшавским концертом), “Стекло”. “Гора и концерт” (в котором использован второй фортепианный концерт Рахманинова). Позже появились “Планеты” Эрика Коутса и Холста. К тому времени Я увидел “Кармен”, которую в течение многих лет по привычке слушал на Би-би-си Концерты по средам. Я даже иногда слушал оперы по радио, но они казались мне скучными.

Таким образом, ничто не подготовило меня к восприятию “Кармен ” (хотя, когда я задумался об этом, я вспомнил, что Шоу

он видел это снова и снова, когда впервые приехал в Лондон молодым человеком). Мне показалось удивительным, что композитор смог выдержать два часа такой музыки и зрелища. Мне пришлось уйти за десять минут до закрытия, чтобы успеть на последний автобус, но у меня кружилась голова. Несколько дней после этого я напевал “За холмами и вдалеке’ (Что-то вроде “Путешествия по Кампанье”) или цыганскую песню. Это повергло меня в йейтсовскую меланхолию, потому что я мечтал об Испании и путешествиях , а не о государственной службе и ужинах в общежитии, и свобода казалась мне бесконечно далекой.

Когда меня перевели в Регби, я подал заявку на “грант на перевод” на том техническом основании, что я работал штатным государственным служащим в Лестере в течение нескольких недель до того, как меня перевели, и поэтому мог утверждать, что это назначение на самом деле было переводом. Однажды утром, к моему удивлению, в офис пришло двадцать фунтов. Я сразу же решил, что потрачу эти деньги на то, чтобы попытаться “перебраться через холмы и уехать подальше”, прежде чем отправлюсь на государственную службу. Я купил хороший велосипед примерно за 14 фунтов стерлингов и отправился в Озерный край на августовские каникулы. (Это было довольно эгоистично с моей стороны; моя семья нуждалась в деньгах гораздо больше, чем я в отпуске; но мне это и в голову не приходило).

Этот отпуск был первым в моей жизни, если не считать нескольких дней, проведенных в Скегнессе до войны. Я взял с собой палатку на багажнике велосипеда и одно одеяло. В первую ночь, проведенную в Мэтлоке, я промерз до костей. После этого мне пришла в голову разумная идея завернуться в плотную брезентовую палатку; так мне было тепло и сухо даже под проливным дождем.

К сожалению, мое представление о географии было смутным; пока Я сверился с картой и всегда думал, что Озерный край находится в графстве Суррей. Когда я обнаружил, что он находится более чем в двухстах милях от Лестера, я был ошеломлен, но все равно был полон решимости добраться туда. У меня было очень мало времени и денег. На второй день я проехал на велосипеде через Манчестер и Болтон; на третий Я добрался до Кендала, где из-за сильного дождя мне пришлось переночевать

в молодежном клубе. Общежитие. На следующий день после полудня я прибыл в Уиндермир, провел там ночь и на следующее утро снова отправился в Лестер , имея на пропитание всего полкроны. В тот же день я добрался до Хаддерсфилда, а на следующий день примерно за двенадцать часов добрался на велосипеде из Хаддерсфилда в Лестер , питаясь хлебом с маргарином и какао-смесью

сахар - все, что у меня оставалось. Как и большинство моих велосипедных поездок, эту едва ли можно было назвать отдыхом. И все же я до сих пор помню огромное волнение первых двух дней, когда я свободно спускался по длинному-предлинному холму, протянувшемуся от Дербишира до Стокпорта, и принял решение, что лучше узнаю свою страну , прежде чем отправлюсь за границу.

Я ожидал, что мои документы о призыве уже прибудут, когда Меня не было дома, но я был разочарован и раздраженно вернулся в Регби. Поскольку я снял комнату в общежитии, мне приходилось ежедневно добираться на поезде или, иногда, на велосипеде. Наконец пришли бумаги; Я отправился в Ковентри на медицинское обследование и поступил в Королевские ВВС где-то в сентябре.

за час до того, как я вышел из дома, чтобы сесть на поезд до Пэдгейта в Ланке графстве Шир, я сделал запись в своем дневнике. Я написал, что теперь собираюсь “взглянуть жизни в лицо” и выяснить, действительно ли она враждебна или безразлична. С одиннадцати лет я был книжным червем и, следовательно , понятия не имел об истинной природе мира. Моя формулировка этой идеи выдавала мою обычную склонность к антропоморфизму; на самом деле я имел в виду, что до сих пор не давал “судьбе” шанса проявить свои намерения. отношения ко мне, поскольку я всегда держался поближе к дому.

Я чувствовал, что служба в Королевских ввс может оказаться более мрачной, чем я ожидал. Мой отец, которому всегда не нравились мои книжные наклонности и который не доверял им, часто говорил в минуты гнева, что армия ‘преподаст мне урок’. Если бы это был именно тот урок, который хотел преподать мне мой отец, я не сомневался, что это был бы именно такой урок. достаточно приятный.

На самом деле, это оказалось приятнее, чем я ожидал. В Пэдгейте было несколько неспешных дней, в течение которых я читал “Фауста” и “Поминки по Финнегану” и закончила писать рассказ о свидетельнице Иеговы средних лет, которая позволила восемнадцатилетнему юноше соблазнить себя . (Чтобы собрать ‘материал’ для этого рассказа, я посетила несколько собраний свидетелей Иеговы). Я назвал этот рассказ ‘Лабиринт Майи”, поскольку к тому времени открыл для себя “Бхагавад-гиту”.

Затем нас перевели в Бриджнорт, что в Шропшире, и началась настоящая “базовая подготовка” (избиение до полусмерти). Но я всегда привык к физическим упражнениям и не испытывал к ним никаких затруднений. Впервые за много лет я почувствовал себя физически здоровым и счастливым. Бхагавад-гита Гита также способствовала настроению оптимизма, и я повсюду носил ее с собой. Теперь мне стало ясно, что единственная сила , которая чего-то стоит, - это сила разума. Проблема заключалась в том, чтобы просто ценить то, что ты жив. Это казалось бы достаточно простым, и все же,

из-за своей близорукости большинство людей так и не научились получать удовольствие от жизни. За годы, проведенные в офисах или аудиториях, я почувствовал , что мой интеллект был просто бременем, которое делало жизнь вдвойне трудной. Теперь, когда мое тело было здоровым, мне казалось, что интеллект - это сила, которая освобождает от глупости и тривиальности, в которых запутались все люди. Гита дала мне возможность отстраниться отличие от повседневности заставило меня осознать возможность существования на протяжении миллионов лет.

Мы с тобой, Арджуна,

Прожили много жизней Я помню их все,

Ты не помнишь.

Я - нерожденный, бессмертный Владыка всего, что дышит.

Мне также понравилось повторять стихотворение Йита “Мохини Чаттер джи” и строки:

Брахман - это ритуал Брахман - это подношение Брахман - это тот, кто приносит жертву Огню, который есть Брахман.

Когда человек видит Брахмана В каждом действии Он найдет Брахмана.

Я поймал себя на том, что повторяю это на плацу или в столовой. Это была та уверенность, в которой я всегда нуждался. “Тот , кто ищет Брахмана, никогда не приходит к дурному концу”. Меня не беспокоил тот факт, что некоторые места Гиты противоречат шавианскому представлению об эволюции. (При повторном рассмотрении я не уверен, что они это делают.) Все, что имело значение, - это гарантия силы воли , направленной к абсолютной свободе.

- Даже если человек величайший из грешников,

Это знание поднимет его, как плот, над его грехом.’

Именно эта концепция придала мне сил: идея о том, что однажды все люди станут бескорыстными и идеалистичными, озабоченными только преодолением пороков человеческого существования и познанием цели

о жизни. Я нашел ту же религию у Платона, особенно на последних страницах “Симпозиума”, у Шелли и Шоу. Могут возникнуть некоторые разногласия по поводу того, как следует достичь цели, но по поводу цели разногласий быть не может.

Через несколько недель после того, как я приехал в Бриджнорт , в чайной чашке случилась нелепая буря, из-за которой я чуть не попал под “удар’. На билете, висевшем у меня над кроватью, я указал, что исповедую ислам. Это означало, что мне не нужно было посещать церковные парады по утрам в воскресенье. Однако нескольким знакомым я заявил, что поклоняюсь дьяволу. После отбоя в нашей квартире кто-то попросил меня рассказать о поклонении дьяволу, и я полчаса рассказывал о воображаемых обрядах. (Вероятно, я нашел их в каком-нибудь томе Монтегю Саммерса). Все лежали без сна в темноте, слушая и задавая вопросы, и не хотели давать мне уснуть. Однажды вечером, когда я объяснял какой-то заумный отрывок из дьявольской теологии, зажегся свет, и в комнату ворвался капрал-ирландец из соседнего дома и сказал, что мне предъявлено обвинение. Какой-то испуганный или оскорбленный католик выбрался из дома и привел его. Когда он увидел “Р.К.” на карточке над моей кроватью, его ярость удвоилась; он поклялся, что отправит меня в лагерь на шесть месяцев. На следующий день мне пришлось предстать перед командиром авиакрыла, чтобы объяснить, почему Я осмелился попытаться развратить чистых духом юношей в нашем лагере. Не будучи католиком, он не понял причины негодования капрала; он также, очевидно, почувствовал, что я, возможно, “подхожу для офицера” и что, следовательно, у нас есть что-то общее; подмигнув мне, он велел мне убираться и больше не грешить.

Я был потрясен злоупотреблением властью в Королевских ВВС; я никогда прежде не видел такой глупости и садизма, маскирующихся под покровительство власти. Мальчикам, прослужившим в Королевских ВВС два месяца, прошедшим

краткий курс обучения строевой подготовке и получившим две нашивки, затем разрешалось перебивать и задирать мальчиков, которые были старше их всего на три месяца. Я читал о тупости и жестокости армии, но никогда не предполагал, что она настолько похожа на пародию на саму себя. Тем не менее, за восемь недель, проведенных в Бриджнорте, мне удалось избежать серьезных неприятностей. Задолго до конца мне снова стало скучно. К счастью, я много бегал, и у меня затекли мышцы обеих ног; я пожаловался на это, надеясь избежать пары парадов, и был немедленно доставлен в больницу.

59

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Это было абсурдно, со мной все было в порядке. Возможно , доктор думал, что я раскрою свой блеф. Как бы то ни было, я провел две недели в больнице, целыми днями читая и сочиняя рассказы. К моей радости, Джордж Бакстер, мой старый приятель по велосипедному спорту из the Gate кстати, я тоже был там, и мы проводили много времени вместе. Я также познакомился с санитаром по имени Эрик Хусон, который сказал мне, что собирается стать великим художником. Он одолжил мне книги по современной живописи, и я познакомил его с творчеством Финнегана. Разбудить.

Я почувствовал себя менее торжествующим, когда вышел из больницы и мне сказали , что меня переведут в другое отделение, так как я пропустил двухнедельную подготовку. Но время шло, и наконец все закончилось. Помню, во время нашего прощального парада я внезапно почувствовал прилив сил и счастья, наблюдая за стройными колоннами людей, марширующих по Ноябрьский солнечный свет, и слушал, как играют духовые оркестры. Когда мы выходили, к нам присоединилась новая партия новобранцев; я помню чувство превосходства, когда мы наблюдали, как они проходят мимо, неряшливые и встревоженные да, те восемь недель, что прошли между нами, показались мне годами.

Вернувшись в Лестер, я снова посетил колледж Воган и встретился с Джеральдом и Миллисент и понял, что все

изменилось больше , чем я предполагал. Я даже сводил девушку в театр, но испортил вечер, неловко поцеловав ее на прощание.

После нескольких дней отпуска меня направили в Уайтхолл, недалеко от Бирминга хэм, чтобы выучиться на клерка. Это вызывало у меня отвращение; период, проведенный в больнице, убедил меня в том, что идеальной работой для меня была бы работа больничного санитара. Уайтхолл был грязным и неуютным лагерем, совершенно непохожим на тренировочный лагерь, где все блестело. Меня возмущало, что меня просили выучить десятки бланков Королевских ВВС. Я также отчетливо осознал, что все крупные учреждения, особенно те , которые находятся в ведении правительства, поощряют лень и моральную безответственность, которые Гончаров изобразил в “Обломове”. Вдали от напряженной атмосферы тренировочного лагеря я понял, что в Королевские военно-воздушные силы - это просто еще одна ветвь государственной службы, но без давления, которое требует определенной эффективности от правительственного ведомства. Мужчины, которые работают в течение длительного времени - возможно, двадцати лет - и которые нашли работу на льготных условиях, чувствуют, что они преодолели социальное принуждение к труду. Здесь царит странная атмосфера безвременья и пустоты, которую я себе представляю как атмосферу

из ада. Они не чувствуют необходимости отчитываться перед самими собой - в конце концов, они обманывают правительство, и правительство освободило их от всякой моральной ответственности.

Я нахожу эту атмосферу удушающей и довольно пугающей. Это заставило меня осознать, что человек глуп, если соглашается с любыми властями, которые лишают его агонии свободы. Это стало особенно ясно мне к концу моего пребывания в Уайтхолле. К моему неудовольствию, однажды, когда я был санитаром на складе, мне предъявили обвинение в том, что я не натер пол . Мне это показалось особенно абсурдным, потому что наша

квартира и так представляла собой грязную развалюху с разбитыми оконными стеклами, драным линолеумом и изъеденными молью одеялами на кроватях. Я указал на это командиру эскадрильи, который выслушал обвинение, но он, очевидно , посчитал, что, даже если подразделение разваливается, моральный дух необходимо поддерживать; поэтому он приговорил меня к двухнедельному аресту. Я чувствовал себя солдатом , которого застрелил один из его собственных офицеров при отступлении, в отчаянной попытке сохранить дисциплину. Пребывание в лагере предполагало явку на гауптвахту в полной форме, с рюкзаком и гетрами, примерно четыре раза в день, в самое неподходящее время , и выполнение различных дополнительных обязанностей. В течение второй недели моего пребывания в лагере я не мог выходить на работу. Меня послали натереть пол в казарме прапорщика, которого Я позвоню Томкинсу. Он вошел, когда я работал, и заговорил со мной. Он показался мне приятным и общительным человеком, немного разбирающимся в литературе. Он пригласил меня сесть. Примерно через десять минут он перевел разговор на литературу о садизме и спросил меня, читал ли я различные книги о бичевании и других методах “самобичевания’. Мы поговорили об этом еще минут десять - я все еще не подозревал ничего неладного. Затем он окольным путем спросил, не соглашусь ли я связать его и избить или пинать, как футбольный мяч. Я был шокирован, но постарался этого не показать; вместо этого я сделал вид, что воспринял это как шутку, и сказал ему, что мне нужно уйти, чтобы вернуться с докладом в караульное помещение. Он был настойчив: может быть, я сделаю это следующей ночью? Я избежал прямого отказа, но поспешно удалился. К счастью, приближались рождественские каникулы; вскоре после этого Томкинс ушел в отпуск, и Мне удалось избежать встречи с ним. Когда я вернулся в лагерь “после Христа” но он все еще был в отпуске, и неделю спустя я уехал из Уайтхолла. Этот инцидент усилил мое отвращение к Уайтхоллу; в этом месте царила атмосфера неряшливости и бесцельности, что

стало идеальным фоном для любых сексуальных извращений. Как мы увидим, этот инцидент впоследствии имел последствия.

Из Уайтхолла меня отправили в мой “обычный лагерь”, Хакнолл Торкард, недалеко от Ноттингема. (Я полагаю, что Уайтхолл был закрыт вскоре после того, как я уехал.) Это было сердце страны Лоуренса, с Дом Байрона, Ньюстедское аббатство, неподалеку. Здесь дисциплина была такой же непринужденной, как и в Уайтхолле. Лагерь был разделен между армией и Военно-воздушными силами (RAF), а также военно-воздушными силами (WAAFs). Строго говоря, я не принадлежал к этому лагерю, поскольку был писарем в небольшом вспомогательном зенитном подразделении, которое находилось в ведении полка Королевских ВВС. Там было еще только двое штатных сотрудников, капрал и адъютант. Мы работали по выходным, когда приходили вспомогательные ребята из Ноттингем для их тренировок, и у нас были “выходные’ в середине недели. Это давало нам большую свободу, а также означало, что мы могли не обращать внимания на караульное помещение, когда входили в лагерь и выходили из него.

Поначалу адъютант относился ко мне как к любимчику, воображая, что я буду более эффективным, чем его предыдущий клерк, ленивый шотландец. И я изо всех сил старался оправдать ожидания. Однако расслабленная дисциплина в лагере была против меня. Как и в случае с Уайтхоллом, власти были склонны к внезапным дисциплинарным рейдам пикирующих бомбардировщиков, когда они безудержно раздавали по нескольку недель тюремного заключения и даже иногда доходили до военного трибунала. После чего лагерю было позволено снова погрузиться в русско-крестьянскую летаргию. Я все равно терпеть не мог работу клерка. Меня также возмущало отсутствие уединения, пока я не понял, что могу возвращаться в офис зимними вечерами и читать, положив ноги на плиту. Затем я обнаружил в столовой объявление о наборе членов Ноттингемского драматического общества, пошел и вступил в него. Это было приятно; мы отрепетировали Первую нежную песню Нормана Гинсбери мужчина дважды в неделю; я сыграл две крошечные роли.

Через месяц адъютант обнаружил, что я неэффективен, и начал придираться ко мне. Я находил это невыносимым; он был человеком с приятным лицом, довольно глуповатым учеником средней школы, к которому я не испытывал ни уважения, ни особой симпатии. Он не довольствовался случайными вспышками

гнева; будучи слабым по натуре, он приобрел привычку по-женски придираться и нудеть, что неприятно напомнило мне преподавателя физики у Ворот. Адъютант был также искусен в придумывании мелких унижений. Бывали времена, когда единственным смелым ответом было бы ударить его.

62

В ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ И ПОСЛЕ ЭТОГО

Через неделю все пошло наперекосяк. Мне неожиданно сообщили , что я должен буду появиться на параде - это дело рук адъютанта - и там мне сказали, что мне будет предъявлено обвинение за то, что у меня грязные пуговицы и слишком длинные волосы. Уорент-офицер остановил меня за то, что я не отдал ему честь — я его не видел - и заставил убираться в его квартире две ночи подряд. Наконец, адъютант объявил, что уезжает на несколько дней; в результате я прибыл в офис с получасовым опозданием и обнаружил, что он ждет меня с торжествующей ухмылкой. Он отменил мой отпуск в середине недели и назначил мне дополнительные обязанности.

На следующий день адъютант начал придираться ко мне из-за того, что я допечатал что-то лишнее. Я добровольно задержался допечатать, и этот факт стал последним штрихом несправедливости. Когда он помахал бумагой у меня перед носом и крикнул: “Тебе не стыдно за свой я сам, Уилсон?”, я покраснел и сказал: ‘Нет’. Он выглядел изумленным. В комнате было еще два человека, поэтому он отправил меня в свой кабинет подождать его. Я был в бешеном настроении, полный решимости скорее провести остаток своей службы в Бедфордской тюрьме, чем терпеть еще одну такую бессмысленную глупость. Я даже подумывал о том, чтобы швырнуть его чернильницу в стеклянную панель двери, когда он входил, и действительно держал ее в руке, когда он открывал дверь. К моему удивлению, он выглядел весьма довольным собой. Вместо того, чтобы позвать охранника, он попросил меня присесть. Без сомнения, лагерь показался ему таким же скучным, как и мне, и он был благодарен за то, что я отвлек его от работы. Он объяснил, что видит, что я “другой” и

совершенно не подхожу для работы клерка. Я изо всех сил старалась соответствовать его представлению обо мне как об опасной невротичке, близкой к нервному срыву, расхаживая взад-вперед по комнате, откидывая назад волосы и пытаясь заставить себя закатить глаза в прекрасном бешенстве. На него это произвело впечатление, и он отправил меня к врачу в надежде, что тот подтвердит мою “нервную непригодность” для работы клерком. Возможно, его обрадовала перспектива избавиться от меня и найти более квалифицированного клерка. Я согласился с тем, что Я бы предпочел работать санитаром в больнице, хотя на самом деле весь этот бизнес казался мне выбором из двух зол.

Главный врач был очень молод; он показался мне достаточно отзывчивым, но не был убежден, что моя “нервная нестабильность” оправдывает смену профессии. Столкнувшись с его нежеланием поддаваться впечатлению, я задумался , как мне убедить его в срочности моего дела. Быстро

прежде всего, я отверг возможность того, что у меня могут быть эпилептические припадки, наследственный сифилис или склонность к убийству. Мне пришла в голову другая идея. В Лестере я знал юношу, который был демобилизован из армии по интересной причине. Он был гомиком сексуально, но, казалось, никто не возражал против этого. Но однажды на стрельбище ему сказали: “Вон та мишень - человек, который собирается застрелить тебя. Если ты не доберешься до него первым, ты все равно что покойник. Стреляй!” Мой знакомый бросил винтовку, выбежал на стрельбище и закричал: “Стреляй в меня, стреляй в меня!’ Его немедленно поместили под постоянное наблюдение в караульное помещение; после каждого приема пищи у него отбирали нож и вилку на случай попытки самоубийства, а через несколько недель он получил свой ‘билет’.

Мои дни на стрельбище закончились, но я подумал, что стоит попытаться внушить начальству, что я потенциально такой же склонный к самоубийству, как и мой друг. Итак, я начала с признания, что моя сексуальная жизнь была постоянно искажена

с тех пор, как моя мать до девяти лет заставляла меня одеваться как девочку , и что настоящей причиной моей неэффективности было эмоциональное напряжение от жизни в тесном контакте с таким количеством мужской красоты.

К моему удивлению, мне не пришлось идти дальше. Суицидальные настроения были излишни. Врач подробно расспросил меня о моей “сексуальной жизни” (которой на самом деле не было), и я ответил на все вопросы, которые почерпнул из учебника Хэвлока Эллиса и Стекель, с несколькими реалистичными деталями, позаимствованными из жизни некоторых знакомых.

Полчаса спустя, когда я вернулся в офис, я был убежден , что мои дни клерка закончились. Адъютант расспрашивал меня (осмелюсь предположить, что главный врач разговаривал с ним по телефону после того, как я покинул его кабинет); я повторил эту грязную историю; он явно обрадовался и стал относиться ко мне с такой заботливостью старшего брата, что мне стало стыдно за обман. Он пообещал, что больше никому не расскажет, и посоветовал мне взять выходной на остаток дня и отправиться на велосипедную прогулку. Я поехал на велосипеде в Ньюстедское аббатство; было ясное весеннее утро, и я хохотал как сумасшедший. Мне показалось, что небеса разверзлись. Было явное предчувствие грядущей свободы.

На следующий день произошли неприятные последствия. Адъютант уехал домой в отпуск на выходные. Мне сообщили, что в Отдел специальных расследований (S.I.B.) полиции Королевских ввс хотел поговорить со мной. Очевидно, о моем “деле” стало известно. Они были

они хотели узнать, могу ли я предоставить им какую-либо информацию о гомосексуальности в лагере. Это было бы достаточно просто; все в лагере знали, что некий сержант, некий повар и даже некий капрал ВВС не скрывали своих пристрастий.

Но я знал о них не больше, чем понаслышке, а даже если бы и знал , то не сказал бы ему. Когда он упомянул конкретные имена, Я признался, что мне было известно о том, что эти люди имеют репутацию гомосексуалистов, но сказал ему, что ничего определенного мне известно не было. Затем, к моему удивлению, он спросил меня об уорент-офицере Томкинсе, бичевателе Уайтхолла; я признался, что знал Томкинса. (Мне очень хотелось убедить его, что мои познания в области извращений были энциклопедическими). Затем он объяснил мне, что Томкинс сейчас находится под арестом по обвинению в излишней фамильярности с подчиненными и садистской жестокости по отношению к кошке - очевидно , он выколол ей один глаз перочинным ножом. Если бы я выступил в качестве свидетеля против Томкинса в его военном суде, СБ не обратило бы внимания на мои собственные проступки, в которых я сам признался. В противном случае меня обвинили бы в безнравственности, и я, вероятно, провел бы остаток своей службы в Королевских ВВС в тюрьме.

Я был уверен, что он блефует, но его настойчивость меня утомляла. Он посылал за мной дважды в тот день и еще раз на следующий, становясь все более угрожающим и сердитым. Как только адъютант вернулся, я попросил о встрече и рассказал ему, что произошло. Он немедленно выписал мне отпуск и велел отправляться домой в Лестер , пока он снова за мной не пришлет. Я с трудом мог поверить в свою удачу. Эпизод с S.I.B. был замаскированным благословением. В течение следующих четырех недель я оставался дома, раз в неделю возвращаясь в Хакнолл (всего в 25 милях от Лестера) за зарплатой. В конце концов меня отправили в Уэндовер к психиатру; он проявил сочувствие и сказал мне, что я, вероятно, буду уволен из Королевских ВВС. Еще позже я предстал перед медицинской комиссией, которая увидела, что я притворяюсь, но я отказался признать это, даже когда они стали оскорблять меня, и у них не было другого выбора, кроме как выписать меня. Около Все в лагере, казалось, отнеслись к этому как к шутке (поскольку я не делал из этого секрета). К счастью , в офицерской столовой об этом так и не узнали. Через шесть месяцев после того, как я поступил на службу в Королевские ВВС Я вышел оттуда, получив сертификат “нервно-неустойчивого” и совершенно неподходящего человека.

r

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Как только я совершил “решительный поступок”, положивший начало череде событий, - вышел из себя по отношению к адъютанту, - все остальное, казалось, последовало с полной неизбежностью. Я был как во сне уокер; никаких усилий не потребовалось. Все это превратилось в шутку. Возможно, лучшей параллелью моему душевному состоянию было бы опьянение. Мои подростковые годы были необычайно тяжелыми; у меня было ощущение, что вся моя лучшая энергия была обречена на то, чтобы быть потраченной впустую; все мои величайшие усилия ни к чему не привели; У меня вообще не было счастливых “перемен”; я начал задаваться вопросом, не являюсь ли я еще одним из “модных поэтов”, обреченных жить в совершенно неудовлетворительная и разочаровывающая жизнь ради того, чтобы создать несколько прекрасных произведений искусства. В семнадцать лет я подозревал, что умру в двадцать пять и меня будут считать Китсом двадцатого века.

Этот страх исчез во время моего пребывания в Королевских ВВС; оптимизм, который так часто подавлялся в течение предыдущих трех лет , оказался необычайно крепким и долговечным, и теперь был в совершенно здоровом состоянии. Отчасти это было связано с хорошим физическим состоянием быть может, из-за того, что я много сплю и жадно ем. Отчасти это также заслуга Шоу и Гиты. Следует признать, что эволюционный оптимизм Шоу убедил меня, когда я впервые услышал “Человек и Сверхчеловек”, но из-за физических и умственных нагрузок подросткового возраста его влияние на мое воображение было неопределенным.

Теперь я, казалось, впервые ясно, всем своим существом увидел ответ на некоторые проблемы существования. Не самые главные, надо признать, но, тем не менее, важные. Проблема жизни заключалась в том, что мы слишком низко опускали головы. Мы никогда не проявляли отстраненности, пока не стало слишком поздно - за исключением, конечно, внезапных благословенных вспышек счастья и благополучия, когда мы “соглашались”. В этом, как я понял, и заключалась вся проблема, единственная

проблема. Судьба крепко держит людей за шиворот и следит за тем, чтобы они никогда не поднимали глаза выше уровня поднимаемой ими пыли. Итак , все люди ослеплены, их намеренно держат в шорах, как лошадей в пробке. Если бы это было не так, самым несчастным человеком был бы тот, у кого ничего нет; и люди были бы счастливы в точной пропорции к своим ‘благам’. Вместо этого все мужчины похожи на старуху из бутылки с уксусом: они никогда не бывают довольны собой, никогда не становятся богоподобными и самодостаточными, всегда сгибаются под тяжким бременем человеческого существования.

Таким образом, проблема заключалась в том, чтобы просто перехитрить судьбу — или человеческую природу. Человек от природы не склонен к созерцанию. Но с тех пор

ВОЗДУШНАЯ КУЗНИЦА И ПОСЛЕ ТОГО, КАК

Я услышал пьесу Клиффорда Бакса о Сократе (где-то во время войны), я был уверен, что созерцание - это единственное спасение человека от его ограничений. Шоу и Гита были едины во мнении о превосходстве созерцательного человека над всеми другими типами людей. ‘Тот , кто стремится в созерцании познать внутреннюю волю мира…” Поскольку это казалось таким самоочевидным, было удивительно, что вся наша цивилизация построена на принципе спешки и непрерывной физической активности. Очевидно, что древние цивилизации Востока были мудрее нас, поскольку считали созерцание высшей формой деятельности. Подобная традиция всегда существовала в Крисе тианство, хотя в нашем веке я смог найти достаточно мало свидетельств этого . Но, по крайней мере, поэты никогда не отступали от великого идеала. Для меня поэт не был автором стихов (а я восхищался большей частью поэзии, написанной после Элиота); он был человеком, который стремился жить более полно, чем другие. Фунта написано : ‘Я здесь, Поэт, что ли напиток из жизни/, как и другие мужчины пить вино’.

Я нашел термин “первородном грехе” ценность, заявив, что эти осуждены судом ний. Мне казалось очевидным, что люди живут в

состоянии, которое аналогично болезни, и, по сути, является болезнью, если эти моменты отрешенности и просветления воспринимать как норму здоровья. Человек, страдающий от постоянной боли, не способен тонко воспринимать и осознавать сион, поскольку его способности притуплены болезнью. И все же каждый поэт - и, возможно, каждый человек - постоянно борется с глупостью своего тела, с бессознательностью, которая всегда рядом, с притупленностью своих способностей. Иногда недомогание проходит; тупость отступает; на несколько часов или минут чувства, кажется , вытягивают антенны в сторону природы; разум осознает новые, едва уловимые подтексты в каждой мысли; человек достигает в чем-то уверенного господства бога. Затем осьминог набирается сил; щупальца обвиваются вокруг сердца и мозга; снова вводится чрезвычайное положение; снова начинается борьба с удушьем.

Если я страдаю от простуды, от которой у меня горят глаза и затрудняется дыхание, я, по крайней мере, знаю кое—что о ее причинах - о микробах, вызывающих простуду, дефиците витамина G, о том, что я по неосторожности забываю высушить волосы после ванны. Но эта “нормальная” притупленность чувств, эта омертвленность нервов, тяжесть восприятия, по-видимому, являются частью “человеческого состояния”. Насколько я знаю, ни один человек,

кто-нибудь когда-нибудь излечивался от этого, но большинство из нас даже не подозревает об этом. Болезнь рождается вместе с нами; внутренняя история каждой жизни - это борьба с ней. Называем ли мы такое положение дел “первородным грехом” или предпочитаем придумать для него какое-нибудь название (например, гурджиевское “кундабуффа”), его актуальность неоспорима.

Когда я начал ясно понимать это, все безостановочное чтение, которое я читал в подростковом возрасте, встало на свои места. (В 1947 году я намеревался составить список прочитанных книг,

но, записав восемнадцать книг, прочитанных в январе, отказался от этого.) Шоу, Элиот, Хьюм, христианский мистицизм, восточный мистицизм, Достоевский, Толстой, Ницше и остальные … все они говорили об одном и том же по-разному. Я начал планировать грандиозную работу с аутсайдерами, людьми, которым не посчастливилось считать борьбу со “спрутом” наиболее важной задачей. самое важное в жизни и, следовательно, оказавшимся не на своем месте в нашей цивилизации. Для меня в этом заключалась горечь и ирония ситуации. Гурджиев определял “орган кундабуффа” как орган , который заставляет людей воспринимать фантазии как реальность. Казалось, что большинство мужчин тратят свою жизнь впустую, гоняясь за фантазиями, в то время как немногие Аутсайдеры были похожи на голландского мальчика, который обнаружил дыру в дамбе и понял, что вся страна в опасности. Но их крики предупреждения были приняты за стоны жалости к себе, а их попытки предотвратить опасность расценивались как свидетельство безумия.

Идея заключалась в том, чтобы продержаться следующие пять лет как снежный ком. (В то время я не читал Гурджиева или Сартра, хотя Джеральд подарил мне на день рождения книгу Уэллса “Разум на исходе” в (94&-) 1950-й был годом, когда это впервые предстало передо мной в перспективе; это стало причиной оптимизма, который охватил меня после ухода из Королевских BBC.

Моим непосредственным ощущением было то, что я никогда больше не испытаю разочарования и скуки, связанные с ‘безопасной работой’. Возможно, будет трудно адаптировать восточную идею о “страннике” или богоискателе к послевоенным условиям. Англия, но с чистыми намерениями это можно было бы сделать. Моим первым шагом был уход с государственной службы (к неудовольствию моего отца). Я не был уверен, чем хочу заниматься и куда хочу пойти. В глубине души у меня было смутное желание отправиться на Аранские острова и жить где-нибудь в каменной хижине; но книга Синджа об Аранских островах вряд ли поощряла эту идею; его островитяне кажутся слишком солидными и нормальными , чтобы благосклонно отнестись к очередному нашествию “святых”, хотя их

предки, должно быть, кормили аскетов, давших название “острову святых”

.

Решимость стать “странником” пришла ко мне, когда Я был в Уэндовере на приеме у психиатра Королевских ВВС. Я обнаружил, что у меня есть свободный день, и добрался автостопом до Лондона. Имя Вендовфер напомнил мне Руперта Брука; это было солнечное утро, я был счастлив и убежден, что смелость - это все, что мне нужно для достижения полной свободы.

Так легко чувствовать себя летом, когда стоит теплая погода. После долгих размышлений мне показалось, что лучшим решением для меня было бы стать актером. Итак, через несколько недель после моего увольнения я, надев свою старую форму Королевских ВВС, отправился автостопом на север.

Сначала я обратился в театр в Йорке, но мне сказали, что, хотя у них и есть вакансия помощника режиссера, они ожидают , что ему заплатят премию в размере ста фунтов. Я обратился в Брэдфорд и Харрогейт, но по-прежнему безуспешно. Затем, устав от этих усилий, я решил на несколько дней съездить на озера. (Я часто благодарил судьбу за то, что она отвадила меня от театра; возможно, я слишком наслаждался жизнью и забросил писательство). Мой рюкзак был тяжелым - он был набит книгами - Платоном, Гитой, различными буддийскими текстами, четырьмя квартетами и стихами Элиота; мои деньги были на исходе. Ближе к вечеру дождливого и ветреного дня я стоял в ожидании автобуса где-то недалеко от Брэдфорда и вдруг почувствовал безмерную ярость и возмущение своей судьбой. Мне казалось глупым и несправедливым, что судьба выбросила меня в этот мир и не позаботилась о том, чтобы оставить для меня место, так что я был вынужден скитаться с чувством бездомности. (Я сильно поссорился с отцом из-за отъезда я поступил на государственную службу и знал, что дома мне не будут рады .) Тогда меня поразило, что идея быть “бездомным скитальцем” далеко не так романтична, как ее описывают такие писатели, как Герман Гессе , особенно в Англии.

Я провел ту ночь в лагере Королевских ввс в Каттерике (жалуясь, что еще не получил официального уведомления о моем увольнении), где меня ждал сытный ужин и теплая постель. На следующий день я отправился в Боунесс, а затем в Грасмир. В молодежном общежитии Грасмира я часами практиковал “позу йоги”, не обращая внимания на других постояльцев, которые входили и выходили из общежития и с удивлением смотрели на меня . Затем я отправился домой. Документы о выписке все еще не были оформлены.

прибыл, и атмосфере не хватало сердечности. Я устроился на строительную площадку, чтобы быстро заработать немного денег, и через две недели снова отправился в путь, на этот раз направляясь в Саутгемптон, где надеялся сесть на корабль и отплыть в Индию. Я решил провести ночь в Стоунхендже и понаблюдать за восходом солнца над алтарным камнем — Стоунхендж всегда вызывал у меня магические ассоциации с тех пор, как я впервые прочитал “Иерусалим” Блейка.

Оглядываясь назад, я понимаю, что весь этот период был своего рода символическим поиск. Индия, Стоунхендж, острова Аран - все они были символами силы, к которой я стремился. На практике я знал, что Инишман или Халигат будут разочаровывать, как ребенок узнает, что он не может ухватить солнечные лучи, но мне казалось важным приложить усилия - как символический жест отказа от ‘обыденности’. Это также объясняет , почему в то время я придавал такое большое значение Церкви и так часто думал о том, чтобы стать католиком. Человеку нужны символы невидимого, если он не хочет стать рабом собственной тупости. Если бы я узнал о существовании общества солнцепоклонников, я бы присоединился к нему; не потому, что я считаю солнце богом, а потому , что поклонение - это правильное отношение к реальности. Наши моменты свободы такие случаи слишком редки, но в такие моменты мы начинаем осознавать, что человечество разделяет общий грех - обесценивание жизни. Человек испробовал различные методы, чтобы напомнить себе об озарении, которое приходит в моменты свободы. Один из них

пишет стихи и симфонии или рисует картины, как Ван Гог. Другой - строит церкви и соборы, чьи шпили и витражи утверждают, что повседневная реальность - обманщица.

Правда в том, что человек - “расчетливое животное” в лучшем смысле этого слова. Он не живет настоящим, как все другие животные; он пытается составить план своего будущего. Для этого у него развиты память и воображение в такой степени, которая неизвестна другим животным. Беда в том, что он еще недостаточно развил их; они слишком слабы, чтобы сказать ему правду. Его обманывают, предлагают ему фальшивые драгоценности вместо настоящих. Человек может вспомнить вкус рома или виски, но не вкус свободы. Таким образом, его подводят память и воображение; он сидит неподвижно, когда ему следовало бы заняться деятельностью. Поэтому он пишет стихи, строит церкви, создает религии по той же причине, по какой завязывает узелок на своем носовом платке — в попытке напомнить себе о своих высших целях и в ироническом признании своей склонности к ошибкам. Это также объясняет, почему я предпочел

От католической церкви к Англиканской церкви. Если ваша религия - это попытка символизировать “откровение”, то лучше , чтобы это было как можно более символично. Каждая уступка, которую она делает повседневной природе человека, является шагом в сторону от основного понимания того, каким должен быть человек.

Все это объясняет мое душевное состояние, когда я сидел на Стоунхендже той ночью, на ледяном ветру, повторяя строфы из Бхагавад-Гиты. Это было не совсем пессимистично, по крайней мере, не в отношении меня самого. Мне было жаль, что мир, в котором я родился, был таким беспорядочным, что все его ценности были абсолютно ложными. В этом отношении мое отношение было таким же, как и у The Waste Land. Но было что-то особенное в том, что я увидел все это насквозь и отверг. Если бы у меня был личный доход, в этом не было бы никакой трагедии; я

бы покинул этот мир и катился бы к черту своим путем. Но и без того были проблемы: я все больше проголодался и дул холодный ветер…. В конце концов, я отправился в Эймсбери, чтобы перекусить, а затем провел ночь в стоге сена, где крысы не давали мне уснуть. Утром я встал пораньше, вернулся к Стоунхенджу и перелез через колючую проволоку. Но я опоздал, чтобы увидеть восход солнца. А когда стало достаточно светло, я обнаружил, что моя одежда набита крошечными иголочками сена, которые отказывались отряхиваться, так что я был похож на дикаря.

Я решил повторить эксперимент с Каттериком, поэтому отправился на ближайшую станцию BBC и еще раз объяснил ситуацию с моими документами на увольнение. Они накормили меня двумя вкусными порциями и заставили ждать все утро просидел в караульном помещении. Офицер, с которым я разговаривал, был раздражительным и грубым, и мне доставляло удовольствие саркастически улыбаться ему и знать, что он ничего не может с этим поделать. Королевские BBC полиция связалась с гражданской полицией Лестера, которая позвонила моей семье, чтобы узнать обо мне. Моя мать испугалась, увидев в дверях человека в форме, и велела полиции немедленно отправить меня домой . Мне было все равно. Мне не особенно хотелось где-то находиться. Мне не очень-то нравилось жить. И все же, возвращаясь на автобусе в Нью-Йорк, я с нетерпением ждал “Мили де Мопен” Готье закопал и выбросил в окно. Я был романтиком, но такое слабое принятие желаемого за действительное приводило меня в ярость.

Я начинал терять ощущение ‘дома’. В прежние годы, когда когда бы я ни уезжал на какое-то время, я всегда испытывал сентиментальную радость от возвращения в Лестер и к своей семье

снова. Но теперь моя семья явно считала меня обузой. Они хотели, чтобы я устроился на обычную работу; я ненавидел обычную работу и предпочитал работать землекопом или

чернорабочим на стройке, потому что Я мог менять эту работу так часто, как только она мне надоедала. Я устроился на другую работу - на стройплощадку, но потом мне это надоело, и я стал работать на ярмарке. К тому времени была середина лета, и, несмотря на свою неудовлетворенность, я жил в состоянии оптимизма. Я никогда не расставался с книгой Ницше “Заратустра” или стихотворениями Уитмена. Я также нашел замечательную антологию под названием “Карманная библия мира “, составленную из “Библии мира”, которую я обнаружил в школьной библиотеке много лет назад и которая оказала на меня огромное влияние, особенно “Дао дэ Цзин”. Теперь я больше не испытывал угрызений совести из-за отсутствия постоянной работы; мне было ясно, что все “те, кто стремится улучшить мир” чувствовали то же самое, что и я , и не боялись рисковать своими лодками. Впервые в жизни я начал с интересом читать иудейско-христианскую Библию и пришел к выводу, что это величайшая книга на нашем языке.

Моя работа на ярмарке была напряженной: я продавал билеты на игровой автомат под названием spinner. Когда все билеты были проданы, вращался большой луч , и на большом наборе цифр вспыхивал огонек; вращатель останавливался, и свет тоже останавливался на номере; тот, у кого был билет с этим номером, получал приз. Из-за этого приходилось кричать часами, и к концу вечера я всегда охрипал. Моим родителям было стыдно, потому что многие соседи видели меня там и отпускали недобрые замечания. Это был отличный выход для “умного мальчика” с улицы, который надеялся стать ученым.

Мой начальник на “спиннере” был очень доволен мной - я кричал так громко, что посторонние могли подумать, что я рожден быть букмекером на ипподроме. Он предложил взять меня к себе на постоянную работу, чтобы я путешествовал вместе с ярмаркой, и я с энтузиазмом согласился.

Это тоже ни к чему не привело. Однажды вечером, когда я продавал билеты, маленькая девочка с овальным личиком, на вид лет десяти, стояла и пристально смотрела на меня, а потом спросила: “Ты хочешь продать себя?” Позже я проводил ее домой и поцеловал на прощание. (На самом деле ей было пятнадцать.) Я согласился встретиться с ней на следующий день и сводить ее в Леса Свитленда. Был четверг, и у нее был выходной после полудня, так как она работала в “Вулворте”.

В “ВОЗДУШНОЙ КУЗНИЦЕ” И ПОСЛЕ НЕЕ

Я был от нее в полном восторге. Я узнал, что она происходила из многодетной семьи, что ее отец был мусорщиком и что она бросила школу в четырнадцать лет. Она говорила с самой экстремальной версией “варварского лестерского говора”, который, на мой взгляд, является самым уродливым акцентом в Англии. Но я также представил ее в роли Элизы Дулиттл, а себя - в роли Хиггинса и решил, что должен дать ей образование. Так что весь день я говорил с ней о поэзии; мы так увлеклись , что опоздали на автобус обратно в Лестер, и я решил не идти на ярмарку.

Когда на следующий день я пришла на ярмарку, мне сказали, что я уволена и что на мое место уже нанят другой человек. Я поехала навестить Мэри (это вымышленное имя) и обнаружила , что у нее тоже возникли проблемы. Ее отец всегда настаивал, чтобы она была дома к половине десятого, и она опоздала на полчаса; в ярости он вышвырнул ее из дома. Она побежала за мной, но я зашел слишком далеко; она постучала в чью-то дверь, и добрая кондукторша автобуса приютила ее на ночь.

Внезапно на меня свалились ‘обязанности’. Она спросила меня, женюсь ли я на ней, и я ответил, что женюсь, если ее родители откажутся принять ее обратно. Однако в тот же день я навестил ее мать — измученную, беззубую старуху, которой на самом деле было всего сорок или около того, - которая была рада услышать, что Мэри в безопасности, и велела ей немедленно возвращаться домой

.

Я нашел работу на стройке и стал видеться с Мэри каждый день. Будучи совершенно неопытным, я не пытался заигрывать с ней; но она потеряла девственность в тринадцать лет - она сказала мне, что ее изнасиловали, - и вскоре восполнила мою неопытность. Казалось, этого было достаточно, чтобы у меня возникло ощущение, что я вступаю в новую жизнь. Я устроился на другую работу на стройке и проводил дни, раздевшись по пояс, под палящим солнцем, возя тачки с цементом. Я не был влюблен

в Мэри - все мои мысли были теперь о возможности уйти в монастырь или найти какой-то другой образ жизни, который дал бы мне свободу медитировать и писать. Однако я ничего не знал о протестантских монастырях, поэтому первым делом решил стать католиком. Я начал обучаться у голландского священника в Браун-Стоне и каждое воскресное утро проезжал на велосипеде несколько миль, чтобы посетить мессу.

И все же Мэри пробудила во мне новое чувство уверенности.

такое полное и беспрекословное восхищение было приятно после долгих лет неуверенности В себе. Мне казалось, что я смогу сделать все, к чему только захочу. Примерно в это же время я зашел в кафе с другом, который хотел стать художником, и он познакомил меня со сценографом из театра через дорогу - странным ирландцем , который, как предполагалось, обладал ясновидением. Первыми словами ирландца были: “Ты добьешься огромного успеха”. Я ответил: “Я знаю”. Я бы добился успеха не потому, что мне было суждено, а потому, что у меня было твердое намерение добиться успеха.

Тем не менее, проблема работы оставалась нерешенной. У меня было еще несколько знакомых люди, которые, казалось, столкнулись с той же проблемой. Жил-был поэт по имени Морис Уиллоус, йоркширец, похожий Роберт Луис Стивенсон, и у него был аденоидальный голос. Он был мар рид, под влиянием Спендера написал что-то вроде верлибра и работал сторожем на фабрике или подметальщиком дорог. Я все еще видел много интересного. Джеральд, который ненавидел Мэри и пытался довести ее до слез при каждой встрече. На вечерних занятиях он познакомился с привлекательной старой девой, которая предложила перепечатать его роман; она жила со своим отцом, прикованным к постели, и через несколько месяцев Джеральд переехал в ее дом. Она считала, что блестящий молодой писатель заслуживает поощрения и поддержки. Я начала мечтать о том, чтобы найти себе привлекательную старую деву, которая бы меня

содержала, и завидовала Джеральду за его незаслуженную безопасность.

Когда я устала от тяжелой работы, я решила попробовать себя в качестве государственного служащего программа повышения квалификации для работников ферм. Меня отправили жить на ферму в Ньюболд-Вердон, где фермеру платил губернатор мент за то, что обучил меня. Мне приходилось вставать в шесть утра и доить коров перед завтраком (там были электрические доильные аппараты). Затем, после долгого дня, проведенного на сенокосе или прополке капусты , около девяти часов мы ужинали, и я садился на автобус до Лестера , чтобы повидаться с Мэри. Иногда мы ссорились; она, казалось, чувствовала необходимость поговорить с Мэри. общество было склонно к эмоциональному насилию, и я находил это очень утомительным. После особенно шумной ссоры она ушла и обручилась с одним из моих друзей, который всегда восхищался ею. Однако через неделю мы встретились снова и помирились; мой друг узнал об этом и разорвал помолвку; он также поссорился со мной.

Работа на ферме наскучила мне. Через несколько недель фермер из Нью-Йорка- болд Вердон заметил отсутствие у меня интереса и отправил меня обратно в

Бюро по трудоустройству. Они отправили меня на другую ферму неподалеку Мелтон Моубрей. Я пробыл там около месяца, непрерывно ссорясь с матерью фермера, которую терпеть не мог, а затем уехал. Наконец, мы провели несколько недель на ферме в Хоутон-на-холме. Я ездил туда ежедневно и ночевал дома. Наступил сентябрь, и я устал от Англии. Я решил, что поеду во Францию. Мы с Мэри в последний раз ездили отдыхать на озеро Район, и она провела большую часть недели в слезах. Когда мы вернулись в Лестер, то попрощались, и я отправился в Дувр с половиной кроны в кармане.

6

ПАРИЖ, СТРАСБУРГ И ЛОНДОН

В “ДАО ДЭ Цзин” говорится: “Чем дальше человек путешествует, тем меньше он знает”. Для меня это всегда казалось аксиоматической истиной. Я никогда не любил путешествовать и всегда считал, что люди, которым это нравится , должны быть пустоголовыми. Когда мне было около десяти, меня отвезли в В Донкастер, чтобы погостить у моей тети Этель две недели. Хотя она жила на окраине города - в Балби, - так что я мог проводить время, исследуя сельскую местность или учась доить коров на соседней ферме, я предпочитал сидеть в гостиной, окруженный книгами и журналами, которые были в доме (на всеобщее обозрение). отвращение). Совсем недавно, во время поездки в Ленинград, мне так наскучили путешествия, что в Гдыне я отказался сойти с парохода; в то время как остальная часть компании отправилась осматривать Данциг, я остался на своей койке, читая научную фантастику. Во мне силен инстинкт самосохранения. Я счастливый когда у меня длинные, пустые дни впереди меня, и я могу сидеть в своем собственном дома, в окружении книг и грампластинок, с Тип писатель рядом.

Это означает, что я не испытываю сильного желания описывать в деталях то, что происходило со мной в течение следующих двух лет. Я путешествовал, и были моменты, когда на меня внезапно накатывало такое глубокое озарение, что его стоило бы записать; кроме того, это было бессмысленное движение.

Я поехал из Лестера в Дувр со своим другом из Нортгемптона, и мы работали, собирая хмель в Кентербери, и заработали немного денег.

Я провел неделю с Джеральдом, собирая яблоки в Мардене, в графстве Кент, а потом мы поссорились, и Джеральд уехал во Францию один. Я провел две недели, собирая картошку недалеко от Дувра, ночуя в заброшенном коттедже без пола. Затем я пересек Ла-Манш, читая книгу Мэттисена Генри Джеймс, главный

этап, и завидовал финансовой независимости Джеймса, которая позволяла ему проводить свою жизнь в качестве стороннего наблюдателя. Первое впечатление от Франции было приятным и странным; я впервые пил вино - меня озадачило, что оно не сладкое -

и ел лук с хлебом и сыром. Я добрался автостопом до Молодежного Хостел в Лилле, где я познакомился с двумя англичанками, Банковские клерки Бирмингема в отпуске. В одну из них влюбился довольно слабый обманщик, а я обнаружил , что увлекаюсь другой. История слишком длинная, чтобы пересказывать ее подробно; мы неожиданно оказались в Париже, где провели ночь в полицейском участке на площади Оперы (правда, не под арестом), и в конце концов я отвез мошенника обратно в Лилль, где он быстро исчез вместе с полицией в погоне. Теперь у меня не осталось денег, и я свалился с приступом гриппа; как как бы то ни было, через два дня я сбросил это и вернулся в Париж (оставив обувь в качестве залога в молодежном хостеле) с легкой головой, но полный решимости увидеть свою английскую девушку. Мне посчастливилось , что меня всю дорогу подвозил шофер, который возвращался в Париж. После гриппа я чувствовал себя странно беззаботным - возможно , все еще слегка бредил, - и я помню восторг от прямых, обсаженных деревьями французских дорог, иногда по щиколотку утопающих в коричневых листьях, и слабого осеннего солнечного света, и чувство: должен же быть какой -то другой способ жить, какой-то способ, который помогает проникайте в суть вещей и впитывайте их суть, вместо того чтобы тратить время на материальные пустяки. “Что касается жилья, то наши слуги могут сделать это за нас….” В Париже я поспешил в гостиницу в Порт-де-Шатийон, только чтобы узнать, что моя девушка подруга тем временем нашла себе датского парня, и что я был лишним.

Я должен быть благодарен ей за то, что перемена в ее настроении привела к озарению, которое кажется мне самым интересным

событием за всю историю Поездка во Францию. Я провел ночь в общежитии, испытывая частые приступы ярости и ревности. Это казалось серьезным поражением, и я боялся думать об этом слишком пристально, как иногда боишься осматривать порез, опасаясь, что он окажется глубже, чем кажется на ощупь. Выходя из общежития, я, помню, думал: “Следующие несколько дней будут адом”, старался не думать о ней, а потом вдруг вспомнил нападает в неподходящий момент…. Утро было свежим, но затянутым облаками. Когда я свернул на широкую аллею, обсаженную деревьями, выглянуло солнце. Совершенно неожиданно вид осенних деревьев наполнил меня абсурдным, экстатическим счастьем. Произошел мистический взрыв чистой радости. Внезапно девушка перестала иметь для меня хоть какое-то значение. Мне захотелось громко рассмеяться.

77

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Этот эпизод позволил нам осознать реальность и красоту мира, который скрыт от нас нашими эмоциями. Кьеркегор был неправ. Истина - это не субъективность, это объективность - внезапное осознание того, что существуют другие вещи, что мой удушающий мир грез - это не реальность.

В Лилле со мной подружился француз по имени Клод Гийом и одолжил мне два шиллинга на поездку в Париж. Я потратил их на хлеб и сардины и несколько дней питался ими и дикими яблоками. В Париже, у себя дома, он также предложил мне переночевать несколько дней, и Я готовил его жену к экзамену по английской литературе. Затем я узнал о старом американце по имени Рэймонд Дункан, который был известен своей добротой к художникам и музыкантам и который , вероятно, помог бы мне найти работу. Я пошел навестить его и обнаружил странного старика, одетого в тогу и сандалии, с длинными седыми волосами по плечам, который сразу же и очень доверчиво предложил мне импровизированную кровать в своем доме и какую-то работу в своей типографии. Я был в восторге; он даже намекнул, что мне следует научиться печатать свои собственные книги. В то время я работал над самыми ранними версиями своего романа “Ритуал в темноте”, который, казалось,

совершенно не вязался с оптимизмом “сделай сам”, царившим в “Академии”. Дункан’ на улице Сены.

Однако я переехал и спал на кушетке за сценой. Дом Дункана был большим, с внутренним двором во французском стиле, темными комнатами, чем-то вроде театра и различными мастерскими. Заведовала им мадам Айя Бертран, которая одевалась как монахиня, но объяснила мне , что она атеистка.

Я провела там несколько недель, училась печатать, посещала Рэя читал лекции Монда (которые были прочитаны на ужасном французском) и помогал ему печатать его газету “Нью-Париж-Йорк”. Он проповедовал философию, которую называл “акционизмом”, идею Уитмена, заимствованную у Руссо и Морриса. Ее основные положения заключались в том, что современный человек невротичен, потому что не работает руками, поэтому каждый должен быть способен сам сшить себе одежду, починить водопровод и построить собственный дом. Я нашел эту причину достаточно способный - мне всегда нравилось возиться с машинами, чинить электрическое освещение и мастерить книжные шкафы. Но Раймонд не писал или писал очень мало; он целыми днями шил сандалии

ПАРИЖ, СТРАСБУРГ И ЛОНДОН

и ткал ткани или печатал свою газету. Мне также сказали, что он владел магазином в Нью-Йорке, где продавались его самодельные сандалии (которые он изобрел за одну ночь), и трижды становился миллионером , хотя большую часть денег раздавал. Он давал концерты в “театре”, приглашая молодых музыкантов и актеров прийти и выступить; а также взял с собой группу музыкантов и художников в Каждый год в Нью-Йорке, где он нанимал для их использования Карнеги-Холл.

Он казался мне святым и рассеянным человеком, поразительно наивным, отвратительным автором “уитменовских” стихов - и в целом странным и милым чудаком. Я не мог воспринимать его всерьез. Он поделился со своей сестрой Айседорой убеждением, что природный талант к самовыражению значит больше, чем любая учеба и тренинги. Хотя это может быть справедливо для танцора и даже актера, вряд ли это может быть верно для человека, который занимается разработкой идей.

Однако через несколько недель мое пребывание в Академии подошло к концу . Было очевидно, что мне не хватало отношения преданного ученика, и я не получал удовольствия от уроков печати. Думаю, Раймонд позволил бы мне остаться там на неопределенный срок, но мадам Бертран и повар-грек, казалось, были недовольны моим присутствием, и когда однажды друг по переписке написал мне из Страсбурга с просьбой приехать и пожить у него, они с явным облегчением разрешили мне уехать , добавив, что вернуться мне не позволят.

Я переписывался со своим другом по переписке еще со школьных времен, и он гостил у меня в Англии в августе , когда я закончил школу. Теперь он прислал мне денег на дорогу до Страсбурга, и Я отправился путешествовать автостопом. Путешествие заняло у меня три дня. Вскоре стало ясно, что это тоже было ошибкой. Мы оба сильно изменились с тех пор, как нам исполнилось шестнадцать. Раньше я был склонен отстаивать религиозные взгляды, в то время как он придерживался неопределенного агностицизма. Теперь он был коммунистом и материалистом, и у нас, казалось, не было единого мнения. Я провел с ним три недели; затем его мать заявила, что я им надоел, поэтому я взял деньги на обратный проезд в британском консульстве и вернулся домой.

Три месяца, проведенные во Франции, научили меня очень немногому. Мне это не доставляло особого удовольствия, потому что я терпеть не мог оставаться без денег, а это означало полагаться на доброту случайных знакомых. Во всяком случае, Когда я вернулся, Лестер казался мне менее невыносимым. Я был так рад снова оказаться дома, что нашел себе офисную работу на сталелитейном заводе в

всего за 3 фунта или около того в неделю. Мэри нашла себе другого парня в мое отсутствие; моя гордость была задета, но я был рад, что больше не ввязываюсь в это дело. Однако у меня завязался флирт с медсестрой, и я стал проводить большую часть вечеров в ее квартире, читая или слушая радио.

Чувство облегчения от того, что я дома, вскоре исчезло, и я, как обычно, почувствовал скуку и раздражение. Теперь я почти постоянно чувствовал то же, что и в тот дождливый вечер под Брэдфордом, - что Судьбе пора перестать так плохо со мной обращаться и позволить мне заниматься тем, что доставляет мне удовольствие. Мне надоело, что меня преследует необходимость зарабатывать несколько шиллингов в неделю, надоело, что мне не разрешают заниматься тем, что мне нравится. Я задавался вопросом, почему в Англии не могут выделить какой-нибудь правительственный грант молодым писателям, проявляющим признаки таланта. Иногда мне кажется, что мне повезло , что я боролся так долго и упорно. Университетская стипендия в семь лет возможно, в подростковом возрасте я стал писателем совершенно другого типа. Но я не могу поверить, что все эти годы бессмысленной борьбы с обстоятельствами были необходимы. То, что работа “облагораживает”, верно лишь в ограниченной степени; дальше этого она становится унизительной и отупляющей.

К новому, 1951 году, я начал чувствовать, что совершу что-то жестокое, если мне придется провести в офисе еще один день. Все это было повторением скуки государственной службы - как будто за прошедшие годы ничего не произошло. Так что я уволился из офиса и устроился на другую работу - землекопом в Управление электроснабжения Лестера. Это было во всех отношениях предпочтительнее работы в офисе, но все равно было скучно.

Однажды, когда я шел на работу, кипя от негодования из-за череды ненавистных занятий, которых я не мог избежать, мне пришло в голову решение : мне платили около двадцати пяти шиллингов в день, гораздо больше , чем мне нужно было для жизни. Предположим, я смог бы убедить Электричество Совет директоров разрешит мне работать только три дня в неделю? Это было бы почти идеальным решением, потому что это дало бы мне достаточно денег на питание дома и дало бы мне четыре дня в неделю для самостоятельной работы. Как только эта идея пришла мне в голову, я был поражен, что не подумал об этом раньше. Я пошел посмотреть на электорат Совет директоров tricity, и они согласились. (Я сказал им, что хочу учиться, чтобы сдать какой-

нибудь экзамен.) Но мои коллеги по работе были возмущены - в типичной идиотской манере британского рабочего, единственными качествами которого, по-видимому , являются эгоизм и зависть. Они заявили, что меня облагодетельствовали

любезно предоставлено Уильямом Холденом

Автором в 1968 году; вверху - с его детьми Деймоном и Салли

благодаря любезности Х. Л.К. Куд-Адамса

ПАРИЖ, СТРАСБУРГ И ЛОНДОН

- хотя для них это не могло иметь никакого значения. Главный специалист позвонил в Управление по электроснабжению, которое отозвало свою концессию.

Меня так переполняли ярость и отвращение, что я тут же уволился с работы

.

Теперь я нашел работу, которая неожиданно мне понравилась; это был химический завод в Далмасе. В моем отделе изготавливали клейкую резинку , которая выпускается на клейкой ленте, а моя работа заключалась в изготовлении основного компонента этой резинки - смеси смолы и ланолина. Мой непосредственный начальник был добрым, добродушным человеком с чувством юмора;

У меня была большая свобода действий, и я мог ускользнуть в кафе через дорогу, когда мне больше нечего было делать. Иногда меня посылали помогать в различные филиалы. В это время я

читал книгу Манна “Волшебная гора”, “Братья Карамазовы” и “Разновидности Джеймса”. Религиозный опыт в первый раз. Кроме того, у меня возродился интерес к музыке. Один друг одолжил мне записи песен Фрэнка Симфонические вариации и Рапсодия Паганини Рахманинова. Теперь я тратил часть своей зарплаты на пластинки; конечно, 78 рупий в день. Я купил кое-что из “Жар-птицы” Стравинского, и “Либерштода” Флагстада из “Тристана”, и “Сюиту с треуголкой” Фальи, и заключительные танцы из “Весны священной”. Я постоянно играл на них по вечерам и насвистывал весь день. Когда я пошел покупать Лейбестод и прокрутил ее в кабинке магазина грампластинок, я был настолько переполнен эмоциями, что мне пришлось остаться в кабинке еще на десять минут, чтобы прийти в себя.

На этом этапе возникает необходимость заявить, что мне придется соблюдать определенную сдержанность в течение следующих восемнадцати месяцев. На этот период это перестает быть только моей историей и становится историей меня и моей первой жены. Потому что в июне 1951 года я женился на Бетти, медсестре , и немедленно уехал в Лондон, чтобы найти нам дом.

Я остановился в молодежном хостеле на Грейт-Ормонд-стрит и несколько раз подряд ходил смотреть “Совершенного человека” и “Супермена” в театр Принсес. Было ужасно трудно найти комнаты. Казалось, я проводил вечера в телефонных будках, обзванивая домовладелиц, которые говорили: “Извините, комната занята”. Я нашел работу разнорабочего в церкви Святой Этельдреды на Эли-Плейс, которую восстанавливали после взрыва бомбы. Бетти присылала мне посылки с едой и деньгами и приехала в Лондон на выходные, чтобы отпраздновать мое рождение.

двадцатый день рождения. Я обнаружил, что, несмотря на связанные с этим проблемы, я был счастлив в браке. Это было облегчением - иметь кого-то, кого можно любить. Признаюсь, бывали моменты, когда я ловил себя на том, что смотрю на привлекательную девушку в какой-нибудь публичной библиотеке и жалею, что не свободен, но это было нечасто. Эмоциональная безопасность значила гораздо больше.

В конце концов, я нашел маленькую двухместную комнату в Ист-Финчли, и Бетти переехала в Лондон. Я устроился на работу на фабрику пластмасс в Финчли — Фрейзер и Гласс — и мне это понравилось. Впервые за много лет я был счастлив. Мне так нравилось быть замужем, что я была удивлена Я не подумал об этом раньше. Я проводила тихие вечера в нашей комнате, читая или сочиняя, или слушая музыку по радио; августовскими вечерами мы отправлялись на прогулки; я часто вставала достаточно рано , чтобы посетить мессу в католической церкви через дорогу. В местной библиотеке я обнаружил египетскую "Книгу мертвых" и начал подумывать, не могу ли я каким-нибудь образом использовать ее в качестве основы для своего романа, как Джойс использовал "Одиссею". Этот роман, который начинался как повесть из 20 000 слов, занимал большую часть моих мыслей. Это должно было стать огромным и амбициозным произведением, в которое я вложу все свои силы. сионы, моя вера в необходимость интенсивности в цивилизации слабаков. Это было связано с мощью преступления и наказания, а также с длиной и технической сложностью "Улисса". Я восхищался "Улисс", но подумал, что жаль, что такому техническому шедевру нечего сказать; с другой стороны, "Пустынная земля" Элиота, хотя и полна намеков на духовное состояние нашей цивилизации, в целом слишком коротка. Но видение Элиота было моим собственным. Если бы работа в банке заставила Элиота воспринимать Лондон как Дантовский В подвешенном состоянии, с толпами проклятых душ, пересекающих Лондонский мост, мои собственные годы на унылой работе заставили меня воспринимать нашу цивилизацию как сам Ад. Я хотел, чтобы мой "посторонний" прошел через все его тривиальности и сложности, охваченный каким-то предчувствием страшного суда, видя в этом мире кульминацию многовековой агонии. Самый обычный поступок — например, покупка билета на метро - каким -то странным образом отзывается эхом, символизируя нечто гораздо

более важное. Иногда я заходил в местное отделение публичной библиотеки и говорил себе: ты идешь по городу проклятия. Рост неврозов и безумия был неизбежен, поскольку цивилизация , которая ничего не знает об аде, заслуживает того, чтобы ничего не знать о рае

и то, и другое; и всякое счастье будет таять, пока человечество не осознает свою ответственность и не начнет прилагать огромные духовные усилия. В то время я не знал, что только 5% людей способны на какие-либо усилия.

Полагаю, я посещал мессу по тем же причинам. Католик Церковь, по крайней мере, отстаивала мир невидимого и заявляла, что к этому миру не следует относиться слишком серьезно. Я считал, что ее истины носят скорее символический, чем буквальный характер; и все же, подобно первородному греху, они затмевают то, что иначе невыразимо.

За месяц до того, как Бетти должна была родить, наша домовладелица предупредила нас за неделю. Она предупредила нас, что нам придется искать новое жилье, когда родится ребенок, но ее внезапно охватила паника при мысли о том, что он может родиться преждевременно и ее семья не сможет заснуть из-за его плача. Это дало мне дополнительный повод для негодования по отношению к племени домовладелиц — у меня уже были проблемы с моей первой домовладелицей в Кэмден-Тауне (где у меня была комната, которая позже стала местом проведения большинства “Ритуалов в темноте”). Последующий опыт общения с квартирными хозяйками убедил меня в том, что стать квартирной хозяйкой - это самый верный способ лишиться своей бессмертной души, поскольку девяносто процентов из них были невероятно мелочными и подлыми. В те дни были моменты, когда я мечтал о диктатуре, которая захватила бы всех английских домовладелиц, погрузила их на корабли и отправила в какую-нибудь отдаленную часть Австралии, где они могли бы мучить друг друга своей злобой и глупостью. Даже сейчас, после многих лет жизни без хозяйки, мои чувства к ним все еще такие же жестокие - если не такие необоснованные, - как у Гитлера к евреям.

Бригадир на работе предложил мне комнату в своем доме, и мы жили там, когда наконец родился ребенок - мальчик, которого мы назвали Родерик. Через несколько недель после его рождения

наша новая хозяйка также уведомила нас об этом - очевидно, она обнаружила, что плач ребенка был сильнее, чем она ожидала. Бетти ненадолго вернулась в Лестер , а я переехала в комнату в Голдерс-Грин со всем нашим багажом и огромным количеством книг, которые у меня накопились. Моя новая квартирная хозяйка держалась молодцом, и я никогда не возвращался с работы , не обнаружив в своей комнате неприятной записки. (Когда я въехал, ее первым замечанием было то, что она не сдала бы мне комнату, если бы знала, что у меня так много багажа).

К этому времени мне надоело искать комнаты и переезжать из

мы переезжали с места на место, поэтому я почти ничего не делала, чтобы найти новый дом. Но Бетти дала объявление в журнал для медсестер и нашла себе работу в Уимблдоне , которая позволила бы нам “жить” там. Когда я пошел посмотреть на дом, все это показалось мне слишком хорошим, чтобы быть правдой. Старик по имени Пенман жил в нем один; это был приятный двухквартирный современный дом на Куинз-роуд. Я покинул свою квартиру в Голдерс-Грин, сопровождаемый воплями и проклятиями моей квартирной хозяйки, и мы переехали в Уимблдон весной 1952 года. Мистер Пенман страдал астмой и нуждался в сиделке и домработнице. Он был бизнесменом на пенсии и казался чрезвычайно щедрым; он сказал мне , что я могу пользоваться его пишущей машинкой в любое время, когда захочу. Поскольку большую часть дня он проводил в постели, я очень редко его видел. Я начал набирать текст как ритуал и каждую субботу проводил в читальном зале Британского музея - не потому, что хотел провести какое-то специальное исследование, а потому, что хотел писать в месте, связанном с Батлером, Шоу и Уэллсом. Я также провел много времени в Уайтчепеле, осматривая места убийств, и начал использовать сцены и обстоятельства их совершения. Преступления Джека-Потрошителя в моем романе.

Но ситуация на Уимблдоне оказалась менее мирной, чем в прошлом году. Поначалу я этого ожидал. Старик, казалось, в какой-то мере ревновал меня - он все время хотел привлечь внимание Бетти - и у него вошло в привычку не давать ей спать по ночам. Кроме того, он одолжил пишущую машинку соседу - очевидно, чтобы помешать мне ею пользоваться. В конце концов, это стало невыносимо для Бетти, и она пригрозила, что подаст заявление об увольнении. Тут прибыли родственники мистера Пенмана и попытались отговорить ее. Самым убедительным средством разубеждения был подарок в 20 фунтов стерлингов, и, поскольку мы остро нуждались в деньгах, мы решили смириться с загаром и ипохондрией старика. Кроме того, после этой размолвки он стал более мягким и отзывчивым и согласился на то, чтобы Бетти взяла двухнедельный отпуск. Кроме того, мне нужен был отпуск, поскольку я каждый день ездил из Южного Уимблдона в Северный Финчли - час езды на метро - и по вечерам у меня оставалось очень мало свободного времени . Поэтому мы решили отправиться на остров Хейлинг и взять палатку.

Это была восхитительная неделя, и, казалось, мы предчувствовали лучшее будущее. Мы отправились посмотреть коттедж Блейка в Фелфеме, провели день, осматривая Чичестерский собор (где я обнаружил превосходную одолженная брошюра Элиота об использовании соборов в Англии) и

поехали посмотреть на “Виктори” в Портсмуте. На пляже Фелфэм мне показалось, что я вижу ангельские фигуры Блейка, парящие над морем.

В конце недели мы вернулись на Уимблдон, направляясь на Лестер и узнал, что мистер Пенман умер от сердечного приступа. Его родственники сказали нам, что мы можем остаться в доме еще на несколько месяцев, и мне подарили пишущую машинку.

Следующие месяцы были мирными и счастливыми, так как впервые после свадьбы мы были одни, никто не вмешивался, и хозяйка не придиралась к нам. Если бы мы могли продолжать в том же духе, я не сомневаюсь, что мы бы никогда не расстались.

Однако, когда мы покинули Уимблдон, снова возникла проблема, где жить. Бетти еще раз дала объявление, и в конце концов мы остановились на доме в Кортфилд-Гарденс, Кенсингтон. Проблема заключалась в том, что из-за этого я не мог ездить в Финчли каждый день, поскольку там не было прямой линии. Неохотно, потому что мне нравилось там работать , я оставил свою работу у Фрейзера и Гласса и вместо этого устроился на фабрику по производству пластмасс в Уимблдоне. Однако это оказалось трудным делом. работа требовала больших физических навыков, чем у меня было, и через несколько недель мне вежливо сообщили об увольнении. В этот момент мы переехали в Кенсингтон.

Следующие несколько месяцев - зима 1952 года - оказались самым тяжелым испытанием в нашей супружеской жизни. У меня не было работы, а вакансий было мало. Биржа труда в Фулхэме ничего не могла мне предложить, поэтому я стал получать пособие по безработице. К счастью, мы не платили за аренду нашей квартиры в цокольном этаже, так что моего пособия хватало, чтобы прокормить нас. Бетти выполняла обязанности экономки, совмещая с некоторыми обязанностями сиделки, у женщины, которой принадлежал дом. К сожалению, она была безумной неврастеничкой, никогда не могла продержаться с экономкой дольше нескольких недель и стала настолько эгоцентричной, что, казалось, жила в солипсической вселенной, в которой другие люди были всего лишь тенями. Когда я впервые понял, что она обычно кричит на Бетти, я пришел в ярость и бросился наверх, чтобы повидаться с ней. Она заявила, что, если мы не будем удовлетворены, мы можем немедленно покинуть дом. Поскольку перевозка мебели Бетти из Лестера в Кенсингтон стоила нам всех денег, которые у нас были, об этом не могло быть и речи; я был вынужден с позором спуститься вниз и извиниться. Я снова спустился вниз, проклиная ее со всей возможной ненавистью и призывая богов поразить ее насмерть. Несколько недель спустя в больнице ей сделали рентген и обнаружили, что у нее

у нее рак матки, который, несомненно, убьет ее в течение нескольких месяцев. Это, без сомнения, было основной причиной безумных приступов ярости.

В течение нескольких дней после того, как ей сообщили эту новость, она была подавлена и в хорошем настроении; затем приступы ярости и подозрительности вернулись. Однажды Бетти узнала, что ее собираются уволить; она предупредила это, подав заявление об уходе; ее мебель была сдана на хранение, а они с Родериком вернулись в Лестер, чтобы подождать, пока я не найду для нас другой дом. Через несколько недель наша бывшая квартирная хозяйка умерла.

Пока мы жили в Кенсингтоне, я вступил в лондонскую анархистскую группу. Однажды, когда мы с Бетти были в Гайд-парке, мы услышали, как рыжебородый оратор проповедует анархизм. Он показался мне необычайно умным и начитанным. Я перебивал его, задавая все вопросы, которые приходили мне в голову, и его ответы были остроумными, хотя и неубедительными. В следующее воскресенье я вернулся, чтобы поговорить с ним, и спросил, могу ли я присоединиться к группе. Он ответил, что у группы нет “членства”. Если вы анархист, значит, вы принадлежите к группе. Я спросил, могу ли я попробовать выступить на анархистской платформе, и он, похоже, согласился. Итак, в следующее воскресенье я отправился в Гайд-парк, чувствуя слабость и возбуждение, чтобы выступить в первый раз. Я путешествовал на метро и попытался уклониться от полной оплаты проезда, заявив, что сел на поезд гораздо ближе к месту назначения, чем на самом деле. Инспектор спросил меня, был ли на станции, с которой я вышел, эскалатор или лифт, и я не смог ответить, поэтому признался, что намеревался обмануть лондонский транспорт. (Он записал мое имя, и в положенный срок я получил повестку и был оштрафован на десять шиллингов.) Этот опыт пробудил во мне все анархические наклонности, и я начал свою речь с того, что рассказал своей аудитории - очень многочисленной, поскольку другие ораторы привлекли мое внимание, - как именно меня поймали, и посоветовал им, как избежать оплаты проезда. Это имело огромный успех; мне было легко выступать на открытом воздухе,

так как мне приходилось кричать, и это помогало мне не нервничать. Я выступал в течение получаса и увеличил аудиторию вдвое. Когда я спустился, несколько человек из группы похлопали меня по спине и потащили в “Лайонс”, чтобы отпраздновать это событие чаем с песком. уичес. Один из них, Тони Гибсон, проявил особый энтузиазм, и мы стали близкими друзьями. Но когда мы присоединились к остальным, я был

мне сказали, что моя речь не понравилась остальным членам группы; возможно , она и была стимулирующей, но не анархической. Поэтому меня проинструктировали , что мне придется потратить несколько месяцев на изучение Малатесты и Кропоткина, прежде чем мне снова разрешат выступать.

Правда заключалась в том, что я считал политическую теорию анархизма бессмыслицей. Можно было бы надеяться на все более демократичный и интеллектуальный либеральное общество, которое в конце концов полностью откажется от власти, но казалось очевидным, что на нашем нынешнем этапе политической эволюции мы к этому не готовы. С другой стороны, я чувствовал, что истинной целью анархизма было создание общества “свободных духом”, которые помогали бы друг другу открыто и щедро. Это было очень близко моему сердцу. Мне казалось очевидным, что болезнь нашей цивилизации - это мания бизнесменов и политиков к собственным интересам и власти. Я некоторое время проработал на крупной фабрике игрушек в Уимблдоне, и нескольких дней там было достаточно, чтобы мне захотелось взорвать это заведение динамитом; от рабочих требовалось вкалывать как проклятый каждую минуту между приходом и уходом; не было никакой свободы выбора. они были добры, и опоздание на минуту считалось серьезным проступком. Недели, проведенной там, мне было вполне достаточно. Мне казалось отвратительным, что эта английская земля, породившая сэра Томас Браун, Ньютон и Шелли должны были прийти к этому: демоническому, безжалостному стяжательству. И именно потому , что это стяжательство представляло угрозу для меня как писателя, я так сильно его ненавидел. Цель анархизма, как я ее понимал, состояла в том, чтобы создать Англию, пригодную для талантливых людей, и общество, целью которого было бы поощрение таланта.

Однако анархисты, по-видимому, чувствовали, что мои цели были какими-то особенными. что слишком идеалистично и

недостаточно политично. Так что мне запретили выступать на их платформе. Затем я присоединился к синдикалистской группе Северного Лондона, которая была рада найти ораторов и позволила мне говорить на их платформе все, что мне нравится. Дело сэра Герберта Посвящение Рида в рыцари также вызвало некоторый конфликт внутри анархистской группы, которая в конце концов раскололась на две фракции.

Мои довольно сдержанные дружеские отношения с лондонским анархистом Занятие подходило к концу, когда я предложил прочитать одну из лекций по вторникам небольшой группе. Я рассказал о позднеримских императорах от Тиберия до Нерона, зачитал отрывки из Светония и закончил рассказом о Джеке-Потрошителе. Все они подумали, что я намеревался

чтобы донести мораль о том, что власть развращает, но мне было гораздо интереснее попытаться заставить их понять, что в природе человека есть иррациональный элемент, который затруднит установление Невозможное тысячелетие Руссо. Я позаимствовал свой текст из книги Достоевского. Записки из подполья. Половина моей аудитории ушла, а остальные яростно набросились на меня; один из них сказал, что я использовал лекцию, чтобы избавиться от садистского влечения. После этого я очень редко виделся с группой.

Однако, после того, как Бетти вернулась в Лестер, я, наконец, нашел работу носильщика в больнице “Вестерн Фивер” в Фулхэме. Бригадир устроил меня “на жительство’. Мы с Бетти

расстались в самых дружеских отношениях, но как только нас разделили двести миль, мы оба почувствовали облегчение от внезапной свободы от напряжения последних восемнадцати месяцев и почти сразу же начали писать друг другу обвинительные письма.

Поначалу мне нравилась моя работа в больнице. Работа была легкой, и мы проводили большую часть времени, бездельничая в комнате для носильщиков, ожидая, когда зазвонит телефон, чтобы вызвать “скорую”. К сожалению, все носильщики умирали от скуки дом, и проводили время, ссорясь друг с другом или ведя себя совершенно мелочно.

Здесь пахло сексом; это была идеальная атмосфера для инку затаив дыхание от какого-нибудь будущего Джека-Потрошителя. Естественно, эта работа включала в себя подъем полуобнаженных женщин на носилки и снятие их с них, а также хождение в палаты и из палат, где пациентки могли бродить почти без одежды. Носильщики не говорили ни о чем, кроме секса, и некоторые из них с некоторым успехом ухаживали за медсестрами и горничными. Один из санитаров тратил большую часть своей зарплаты на “грязные руки” печатные буклеты с порнографией, приобретенные в каком-то магазине за Лестер-сквер, которые передавались из рук в руки.

В “Волшебной горе” Манн изобразил своих больных туберкулезом так, будто их мало что интересует, кроме любовных похождений. Мой собственный опыт работы в отделениях туберкулеза подтвердил это; но, похоже, это справедливо и для большинства отделений больницы, с которыми мы сталкивались . Возможно, это связано с постоянным ощущением присутствия смерти. Я осознал это, когда однажды зашел в морг и увидел особенно привлекательную молодую девушку, лежащую обнаженной на столе. За несколько дней до этого я видел ее живой; несколько часов спустя я увидел

тело после вскрытия, мозги и внутренности сложены на краю стола в морге, и все намеки на то, что это был человек , исчезли. Она была матерью детей и счастлива в браке, и я поймал себя на том, что впервые задаюсь вопросом, по-настоящему желая понять: почему она умерла? Мог ли я умереть таким образом? Неужели мы настолько неважны для Природы? Или она умерла, потому что у нее не было страстного желания жить, не было настоящей цели?

Был ли Шоу прав, когда сказал, что мы умираем, потому что слишком ленивы, чтобы жить ради чего-то стоящего?

Анархисты начали выпускать сводное ревю о двадцатом веке как раз перед тем, как группа раскололась из-за того, что Герберт Рид принял рыцарское звание. Я сам написал несколько частей ревю . После раскола от этой идеи отказались, но я не хотел отказываться от своей работы и решил закончить ее сам и найти свой собственный актерский состав для ее исполнения. Кафе и кофейни были полны скучающих студентов-искусствоведов, которые понятия не имели, как убить время. Некоторых из них я нанял для своего ревю. Позвонил молодой художник-рекламист Джонатан Абрахам разрешил нам воспользоваться его комнатой возле Чок Фарм для разведения огня. слушал американский джаз и пластинки французского кабаре. (Он познакомил меня с записями Бикса Бейдербека, который до сих пор остается моим любимым джазовым трубачом.) Я продолжал писать ревю, пока мы “репетировать” означало читать это вслух, потому что мы понятия не имели, как это можно поставить. (На самом деле, это была бы идеальная постановка для радио).

Член чугун, в котором я чувствовал, что наибольший интерес был восемнадцать-летний писатель по имени Лаура Дель-Риво. Она оделась и рассказывал, как в двенадцать лет, и пока ее разум был импрес Сив. Я чувствовал, что она скучает и несчастлива, что она, как ни странно, “не в своей тарелке”. Я поехал в Чим, чтобы познакомиться с ее родителями; они были католиками, и от них веяло очарованием и невинностью. Я начал понимать Проблема Лоры; казалось, что ее подростковые манеры и двенадцатилетние платья были своего рода попыткой избежать ответственности. возможность достижения совершеннолетия. И все же она проводила свои вечера в мире Сохо, на вечеринках, где парочки “обнимались” до тех пор, пока не становилось очевидно, что они в лихорадочном возбуждении, а затем исчезали в постели комната, где шестнадцатилетние девушки непринужденно обсуждали аборты, и все без конца курили и пили крепкий чай. В этот мир бессмысленности и скуки она не хотела входить, хотя он и завораживал ее.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

ПАРИЖ, СТРАСБУРГ И ЛОНДОН

Однажды вечером мы вдвоем решили напиться. Никто из нас раньше не был пьян. Поэтому мы пропустили репетицию ревю и провели два часа в ирландском винном баре на Стрэнде. Мы оба чувствовали себя достаточно трезвыми, когда уходили, но взяли с собой две бутылки бургундского и выпили его в садах Фестивального зала, сидя на скамейке с видом на Темзу. Это помогло. Мы забрели в Трафальгарская площадь, и Лору внезапно вырвало в фонтан. К нам подошла женщина-полицейский и безапелляционно заявила, что мы устраиваем представление. Я оглянулся в сторону Национальной галереи и увидел, что на балюстраде действительно стоят толпы людей и смотрят на нас. Поэтому я повел Лору в кафе выпить крепкого черного кофе и, наконец, отвез ее домой в Чим. На Путни На станции Бридж около полуночи мне внезапно стало плохо. На следующий день я чувствовал себя ужасно; как назло, мне поручили тяжелую работу по мытью окон, которая длилась целый день. Я работал как в тумане, поклявшись, что никогда не повторю подобной глупости.

Наконец началось ревю. Мы арендовали зал неподалеку от Холбома - большое помещение на верхнем этаже кафе под названием “Гарибальди” с крошечной сценой. У нас была большая аудитория, и мы читали ревю, сидя за столом; оно продолжалось два часа и имело большой успех. Вход был бесплатный, но на пожертвованные деньги можно было купить кофе и пирожные и оплатить стоимость зала.

После этого актеры были мрачны; они репетировали несколько месяцев и теперь почувствовали разочарование. Они убедили меня написать для них еще одно ревю, и я начал ставить пьесу под названием “Расцвет металлического цветка”. Этот проект был гораздо более амбициозным, доставил гораздо больше хлопот и в конце концов был заброшен; но он послужил цели занять нас всех на все лето.

Некоторые актеры также продавали подписку на журнал, который будет называться “Субботний критик” и который будет издаваться молодым валлийцем по имени Билл Хопкинс. Я ничего не знал о Хопкинса, за исключением того, что Лора когда-то была “влюблена” в него; но мне говорили, что он, вероятно, самый блестящий человек в Сохо и , несомненно, добьется огромного успеха в будущем. Естественно, Я разыскал его. При нашей первой встрече я был разочарован. Я ожидал увидеть спокойного и дисциплинированного человека, который прочитал столько же, сколько Я знал, и который тщательно просчитал свое нападение на литературные бастионы. Вместо этого я нашел бледнолицего валлийца с романтическим идеализмом

такой же невинный, как Шелли, который заявлял, что никогда не читает чужих книг, потому что предпочитает быть полностью оригинальным, и чей вкус к риторике делал очевидным, что он соотечественник Дилана Томаса.

Но невозможно было отрицать огромную силу его личности. Казалось, он был рожден для того, чтобы быть лидером. Его юмор был настолько постоянным и индивидуальным, что я начал уставать от него примерно через полчаса. По сравнению с ним я казался задумчивым и угрюмым.

При нашей второй или третьей встрече я одолжил ему незаконченную рукопись ранней версии “Ритуала в темноте”. В течение нескольких недель он уклончиво отвечал на этот вопрос, и я справедливо подозревал, что он даже не открывал его. Но однажды я зашел в кипрское кафе под названием “Эй энд Эй” и обнаружил там свою рукопись, к которой была приложена записка, начинавшаяся словами: “Добро пожаловать в наши ряды! Вы гениальный человек’. Он, очевидно, открыл его случайно и был сразу поражен аккуратностью написания.

С другой стороны, его собственный почерк разочаровал меня, когда я впервые увидел его. Короткий рассказ был полон смутного романтизма; в нем рассказывалось о солдате, который был тяжело ранен в бою и успел перед смертью влюбиться в красивую крестьянскую девушку.

Правда заключалась в том, что наши писательские стандарты были совершенно разными; я “учился” у Элиота и Халма и в равной степени находился под влиянием Шоу, Йейтса и

Хемингуэя. Билл был романтиком-самоучкой, писавшим в традициях, близких к традициям Мюссе и Гюго. (Казалось, что тень Гюго преследовала его, и однажды ему рассказали об этом на собрании спиритуалистов, о котором он вел репортаж для газеты - что он был воплощением Гюго.) Мне сразу вспомнился комментарий Жида, когда кто -то спросил его, кто был величайшим французским поэтом: “Увы, Виктор Гюго!’ Временами я подозревал, что Билл придерживается изречения Эдгара По о том, что самая подходящая тема для поэзии - это смерть красивой женщины. История, которую он рассказал мне позже, была примерно такой совершенно типично для его характера и его подхода к литературе. В Париже его попросили помочь в поисках девушки, у которой был этот появилась из дома своих родителей в Бельгии и, как сообщалось , направлялась на Левый берег. Ему дали фотографию исключительно красивой девушки и велели прочесать кафе Левого

Банк. Вполне понятно, что он влюбился в эту фотографию и провел несколько недель в лихорадочных поисках ее оригинала. Затем ему сообщили , что поиски прекращены: тело девушки было найдено закопанным недалеко от ее дома; разочарованный поклонник убил ее, а затем сообщил, что она уехала в Париж.

Билл рассказал мне эту историю в связи с эпизодом из одного из своих романов (на момент написания статьи он еще не был опубликован). Молодой и романтичный немецкий офицер отправляется в польский замок, разрушенный артиллерийским обстрелом. Он входит в спальню, которая, очевидно, принадлежит девушке; на фотографии, стоящей на туалетном столике, видно, что она необыкновенно красива. Но в спальне отсутствует одна стена, а кровать пропитана кровью.

Я рассказываю эти истории не по порядку, чтобы проиллюстрировать , как работает воображение Билла Хопкинса,

а также объяснить, почему его короткий рассказ привел меня в замешательство. Его целью всегда было создать определенную напряженность, которая имела бы больше общего с Гофманом или Рихтером, чем с Хемингуэем. С другой стороны, будучи кельтом, он не терпит недосказанности и долгой писательской дисциплины, так что интенсивность часто теряется, когда он борется со скучными техническими деталями сюжета.

Но Билл Хопкинс сразу же очаровал меня потому , что он был первым человеком, которого я встретил, который был таким же тщеславным и уверенным в своем будущем величии, как и я сам. Сохо был таким же назначили меня; я ожидал встретить свободу духа, свойственную торговцам; вместо этого я обнаружил легко узнаваемое отсутствие уверенности в себе, которое, как мне казалось, было характерной чертой провинциальных городков; за шесть месяцев я не встретил ни одного самозванного художника или писателя, который, казалось , был бы намного выше посредственности. Все, казалось, были подавлены каким -то подозрением в грядущем провале - заблуждением о незначительности происходящего. Более того, Я никогда не встречал никого, кто, казалось, был бы серьезно настроен на создание серьезной работы. (В то время Лаура Дель-Риво была чрезвычайно скромна в оценке стоимости всего, что она могла бы произвести.) Хотя мы живем в век специализации, когда для того, чтобы стать техником или математиком, требуются годы учебы, большинство будущих писателей , похоже, понятия не имеют, что их профессия требует столь же долгой самодисциплины

.

Это правда, что Билл Хопкинс, по-видимому, также в значительной степени опирался в своем творчестве на природное вдохновение, но создавалось впечатление, что он

за всю свою жизнь он ни на секунду не усомнился в своей будущей известности и в том достоинстве, которое присуще

писательскому призванию.

Вскоре мне пришло в голову, что его главная проблема была проста: его непосредственное личное влияние на людей было настолько велико, что он вполне мог бы провести всю свою жизнь, ослепляя небольшой круг поклонников (которые никогда не переставали бы уверять его в своей гениальности) и так и не написав ни строчки. Искушение было удвоено, потому что он происходил из актерской семьи, и поэтому он всего лишь следовал семейной традиции полагаться на устное, а не на письменное слово.

Это стало для меня еще более очевидным, когда я впервые услышал, как он рассказывает о сюжете своего романа “Время тотальности”. В его изложении это было неотразимо драматично. Романтизм был органично соединен с сюжетом, в котором было движение и экономичность романа. Триллер Грэма Грина; слушая его, невозможно было усомниться, что у него есть материал для романа-бестселлера, который также был бы признан уникальным выражением романтики девятнадцатого века. тицизм и современное психологическое понимание. И все же мне стоило только мысленно вернуться к тому моменту, когда он впервые изложил мне сюжет своего романа “Божественное и упадок”, а затем вспомнить годы его усилий по написанию и переработке, чтобы понять, что между замыслом и исполнением может быть огромная пропасть. (В любом случае, я уже знал об этом, поскольку сам много лет переписывал “Ритуал”) При рассказывании истории некоторые сложные моменты замалчиваются, некоторые взаимосвязи представляются более правдоподобными, чем они будут на бумаге. В письменном виде концепция, которая казалась непробиваемой и неотразимой, может показаться скорее одеждой нищего - дыр больше, чем ткани. Нет альтернативы, кроме как работать и переделывать, пока первоначальное видение не превратится в далекое воспоминание.

Однако в этом отступлении я не буду касаться истории с “Субботним” Критик отстранен; и все же, когда я впервые встретил его, мне - и многим людям в Сохо - показалось, что Билл Хопкинс вот-вот станет новым Фрэнком Харрисом. Если бы журнал когда-нибудь появился , легенда о разгневанных молодых людях зародилась бы на пять лет раньше, потому что субботний журнал “Критик” должен был быть посвящен жестоким требованиям повышения стандартов во всех видах искусства и безжалостному осуждению насилия. всего того, что не

соответствовало этим более высоким стандартам. (У меня нет

вот как он намеревался завоевать расположение своих рекламодателей.) Армия его авторов обязалась максимально использовать сатиру, иронию и откровенные оскорбления в своих обзорах.

Понимая, что уверенность в себе легче всего внушить видимостью успеха, он снял офис в Саутуорке, недалеко от таверны, из которой вышли “пилигримы” Чосера, и установил два телефона . Различные издательства присылали ему книги на рецензию. Джонатан Абрахам подготовил макет первого номера, и он был напечатан с чистыми страницами и резкой редакционной статьей, разъясняющей политику журнала.

Я узнал, что Билл Хопкинс с подросткового возраста работал на Флит-стрит и одно время редактировал несколько газет в Северном Лондоне одновременно. “Субботний критик”, казалось, имел все шансы на успех. Однако проблема всегда заключалась в деньгах, а бесплатной помощи и нескольких “подписок” было недостаточно. Как и в случае с профессионалом когда мой Металлический цветок распустился, вся схема рухнула под собственной тяжестью.

Но к тому времени, когда все рухнуло, я переехал в Париж. Я устал от больницы, и мне было очень скучно - так скучно, что никакое занятие в свободное время не могло избавить меня от ощущения, что я разлагаюсь духовно и умственно. Каким-то образом всего лишь пять минут, проведенных в комнате портье, могли стереть все вдохновение и направить мои мысли в однообразное русло, как граммофонную пластинку со стертыми дорожками. Я прилагал огромные усилия, чтобы справиться с

этим, но это было бесполезно; я томился в собственной апатии. При каждой возможности я прокрадывался в комнату над прачечной, садился, скрестив ноги, на пыльный пол (вдыхая запах дохлых мышей) и пытался сосредоточиться на Гите и свободе. Меня преследовал образ из книги Кранмера Бинга Видение Азии, картина “Кориа, страна утреннего спокойствия” - идея, не лишенная иронического подтекста, появилась в 1953 году - и три старика, стоящие в зеленом бассейне на холмах, каждый из которых пробует уксус из банки. Будда находит это кислым, Конфуций спокоен и равнодушен, Лао-цзы выглядит довольным; варево, конечно же, - это жизнь. Эта картина наполнила меня болезненной тоской, когда я вдохнул пыль, а затем снова спустился вниз, чтобы послушать те же разговоры о футболе и сексе и посмотреть бесконечные карточные игры. Это была история, которая умерла для меня. У меня была необычная степень свободы; работа была легкой; У меня было много друзей, но мой разум был подобен мыши в ведре, которая

не может перелезть через бортики и может только подпрыгнуть, а затем снова упасть на дно.

Примерно в это время были раскрыты убийства Кристи, и газеты пестрели фотографиями детективов, копающихся в саду за домом на Риллингтон-плейс. Эти убийства, казалось, символизировали это помогло мне осознать убогость и тщетность моей жизни в больнице. Я заставлял себя двигаться вперед силой воли, но так и не смог вернуть радость и уверенность, которые были у меня в то лето, когда я работал на фермах. Теперь я часто вспоминал один день из моих последних каникул с Мэри, проведенных на продуваемом ветрами склоне холма в Дербишире. Мы были на вершине башни на холме, и ветер сорвал с меня берет; потом пошел сильный дождь, и мы укрылись в лесу и лежали под плащ-палаткой, слушая, как дождь барабанит по плащу. Наконец, спускаясь с холма, когда нас чуть не сбивало с ног ветром, и глядя на огромное кольцо холмов на окраине Ланкашира, я был переполнен сознанием силы и свободы, чувством, по сравнению с которым скука моих подростковых лет казалась незначительной. Казалось, я открыл секрет: никогда спокойно не принимать скуку дом и нереализованность. “Если тебе не нравится твоя жизнь, ты можешь изменить ее…” Зная этот секрет, будущее не может сулить ничего, кроме триумфа.

И все же я был здесь, на работе, из-за которой постоянно

сталкивался с болезнями, осознавал моральные последствия нашего прозябания в комнате грузчиков и не предпринимал никаких реальных усилий, чтобы избежать этого. Одной из причин этого было то, что я посылал Бетти деньги каждую неделю. Работа над моей пьесой и выступление в Гайд-парке тоже были утешением. И все же мой разум был подобен мокрому трутовику, из которого невозможно высечь ни одной искры. Однажды я встретил в Нортумберленд-авеню, старый знакомый по “Воган-авеню”. Колледж в Лестере, который поздравил меня с тем, что я выгляжу здоровой и полной энергии. Меня заинтересовало это наблюдение, потому что в течение многих месяцев я сознательно вел себя так, отказываясь признавать это. я чувствовал сильное истощение, но все же ощущал внутри себя безмерную апатию

.

Два события привели к тому, что я решил покинуть больницу и отправиться в Франция. Первой были новые ссоры с Бетти. Мы познакомились в Однажды в Лестере прошли выходные, и мы решили, что должны приложить совместные усилия, чтобы найти себе дом. Я был не совсем доволен этим

это, потому что, хотя я любил свою жену и сына, у меня не было особого желания повторять опыт предыдущего года. Но Бетти заняла денег у своей матери, я зарегистрировался в агентстве, которое предложило найти нам квартиру за 5 фунтов стерлингов, и мы снова начали поиски жилья. Агентство предложило нам квартиру в Форест-Гейт, Восточный Лондон; я пошел посмотреть ее, и она мне понравилась; они просили 120 фунтов стерлингов за “мебель и фурнитуру”, но арендная плата была низкой: 2 105 фунтов стерлингов. Я немедленно выдал агенту чек на 50 фунтов

стерлингов в качестве задатка и послал за Бетти, чтобы она пришла и посмотрела на это.

Она действовала неохотно — она считала, что страховая премия высока, и подозревала об условиях соглашения, а также об отказе арендодателей позволить ей обратиться с этим соглашением к адвокату. Однако в конце концов она согласилась с ценой и вернулась в Лестер. Позже, в тот же день, я получил от нее телеграмму , в которой она сообщала, что передумала и хочет расторгнуть сделку. Я был в ярости. Мне очень понравилась женщина, предложившая нам квартиру, - пухленькая ирландка-католичка, которая была совершенно очаровательна, - и я сказал ей, что мы обязательно ее снимем. Я отправил ей телеграмму Бетти. бабушке пришло письмо с извинениями - она вернула наши 50 фунтов следующей почтой - и написала Бетти, что, если ей нужна квартира сейчас, она может подыскать ее сама. Но, подозреваю, я также испытала облегчение от того, что все сложилось так, как сложилось.

У меня была еще одна причина, по которой я решил покинуть Лондон. Усталость вызывала приступы “опустошенности”, которые я испытывал много лет назад в Лестере. Однажды в своей больничной спальне (что-то вроде будки с тонкими деревянными стенками) я встал и зевнул. Все растворилось; в полубессознательном состоянии я ощупывал пол, снова ощущая странный шум в голове и ушах и отделенность от своего тела и всего, что я называл ‘собой’. Моя личность растворилась; больше не за что было зацепиться; я снова был “в сознании, но ничего не осознавал”. Затем в голове прояснилось; но когда я спустился вниз, на работу, “обычный мир” превратился в насмешку, в бессмысленный ритуал машин.

Через несколько дней это случилось снова, на пустынной верхней площадке автобуса; я потянулся, зевнул и потерял сознание. Я знал , что это из-за того, что я заставляю кровь приливать к мозгу, но это не помогало избавиться от чувства ужаса, от осознания того, что вся человеческая жизнь бесполезна.

Однажды я вернулся поздно вечером, немного пьяный, и лег в постель

в теплой темноте я внезапно осознал абсурдность своего пребывания там. Внезапно мне стало очень ясно: я хотел спросить: Кто такой Я? Что я здесь делаю? Что лежит за пределами жизни? Мы воспринимаем этот мир, в котором живем, как нечто само собой разумеющееся, как будто это самая обычная и разумная вещь в жизни. Где у нас гарантия, что мы не сидим в камере смертников? Для нас “жизнь” - это все, что есть, но мы не боимся, потому что всегда есть какая-то альтернатива, какой-то “потусторонний мир” за углом. Но поскольку мы живые существа, какая альтернатива жизни существует? Я вдруг почувствовал себя крысой в мышеловке, и мне показалось, что наша глупость и непонимание - это все, что отделяет нас от какого-то запредельного ужаса.

Великая ирония заключалась в том, что все эти вопросы не имели отношения к моей жизни. Если бы бригадир спросил: “Почему вы так плохо выглядите сегодня утром?” Могу ли я ответить: “Потому что я подозреваю, что вся жизнь фальшива”? или “Потому что я подозреваю, что вы - плод моего воображения’? Мы не можем жить иначе, как по-человечески, следуя человеческим ритуалам; все, что мы делаем, должно быть “человеческим”; мы должны путешествовать по нашей трамвайной линии времени и использовать время для различных целей, которые все связаны с другими людьми. Мы кажемся личностями; на самом деле, мы не можем даже дышать самостоятельно каждый акт самовыражения, на который мы способны, является человеческим, социальным актом. Единственный способ избавиться от нашей боли - это обратиться к другим людям или к какой-то “внешней” помощи - к Богу или “духам’.

Мне казалось, что я подобен игровому автомату, стоящему на каком -нибудь углу и считающему себя “свободным”, верящему, что он стоит там по собственной воле и выплевывает каждую пачку сигарет волевым актом . Внезапно я осознал, что “я” полностью механичен, полностью зависим от грошей, что, следовательно, ни одно мое действие не имеет смысла, что я могу претендовать на то, чтобы быть не более чем наблюдателем, свидетелем жизни, сознанием, заключенным в ловушку материи, но совершенно беспомощным, неспособным даже наблюдать, кроме как с помощью тела. ироничная грация, которая в любой момент может отключить сознание.

Очевидно, что с таким видением ничего нельзя “поделать”, но оно разрушает иллюзии, которые заставляют нас двигаться вперед. Мне казалось, что единственными разумными альтернативами были самоубийство и выписка из больницы. Ни то, ни другое не было бы так разумно, как просто “не быть”, но поскольку я “был”, В этом вопросе у меня не было выбора.

Я продал все свои книги у Фойла, собрал все деньги Я собрался с силами и написал Бетти, чтобы сообщить ей, что я уже в пути

во Францию. (Это означало, что, строго говоря, я “бросил” ее, хотя обстоятельства разлучили нас на девять месяцев). Я провел ночь на полу в офисе Билла в Саутуорке, а на следующий день не спеша добрался автостопом до Дувра. Следующую ночь я провел в лесу неподалеку от Кентербери - разумеется, в спальном мешке - и встал рано утром, чтобы успеть на первый же пароход до Кале.

К полудню я вернулся во Францию. На этот раз у меня было немного больше денег, чем раньше, — всего несколько фунтов. Я зашел в ресторан, расположенный в большом, похожем на сарай месте недалеко от доков, и заказал еду и немного вина. Я еще не завтракал. Вино быстро опьянило меня и сделало счастливым; заведение почему-то было украшено бумажными гирляндами, а по радио очень громко играла испанская музыка . Мне подали огромный и нежный стейк. Впервые за год — а мне показалось, что прошло много лет - я ощутил прилив радости , ощутил силу двигателя, как это было на ветреном Дерби графство Хиллсайд, и я был уверен, что принял правильное решение, покинув Англию. Я почувствовал, что боги снова со мной и послали мне этот проблеск силы в знак одобрения. Я был в Испания, Кале и вся Европа одновременно; я мог бы путешествовать по истории, как на автобусе.

Через два дня я прибыл в Париж и сразу же направился в комнату Клода Гийома на улице Байен. Он там больше не жил , но его мать оставляла эту комнату за собой для своих редких визитов в Париж. Я поддерживал связь с Клодом и его женой (Мари навещала меня, пока я был в больнице, и я “показал ей Лондон’).

Консьержу было велено отдать мне ключ, и я въехал в дом.

Первой проблемой было найти какой-нибудь способ зарабатывать на жизнь. Казалось, что я нашел решение в свой первый вечер в Париж. Я увидел рекламу нового американского журнала под названием “Парижское обозрение”. Я отправился навестить редактора в его офисе на улице Гарансьер; им оказался опрятный молодой американец по имени Джордж Плимптон. Джордж предложил мне продавать подписки на “Пэрис Ревью”, оставляя себе значительную долю от каждой подписки . Он снабдил меня списком американцев, живущих в Париже, и картой города. Это показалось мне отличной идеей; абонементы должны были стоить тысячу франков каждый (около фунта стерлингов в 1953 году), из

за которые я бы удержал 400 франков. Это означало, что я мог жить, продавая только одну или две подписки в день. Я вернулся на улицу Байен в очень веселом расположении духа.

На следующий день я обнаружил, что работа будет сложнее, чем обычно. Я предвидел это. Начнем с того, что адреса в моем списке часто находились далеко друг от друга; мне приходилось либо сильно переплачивать за проезд на автобусе, либо идти пешком. Во-вторых, очень немногие американцы, казалось, были заинтересованы в новом обзоре. После долгого рабочего дня и двадцатимильного пешего перехода по невыносимой жаре я продал одну подписку, но потратил около тысячи франков на прохладительные напитки и проезд в автобусе. Когда адреса были продиктованы по телефону, я попытался обзвонить их, но обнаружил , что этот метод почти никогда не приносил успеха: потенциальному клиенту было слишком легко отказаться. Один американец попросил меня позвонить на следующий день в его офис. Но его домашний адрес оказался совсем рядом с улицей Байен, так что я заехал туда, надеясь по дороге домой продать ему подписку. Он подошел к двери и, когда я изложил ему свое дело, закричал: “Я, кажется, просил тебя зайти ко мне в офис! За кого, черт возьми, ты меня принимаешь! Если ты хочешь меня видеть, ты сделаешь это по-моему! А теперь убирайся!’ Он

захлопнул дверь у меня перед носом. Я стоял там, испытывая ту же ненависть, которую когда-то испытывал к хозяйке дома в Кортфилд-Гарденс, и призывал всех богов наслать на него самую отвратительную смерть из всех возможных. Я пошел домой, размышляя, почему американцы могут быть самыми мерзкими и грубыми людьми на земле (а иногда и самыми обаятельными).

Через несколько дней я нашел различные способы увеличить свой доход. Самым полезным было продать отдельные экземпляры обзора возможным подписчикам, которые хотели получить больше времени для принятия решения. Многие люди не хотели расставаться с годовым запасом с описанием, но были настолько счастливы, что купили один экземпляр. С точки зрения моей работы, это было строго “незаконно”, но я должен был жить; и я чувствовал , что Джордж Плимптон ввел меня в заблуждение относительно предполагаемой прибыли.

Примерно через две недели после моего приезда Лора написала мне, что Билл Хопкинс, возможно, уже едет искать французского печатника для “Сатердей Критик”. Следующий день я провел в своей комнате, надеясь , что он появится. Я был рад возможности провести день за чтением стихов и пьес Шоу, потому что терпеть не мог свою работу. Но его нигде не было видно, поэтому на следующий день я вышел и ушел

на двери была записка, в которой говорилось, что я вернусь в шесть часов. Но никто так и не пришел, поэтому на следующий день я остался дома и весь день читал. Около семи вечера раздался слабый стук в мою дверь. Это был мой лондонский друг по имени Филип Вин, который рассказал мне, что они с Биллом весь день ждали на тротуаре внизу. Они приехали в полдень, увидели мою записку (которую я забыла убрать) и предположили, что меня нет дома.

Я был рад их видеть, потому что Париж поверг меня в уныние . Билл, как обычно, был в приподнятом настроении. У него тоже не

было денег. На следующий день Филип должен был вернуться в Лондон; он приехал на выходные, и мы обнаружили, что у нас как раз хватит денег на его проезд, собравшись вместе в клуб. Билл решил, что он останется в Париж и продавал подписки вместе со мной, пока у нас не накопилось достаточно денег, чтобы вернуться в Англию. Теперь все будет по-другому, сказал он; чтобы разбогатеть, нам нужно было всего лишь немного поговорить о продажах.

В этом он проявил чрезмерный оптимизм. Мы разузнали адреса всех американцев на Елисейских полях, продали полдюжины экземпляров журнала и оформили одну или две подписки. Но Билл был заядлым курильщиком, а я поглощал огромное количество шоколада, так что деньги вскоре исчезли, включая долю Джорджа Плимптона в подписке. В тот же вечер мы встретились с Джорджем и объяснили ему , что были вынуждены “занять” деньги, и передали ему адреса новых подписчиков. Мы также встретились с редакторами небольшого английского журнала Merlin review и впервые встретились с Кристофером Логом ; мы решили добавить Merlin в нашу программу подписки и запаслись большой охапкой экземпляров журналов. Чтобы прокормить нас, пришлось конфисковать подписки на “Мерлен”, как и на “Пари Ревью “, но мы не умерли с голоду.

Мы жили в одной комнате на улице Байен, по очереди ложась спать на кровати. Билл работает по ночам; он часто печатает (на своем Время тотальности) до трех часов ночи, а потом разбуди меня и настаивай на прогулке по пустым бульварам. В долгих дискуссиях о наших характерах и методах, которые продолжались целыми днями, каждый из нас откровенно высказывал свое невысокое мнение о подходе другого. Я чувствовал, с инстинктивной обидой, что Билл относится ко мне покровительственно. Поскольку я много лет работал, полагая , что я единственный гениальный писатель, живущий в Европе, это поразило меня. Я был рад признать его единственным потенциально талантливым писателем.

оооо

ПАРИЖ, СТРАСБУРГ И ЛОНДОН

я когда-либо встречал великого писателя, но осознание того, что он смотрит на меня иначе, вызывало раздражение. Следовательно, я был настолько откровенен , насколько мог, в отношении недостатков его собственного творчества, отсутствия у него серьезной дисциплины и времени, которое он тратил на попытки влиять на людей напрямую - либо в разговоре, либо в журнале, - вместо того чтобы сосредоточиться на создании серьезных произведений. Он, в свою очередь, заявил , что я слишком субъективен и замкнут, и что это говорит о моем страхе перед тем, что общение с другими людьми разрушит мою уверенность в превосходстве. Мы спорили несколько дней и в конце концов пришли к какому-то соглашению, частично признав справедливость критики друг друга; мы также согласились с тем, что новый этап в современной литературе начался, когда мы решили создать альянс. Некоторое недопонимание турнирная таблица также была опубликована в эфире и прояснена (произошел непредвиденный случай (например, история с девушкой-коммунисткой из Лондона - она играет отдаленную роль в Ритуале, - которая скорее настроила нас друг против друга и оставила у нас обоих определенное недоверие к намерениям друг друга). Все это вселяло в нас оптимизм, и мы часто отмечали долгий день распродажи абонементов несколькими бутылками дешевого вина за счет компании. Парижское обозрение.

Тем не менее, все это никак не повлияло на успех субботы Критик. (Билл приехал в Париж в надежде, что французские принтеры будут дешевле английских.) Итак, после нескольких недель работы над нашими романами и проведения большого количества времени за выпивкой в кафе “Турнон” в компании “Мерлин”, мы решили, что британские принтеры будут дешевле английских. Пришлось снова обратиться в консульство для “репатриации”. Это было трудное решение; я приехала в Париж с твердым намерением жить там. Лог и остальные авторы “Мерлина” умудрялись зарабатывать на жизнь преподаванием английского языка, и они дали несколько полезных советов. (Когда Клод Гийом неожиданно появился на улице Однажды Билл провел следующую ночь, спя - или пытаясь заснуть - на полу у Лога и слушая полезные советы и отрывки из сонетов до рассвета; это, я думаю, ускорило его решение вернуться в Англию.)

Итак, в конце ноября, проведя в Париже всего два месяца, я вернулся. Лондон мне не нравился, и, в любом случае, у меня не было денег, чтобы снять комнату. Я провел несколько дней у

знакомого венгра Альфреда Рейнольдса, который недавно переехал в дом на Доллис-Хилл; Рейнольдс руководил чем-то вроде гуманистической политической организации.

группа, которую он назвал “Мост”, и раз в неделю проповедовал Евангелие абсолютной терпимости группе молодых людей. Я задержался там достаточно долго, чтобы посетить одно собрание, но решил, что подобная терпимость ничему меня не научит, и отправился в Лестер. Лейбористы Биржа направила меня в “Льюис”, большой магазин в центре города; им требовались временные продавцы на время рождественского ажиотажа, и Меня определили в отдел ковров.

Я приехал в Лестер, смутно надеясь, что судьба, возможно , изменит свое отношение ко мне. Мне казалось , что, сколько я себя помню, я всегда был неудовлетворенным скитальцем, как в прошлом, так и в будущем. занимаясь бесполезной работой или плывя по течению. Я чувствовал себя вечным неудачником. И все же это было не потому, что у меня был темперамент бродяги или богемы. Похоже, судьба не собиралась позволять мне расслабляться. Я неоднократно пытался добиться независимости. Последний раз это было осенью 1952 года, когда мы с Бетти пытались заняться производством ковриков и целыми днями бродили по крупным лондонским магазинам, пытаясь найти рынок сбыта для ковриков, которые Бетти могла бы ткать на ткацком станке. Казалось, мне суждено было продолжать работать на других людей и бросать всякую работу через две недели.

Однако работа в “Льюисе” не была неприятной. Менеджер полчаса расспрашивал меня в то утро, когда я подал заявление о приеме на работу. Он пришел к выводу, что я не “респектабельный”, но, тем не менее, отнесся ко мне с пониманием. Он даже пожаловался на отсутствие у меня костюма и разрешил мне временно начать работать в отделе ковров . Какое-то время мне это нравилось. Рождественская суета не давала нам покоя. Из громкоговорителя весь день звучали рождественские гимны, и мне нравились другие ребята из моего отдела. В свой первый день там я встретил мужчину своего возраста, который только что уволился из армии — он был

офицером в Танки - и мы немного выпили вместе. Его звали Холлидей по прозвищу Флэкс, и он также обладал темпераментом “Роллинг Стоун”. Он был умен, но не интеллектуалкой, и больше всего любил спорт и пиво. В основе наших симпатий лежали проблемы. Начать с,

Я думаю, он был дружелюбным человеком, которому не хватало общения в офицерской столовой, и который старался быть со мной любезным. Но он также обладал необычной физической волей к власти и проповедовал своего рода евангелие власти, которое меня заинтересовало. Он заметил, что некоторые офицеры, сыновья богатых или титулованных людей, казалось, отдавали

| приказы отдавались без усилий, и подчинялись в основном потому, что ожидали , что их выполнят. Один из таких офицеров как-то крикнул ему через дорогу::

‘Холлидей, принеси еще выпивки’, и он уже возвращался

* прошел через комнату с напитками, прежде чем до него дошло, что форма

что просьба была едва ли вежливой и что ему следовало бы обидеться.

Стремление Флакса к власти проявлялось и в других отношениях, особенно когда он был пьян. В первый же вечер я пошел с ним в

его квартира; он показал мне свой армейский револьвер. Затем он небрежно попросил меня поднять что-нибудь с краешка моего стула. Когда я наклонился, раздался взрыв, и дерево возле моего носа разлетелось в щепки. Я поднял этот предмет — кажется, трубку — и протянул ему как ни в чем не бывало. ‘Хм, у тебя крепкие нервы”, - прокомментировал он, вглядываясь попадая в дымящийся револьвер. Он с некоторым восхищением рассказывал о своих знакомых офицерах, которые играли в русскую рулетку или предлагали доказать, что они не пьяны, растопырив пальцы на столешнице и с невероятной скоростью вонзая между ними острый стилет. Он сказал мне, что один из них промахнулся, и прижал свою руку к столу; он сказал это с восхищением. Я рассказал ему об одной немецкой девушке, с которой

познакомился в Западном госпитале, - во время войны она была командиром взвода гитлерюгенда и обожала фюрера; она призналась, что после окончания войны жизнь показалась ей невыносимо пресной. Флакс, очевидно, глубоко сочувствовал ей, и у нас состоялся разговор о Гитлере, который закончился тем, что Флакс вручил мне экземпляр “Майн Кампф” с краткой надписью: “Холлидей Уилсону”. Он напомнил мне некоторых офицеров, описанных в русской художественной литературе девятнадцатого века, - пушкинского Германа, Толстого Дологова или Печорина Лермонтова.

Я познакомил его с другими друзьями из Лестера - Джеральдом (которого он сразу же возненавидел), Морисом Уиллоусом и недавним знакомым по имени Джон Граббе. Граббе был моего возраста, на вид ему было не меньше сорока, у него были небольшие усики и кроткий взгляд уэллсовского мистера Полли. Он любил музыку, особенно оперу, и у него было много грампластинок. Я быстро воспользовался его коллекцией и проводил с ним целые вечера послушать мейстерзингеров, или Богему, или старинные 78 -е Патти и Галли-Курчи.

В Лестере были и другие развлечения. Вскоре мне наскучил отдел ковров, и я решил организовать драматический кружок, чтобы попробовать

чтобы спродюсировать рождественский концерт. Идея спродюсировать my Metal Flower Blossom была отвергнута менеджером, когда он прочитал сценарий; но он согласился, что “Человек и супермен” - это безупречно, и Я решил выступить в первом акте и завершить концерт несколькими скетчами и любыми “поворотами”, которые я смог собрать из имеющихся в магазине талантов. Репетиции продолжались в столичном театре “Т”. танцевальный клуб на Грэнби-стрит. Я, конечно, играла Таннер, и , поскольку я видела Клементс в этой роли десятки раз,

я думаю, что моя игра, наконец, стала хорошей имитацией Клементс. Энн сыграла одна из стажерок-менеджеров по продажам, стройная девушка по имени Джой Стюарт; она была подругой Пэт, нынешней девушки Флэкса, так что я часто виделся с ней не только на репетициях; мы вчетвером много выпивали вместе. У нас были два отличных комика, которые в конце концов спасли шоу, и обычный съемочный состав, который мог прийти на репетицию, а мог и не прийти. После нескольких задержек шоу наконец состоялось в начале января, за несколько дней до того, как я ушел от Льюиса. Человек, игравший Октавиуса, выбыл в последний момент, и на его роль сразу же был приглашен лестерский поэт Барри Хипвелл, которому пришлось читать свои строки из сценария. Зрители были немного озадачены Шоу - особенно тем, что я играл эту роль, одетый в белый свитер с воротником-поло, - но воспряли духом, когда начались комиксы , и к концу вечера были почти в восторге

.

Теперь, когда я вернулся в Лестер, я снова увидел Бетти; она жила со своей матерью и еще не нашла работу. Я смог помочь ей, и какое-то время звучали предложения о том, чтобы нам снова жить вместе. Но старые проблемы остались нерешенными: где жить и как жить? У меня не было ни малейшего желания возвращаться к прежней рутине с ворчливыми хозяйками и скучной работой. Было достаточно плохо жить как бродяга, переезжая с работы на работу и из города в город, но, по крайней мере, я удовлетворял свою основную неудовлетворенность, двигаясь дальше.

Все это время я не переставал писать и изучать книги, которые, как мне казалось, могли стать основой моего задуманного романа. На Рождество 1953 года я купил себе семь столпов “Мудрость”, “Лестница совершенства” Хилтона и “Облако незнания”. Роман постепенно превращался в сложную систему перекрестных ссылок и аллюзий, в которой была предпринята попытка воплотить в жизнь мой замысел - объединить приемы “Улисса” и “Пустынной земли”, используя

ПАРИЖ, СТРАСБУРГ И ЛОНДОН

общий план “Книги мертвых”. Я постоянно переписывал его , но в нем по-прежнему царил беспорядок.

Это и множество других причин неудовлетворенности заставили меня принять решение уйти Лестер. Два месяца, которые я провел там, были неожиданно интересными - череда вечеринок и ночных дискуссий. Флакс уговорил меня подняться с ним на колокольню ближайшей церкви и совершить четырнадцатимильную пробежку до Грейт-Глена и обратно; мы с Морисом Уиллоусом решили устроить соревнование, чтобы выяснить, кто из нас первым найдет издателя. (В этом он преуспел; фирма в Лестере выпустила книгу его стихов под названием “Последние дни”) Джон Граббе написал вступление познакомил меня с операми, которые я никогда не слышал. Я играл в “Человеке и Superman и в какой-то степени компенсировал мою предыдущую неудачу с созданием Metal Flower Blossom. Я также часто видел Джой Стюарт. Она была выпускницей Тринити-колледжа, Дублин и намеревался отправиться в Канаду, чтобы пожениться следующей весной. Ее мягкий характер очаровал меня, и интерес усилился , когда я узнал, что она знала наизусть многих Йейтсов и читала “Улисса”. Большинство привлекательных девушек, которых я знал, были определенно нелитературны, а те, кто занимался литературой, были непривлекательны. Даже Бетти, которая была умна в практичном и приземленном смысле этого слова, никогда по-настоящему не разделяла моего интереса к литературе и идеям. Так Джой казалась слишком хорошей, чтобы быть правдой. Я попытался убедить ее передумать выходить замуж.

Я ушел от Льюиса в январе 1954 года и следующие две недели помогал ему с радостью обставляла квартиру, которую они с подругой сняли в Лен Холлидей. Затем я устроился на другую временную работу, на этот раз на обувную фабрику. Для этого нужно было целый день простоять у станка и начистить подошвы ботинок за двести фунтов в час. Платили там хорошо; я проработал несколько недель, а потом решил, что пора возвращаться в Лондон. Последний вечер я провел, выпивая с Морисом Уиллоус, и я неожиданно почувствовал удовлетворение от своего пребывания в Лестере.

Пожалуй, сейчас самое время рассказать еще кое-что о Морисе. В течение нескольких лет я периодически виделся с ним, пока несколько лет назад его жена не написала мне в письме, что он умер от передозировки снотворных таблеток. Я взял с книжной полки томик “Последних дней”, и некоторые из его стихотворений показались мне исключительно прекрасными.

В его внешности было что-то удивительно непривлекательное
ance. У него было худое, чахоточное лицо, хотя он был

m

104

105

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

он не был чахоточным и говорил с аденоидным йоркширским акцентом, - в целом он производил впечатление слабого человека, которое было обманчивым. (Когда Флэкс пошутил, что он боится высоты, он , как обезьяна, вскарабкался на церковную колокольню и стал опасно балансировать на вершине - ему помогали строительные леса, но ветер и дождь затрудняли это занятие.)

В нем была некоторая леность, которая приводила меня в бешенство; ему недоставало напора человека, стремящегося к успеху. Когда я впервые познакомился с ним - в 1949 году, - он показался мне типичным провинциальным писателем-любителем, единственным достоинством которого были аморфная культура, смутная неудовлетворенность и нерешительное желание стать поэтом. Мой собственный оптимистический идеализм, казалось, оказал на него некоторое влияние, и это, естественно, побудило меня более серьезно отнестись к его творчеству . Именно тогда я понял, что, несмотря на отсутствие дисциплины, он, несомненно, был поэтом. В ту зиму 1953 года мне показалось , что он вырос как писатель. Мы проводили целые ночи в разговорах. Однажды вечером мы вместе пошли купить еще одну бутылку вина - дешевого испанского бургундского, - и я сказал (возможно, с намерением польстить ему): “продаю ему секрет доверия”, как Билл Хопкинс называет это так): “Знаешь, Морис, ты, вероятно, станешь известным задолго до меня. У тебя гораздо более практичный подход к написанию текстов’. К моему удивлению, он серьезно ответил: “Наверное, ты прав…’

Некоторые из его “практических” приемов причиняли мне боль; он набрасывал второсортные пьесы на “популярные” темы (я вспоминаю одну о человеке , выигравшем футбольный кубок) и

отправлял их на Би-би-си или в разные театры; они всегда возвращались. Но в 1954 году моя вера в его способность добиться успеха казалась оправданной. В том году он написал эссе “Дурак в “Лире””, которое получило какую-то премию и в конечном итоге принесло ему стипендию в Кембридже. Тогда ему было под тридцать, но он провел свою взрослую жизнь на неподходящей работе - как и я - и считал, что университетская жизнь представляет собой полную свободу. После года учебы в колледже в Бирмингеме он поступил в Кембридж, но вскоре ему стало скучно, и он разочаровался. Я навестил его, когда писал “Ритуал в темноте”, в коттедже, принадлежащем Ангусу Уилсону; он развелся со своей женой Фредой и жил с девушкой, которая позже стала его второй женой. Он был угрюм и раздражителен по отношению к Кембриджу, который он называл “зверинцем подростков” и описывал как

невероятно поверхностный и нудный. В конце концов, он бросил университет, проучившись всего один год из трехгодичных курсов, и занялся разведением цыплят. Я снова увидел его после выхода “Аутсайдера” в пабе закончил, но к тому времени, похоже, ему надоело писать стихи. Однако я настоял на том, чтобы просмотреть стихотворения, написанные им за прошедший год, и предложил отправить два из них Стивену Спендеру для ознакомления. Мне показалось, что им не хватает прежнего мастерства, а некоторые из них были совершенно неуклюжими; поэтому после некоторого размышления прежде чем опубликовать их, я внес несколько словесных изменений. Я написала Стивену письмо, в котором просила, в случае отклонения, вернуть их мне, а не напрямую автору. Я рассудила, что, если они появятся в печати, Морис простит мои правки; если нет, ему незачем об этом знать. К сожалению, через несколько недель Морис написал в Encounter, спрашивая о них, и по какой-то ошибке они были отправлены непосредственно ему. Больше я о нем ничего не слышал. Два года спустя его жена написала мне, чтобы сообщить о его смерти. Психиатр прописал ему снотворное. - Было ли это намеренно или случайно “Я никогда не узнаю, - писала она, - но коронер вынес вердикт о несчастном случае’. Она также говорила о “чувстве неудачи , которое всегда преследовало его’. Она подтвердила мою уверенность в том, что эпизод со

стихами о встрече помешал ему связаться со мной. (В последнее время я понятия не имел о его адресе). Сейчас мне кажется , что я мог бы предотвратить его смерть, если бы поддерживал с ним связь и, возможно, приложил больше усилий, чтобы помочь ему найти издателя. Затем я думаю о тысячах миль пустоты, которая существует между всеми людьми, и задаюсь вопросом, могли ли все мои усилия в конечном итоге что-то изменить.

ЛОНДОН И АУТСАЙДЕР

7

ЛОНДОН И АУТСАЙДЕР

У. Б. ЙЕЙТС, который, как и я, был глубоко суеверен в вопросах судьбы, однажды написал о людях аскетического склада характера::

“Толпа преследует их до тех пор, пока У них есть страсть к бегству”.

Когда в начале 1954 года я вернулся в Лондон, мне показалось, что С шестнадцати лет я постоянно сталкивался с толпами людей, но пути к бегству все еще ускользали от меня. И в этот самый момент судьба применять всякого рода шпоры, чтобы заставить меня, чтобы посвятить все свое вни ния к проблеме побега.

Мои первые шесть месяцев в Лондоне было худшее, что я еще экс испытанное. Я нашел себе комнату в районе Арчуэй (N.19), в доме, которым управлял невероятно глупый шотландец. Я надеялся, что домовладелец (неженатый) будет предпочтительнее домовладелицы, но вскоре разочаровался. Я пошел на биржу труда в Северном Финчли, и был направлен на работу в прачечную. Это была тяжелая работа , включавшая загрузку

влажного белья в полдюжины сушилок для отжима и выгрузку его через пятнадцать минут. Я обрабатывала тонны мокрого белья в день. Джой регулярно писала мне и в конце концов согласилась приехать на работу в Лондон. Она была тихой, покладистой девушкой, которая, казалось, бродила по округе как во сне — или как в тумане, хотя и производила поверхностное впечатление деловитой женщины. Честно говоря, она была необычайно похожа на Бетти во многих отношениях - но, с другой стороны, какой-то остряк сказал, что мужчины, которые женятся дважды, обычно женятся на одной и той же девушке, так что это всего лишь означает, что она была в основном того же типа, что и Бетти. Возможно, у него было даже извращенное желание отговорить ее от замужества, просто чтобы повлиять на нее. (Я подозреваю, что большинство мужчин в возрасте двадцати одного года имеют в себе что-то от Адольфа Константа и что-то от Жюльена Сореля.) Однако, похоже, все приняло более серьезный оборот, когда ее родители узнали, что она больше не намерена

чтобы выйти замуж, и что она собирается приехать в Лондон. В семье были ссоры. Меня навестил ее возмущенный отец, который уехал еще более возмущенный, чем приехал, предсказав, что я “закончу жизнь в сточной канаве’. Однако в конце концов все уладилось.

Тем временем у меня возникли проблемы с арендодателем. Газовый камин, по-видимому, был заблокирован; он часто гас. Я разобрал его и попросил арендодателя отремонтировать его. Когда пришел рабочий, он сказал домовладельцу, что демонтированный газовый камин может быть опасен. Когда я вернулся с работы в тот вечер, домовладелец предупредил меня об этом. Я заметил, что осмотр неисправного газового камина вряд ли является преступлением, но у него был характер робкой старушки, и он отказался пересмотреть свое решение. Он спросил меня, когда я смогу уехать, и Я потребовал уведомления за две недели. Однако я был так возмущен, что Через два дня я нашел себе новую комнату в Северном Финчли. Я держал этот факт при себе, и в субботу, когда истек срок моей арендной платы, Я сказал своему домовладельцу, что намерен немедленно уехать. Теперь настала его очередь возмущаться. По его словам, он отклонил запрос о предоставлении комнаты только сегодня утром и велел мужчине прийти в следующую субботу; таким образом, он терял недельную арендную плату. Я сказал, что рад это слышать. Он пригрозил, что оставит мой багаж у себя, если я не внесу

арендную плату; поэтому я пошел в местный полицейский участок, объяснил ситуацию дежурному сержанту, и мне сказали, что домовладелец должен будет подать на меня в суд, если сочтет, что у него есть претензии. Я вернулась в свою комнату; домовладельца не было дома, поэтому я оставила ему письмо, сообщив свой новый адрес и сообщив, что буду ждать вестей от его адвоката. Я так и не получила от него вестей.

Я проработала в прачечной около месяца и поняла, что это утомительно Инг. Мои новые комнаты были превосходны; я занимал верхний этаж муниципального дома, почти без мебели, но за арендную плату в тридцать шиллингов в неделю. Я решила сменить работу, и не смотря на мою разрешение никогда больше не работать в офисе, я обратился в местный обмен на офисную работу, и был направлен на большой гараж рядом Центральная станция Финчли. Меня взяли на работу кладовщиком, и моя работа заключалась в том, чтобы следить за тысячами запасных частей и выдавать их ремонтникам в гараже. Поскольку я никогда не заглядывал под капот автомобиля, различные названия казались мне греческими; через две недели фирма уволила меня. Затем я нашел работу в винной компании “Виктория”. но это было еще скучнее. Шотландский клерк, с которым

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

ЛОНДОН И “ПОСТОРОННИЙ”*

Мой коллега был настроен странно воинственно; он, казалось, воспринимал как личное оскорбление то, что “богема” сидит рядом с ним (слово “битник” тогда еще не было изобретено), и спорил весь день. (В 1960 году я случайно встретил его в Стокгольме; его первыми словами , обращенными ко мне, были: “Знаешь, я гораздо больший гений, чем ты” - его задело описание меня каким-то шведским журналистом.) Через несколько недель винная компания Victoria Wine Company уволила и меня. Я не жалел об этом.

В любом случае, я начал чувствовать, что на меня давят разными способами. Я получил письмо, в котором говорилось, что Бетти предъявляет мне иск о взыскании алиментов. Мне показалось, что

это еще одна попытка привязать меня к респектабельной работе и превратить в “мужа и отца”. Однако она отказалась от этой идеи, когда я пообещал в будущем присылать ей деньги на карманные расходы. Были также небольшие проблемы с моим жильем. Пожилая дама , снимавшая дом, жила за счет государственной помощи; у нее была дочь лет тридцати пяти - крупная, похожая на сову девушка - и толстая внучка. Дочь вскоре сделала меня своим доверенным лицом, бывшим ссылаясь на то, что ее бросил муж и что она дополнила Национальная помощь в виде небольшой прогулки по улицам. Я ни в малейшей степени не возражал против прогулок по улицам, но мне показалось утомительным обнаруживать в своей спальне явные признаки того, что она использовалась для приема ее друзей мужского пола. У самой девушки, похоже, было странное предпочтение я люблю есть бутерброды с рыбным паштетом в постели, и мне часто приходилось перестилать постель, чтобы убрать засохшие крошки и осколки.

Затем я устроился на работу на фабрику пластмасс в Уэтстоуне, и в течение нескольких недель мне это нравилось. И вот однажды утром (в субботу, когда я работал сверхурочно) Я поссорился с бригадиром и ушел. В понедельник он предупредил меня об увольнении.

К тому времени наступил июнь, и я пребывал в состоянии постоянного раздражения. Ситуация обострилась в тот день, когда меня уволили с фабрики; моя домовладелица сказала мне, что не хочет, чтобы Джой навещала меня так часто, поскольку это может вызвать сплетни среди соседей. С тех пор, как я был на попечении полностью сохранив в тайне, чем занимается ее дочь в свободное от работы время (старушка, к счастью, была глуховата и почти слепа), я счел это совершенно нелепым, поэтому сразу же уведомил ее об этом.

Казалось, от меня требовалось смелое решение. За несколько месяцев я сменила четыре работы, и с трех из них меня уволили.;

Я дважды меняла жилье. Я ехала на работу на велосипеде, размышляя о

нет

проблема. Проблема, как мне казалось, заключалась в

современной цивилизации, которая не допускает свободного времени. Я хотел стать писателем, но роман, на который я потратил четыре года, казался таким же далеким от завершения, как и прежде. Я подумал о Джойсе, который долгие годы работал в банках и школах, пока писал “Портрет” и “Улисса”. У меня не было желания работать в банке. Если бы я был предоставлен самому себе, то, возможно , и смог бы зарабатывать на жизнь, продолжая писать, но у меня были жена и сын. Судя по таким книгам, как “Сиддарта” Гессе, на Востоке все было намного проще. Возможно, несколько столетий назад в Англии все было бы проще, когда монастыри предлагали убежище. Но в современном В Англии человек не может стать ни татхагатой, ни монахом. (По крайней мере, трудности казались непреодолимыми.) Я начал задумываться , нельзя ли купить палатку и поселиться где-нибудь в поле. Должны же быть какие-то места за пределами Барнета…

Чем больше я думал об этой идее, тем более реальной она казалась. Вероятно, я смог бы прожить на фунт в неделю. Меня уволили с работы за два дня до увольнения, и я мог сэкономить приличную сумму денег - по крайней мере, десять фунтов или около того.

Я немедленно приступил к осуществлению плана. Джонатан Абрахам подарил мне старый велосипед; он также посоветовал купить непромокаемый спальный мешок, который мог бы заменить обычный спальный мешок из капока. Я купил огромный рюкзак бывшего десантника и подстилку. Когда мой недельный отпуск по месту жительства истек, у меня оставалась еще неделя, чтобы поработать на фабрике пластмасс. Я оставил свои книги и другие вещи у Джой, у которой была комната неподалеку от Чок-Фарм, и стал спать на краю поля для гольфа в Уэтстоуне. После первой ночи я спал достаточно хорошо. Я попробовал переночевать на Хэмпстед-Хит, но оттуда было слишком далеко добираться на работу на велосипеде. Как с тех пор, как я закончил работу на фабрике пластмасс, Пустошь казалась мне лучшей идеей. Теперь я мог претворить в жизнь свой план проводить дни в читальном зале музея. Кроме того, Пустошь находилась совсем рядом с домом Джой. Я знал , что на Чок-Фарм есть кафе для водителей автобусов, где можно очень дешево купить хлеб и капучино; Каждое утро я ходил туда завтракать. Затем я ехал на велосипеде в музей и оставлял свой рюкзак в раздевалке. (Служащий, очевидно, счел это навязыванием и пригрозил пожаловаться музейным властям, но из этого ничего не вышло.) Я сразу же начал усердно работать

над переписыванием “Ритуала в темноте”.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

Этот новый распорядок был бесконечно предпочтительнее ежедневной работы в офисе или на фабрике, но он ни в коем случае не был идеальным. Я был морально истощен за последние два года; жизнь бродяги в Лондоне никак не способствовала ослаблению напряжения. Когда я сказал Биллу Хопкинсу, что сплю на Вересковой пустоши, а днем пишу в музее, он с энтузиазмом ответил: “Вот это идея, Кол, создать легенду об Уилсоне!’ Но нельзя жить одними легендами. По всем обычным меркам я стал бездельником и бродягой; В течение года я не работал на постоянной основе и жил на улице, чтобы не платить жене на содержание. И все же у меня все еще был полностью субъективный темперамент моего детства; я хотел, чтобы меня оставили наедине со стопкой книг в моей собственной комнате. Я терпеть не мог жить на открытом воздухе, никогда не мог спать глубоко и крепко , потому что какой-нибудь бродяга мог наткнуться на меня в темноте, или полиция приказала мне убираться из Лондона. (Один полицейский сказал мне, что в Англии незаконно спать без крыши над головой.) По утрам, просыпаясь, я обнаруживал, что солнце освещает влажную траву, небо ярко-голубое, а вересковая пустошь пуста; это должно было бы быть поэтично, но у меня не было сил на энтузиазм; я видел все это сквозь серый туман усталости.

В читальном зале я познакомился с Ангусом Уилсоном, который тогда был известен как автор двух томов рассказов и “Цикуты ” и “После”. Я прочитал “Цикуту”, и она мне очень не понравилась, но сам автор показался мне дружелюбным и приятным человеком. Его высокий, звучный голос был хорошо известен всем в читальном зале. Несмотря на то, что он был известным писателем и довольно высокопоставленным музейным чиновником, он, казалось, всегда был готов помочь читателям. Однажды я спросил его, не знает ли он, где находится эссе Элиота о Улисса удалось найти, и он вернулся через несколько часов с томом, потратив все утро на изучение каталога. отвечает за это. Мы разговорились, и я сказал ему, что пишу роман. Он сказал, что хотел бы посмотреть его, когда он будет закончен, и

что, если ему понравится, он покажет его своим издателям. Я отнесся к этому очень серьезно (хотя, поскольку я сам говорил то же самое многим молодым авторам, я теперь понимаю, что, возможно, это было не слишком серьезно). После этого я иногда виделся с ним, но мы никогда не общались. изменив больше нескольких слов.

Теперь Джой решила стать библиотекарем; ее первая работа была в

Стэнмор, поэтому она переехала жить туда. Ей выделили что-то вроде гранта, из которого я взял взаймы, когда у меня закончились деньги. Приближался август, и я хотел уехать из Лондона хотя бы на несколько недель. Это означало поиск другой работы. Мне сказали, что на молочных заводах есть много хорошо оплачиваемых временных рабочих мест; я навел справки, и меня направили на молокозавод на Грейт-Уэст-роуд, недалеко от Остерли -парка. Платили хорошо, но работа была монотонной и тяжелой. Работа заключалась в том, что я весь день поднимал ящики с молочными бутылками на движущуюся ленту со скоростью двадцать штук в минуту. День начинался в семь утра, и я мог, если бы захотел, работать до семи вечера. Я нашел поле всего в нескольких минутах ходьбы от фабрики и переночевал там. Рядом с полем, на Грейт—Уэст—роуд, находилось кафе для рабочих под названием “Лучше Оле”. (С тех пор его снесли, чтобы освободить место для гаража). Я проводил там большую часть своих вечеров, так как это было слишком далеко, чтобы ехать в город на несколько часов. Я вернул Джой деньги, которые занял (часть из которых была потрачена на экземпляр “Евангелия от Шри Рамакришны”), и вскоре накопил достаточно, чтобы провести двухнедельный отпуск в Озерном крае с моим братом Родни, которому тогда было двенадцать лет, а затем еще две недели в Корнуолле с Джой. Это был мой первый визит в Корнуолл; как ни странно, мы разбили лагерь в поле, расположенном менее чем в полумиле от дома, где я сейчас живу

(я узнал об этом только после того , как переехал сюда). Западная часть страны привела меня в восторг; мы привезли с собой Путешествовали с нами по норвежским дорогам и закоулкам в Девоне и Корнуолле, а также следовали норвежским маршрутом, читая друг другу вслух легенды о великанах и феях или истории об Испанской армаде. Поездка в Озерный край была менее запоминающейся, если не считать изнурительного путешествия по опыт восхождения на Хельвеллин однажды днем. На вершине бушевал шторм и стоял густой туман, и Родни все это показалось ужасным; мы спускались только после наступления темноты, а потом нам пришлось возвращаться в Боунесс под проливным дождем через перевал Киркстон, расстояние в десять миль или около того.

Вернувшись в Лондон, я устроился на работу в “Лайонс Корнер Хаус” в Ковентри—стрит - на этот раз в качестве кухонного грузчика. Это было довольно приятно; я был рад, что меня обеспечили едой, и начал прибавлять в весе. Я продолжал ночевать на Хэмпстед-Хит, всегда выбирая одно и то же место под деревом на склоне холма. Когда стало холоднее, я решил снова поискать комнату, хотя это было

“З

В.Т.А.Б.— Б

ПУТЕШЕСТВИЕ В НАЧАЛО

не холодная, что беспокоило меня, но дождь. Почему-то я выбрал Южном Лондоне, и нашла себе комнату в brockley, рядом Новые станции Креста. До сих пор моя квартирная хозяйка была лучшей; у нее была большая семья, и у нее были дела поважнее, чем пилить своих жильцов.

Ближе к Рождеству я купил за £200 подержанную пишущую машинку у друга Билла Хопкинса и начал печатать первую часть “Ритуала”. Хотя эта версия имела очень мало общего с той, что была опубликована в конце концов, ее первая часть заканчивалась, как и в опубликованной версии, видением Сормом Остина Нанна в роли Нижинского. Я закончил эту работу как раз перед Рождеством и провел Рождество в своей комнате , перерабатывая ее. Мне сказали, что Ангус Уилсон намеревался покинуть Музей и посвящает все свое время писательству, и я

хотел показать ему это до того, как он уедет.

Я уволилась из “Лайонс” перед Рождеством; теперь я подала заявление на местную биржу труда, и меня направили в другую прачечную. Эта работа была еще тяжелее, чем в моей предыдущей прачечной в Финчли. Мы работали посменно, начиная с семи утра. Моя работа заключалась в том, чтобы загружать ржавые жестяные ванны, полные мокрой одежды, на движущуюся ленту. Вскоре мои руки покрылись порезами от ванн. Пошел сильный снег, и было трудно добираться на работу на велосипеде. Поскольку, когда я выехал, было темно , я не мог разглядеть, где можно пройти по снегу, а где он превратился в сугробы; проще было идти пешком, толкая велосипед. Прачечная находилась в Дептфорде, недалеко от доков. Это была, наверное , самая неприятная работа в моей жизни и самая тяжелая, однако все шло к лучшему. Однажды стирка стала для меня непосильной задачей. У меня украли дневник за последние два года, когда я работал. Это вызвало у меня такое отвращение, что Я тут же подал заявление об увольнении и отправился искать другую работу. Один мой друг сказал мне, что в городе открывается новая кофейня. Хеймаркет, и что им понадобится персонал. Я подала заявление, и мне дали работу мойщицы посуды в подвале.

После стирки я почувствовала облегчение во всех отношениях. Сюр округлости были чистыми и приятными на вид. Еда была превосходной. Персонал состоял в основном из молодых безработных актрис или студенток RADA. Мне все там нравились, и работа казалась легкой. Мытье посуды осуществлялось в стиральной машине.

Примерно в то время, когда я начала работать в кофейне, я планировала “Аутсайдер”. Стюарт Холройд, с которым я познакомился на ‘Бридже’

на этих встречах он решил написать книгу о поэзии и религии. В то время он находился под сильным моим влиянием, и книга , естественно, отражала многие из моих идей. Как только я увидел ее первую главу, я понял, что это не так. В конце концов, я решил,

что пришло время мне написать свою собственную критическую книгу. Это, конечно, было у меня в голове много лет; я писал об этом “Посторонние’ в моем дневнике с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать. Возможно, я нашел это слово у Шоу (в предисловии к книге “Незрелость”), но я не уверен. Через полчаса я набросал план в своем дневнике; книга должна была называться “Аутсайдер в литературе” и представлять собой исследование различных типов аутсайдеров, начиная от “слабых” Аутсайдеры (“Гэтсби”, “Обломов”, “Гамлет” Фицджеральда) для философов-аутсайдеров - Гурджиева, Ницше, Кьеркегора и др. Его целью было просто продемонстрировать, что человек, который начинает чувствовать себя ” не в своей тарелке” в современном обществе, может в конце концов стать мистиком или святым.

Как только у меня появилась идея, я написал ее очень быстро. Я поехал на велосипеде в британскую Однажды утром я отправился в музей - мне не нужно было быть на работе до 17:30 вечера. - и мысленно спланировал первую главу. Я вспомнил книгу Барбюса, упомянутую в предисловии к изданию журнала Everyman. Сцена, в которой мужчина смотрит сквозь дыру в стене на людей, которые входят и выходят из соседней комнаты. В музее я нашел книгу “L’Enfer”, прочитал ее утром, а затем начал свою собственную книгу, просто переписав ключевое предложение на лист бумаги: “В воздухе, на крыше трамвая, сидит девушка…” Затем я написал отчет о книге Барбюса и сразу же перешел к написанию о “Разум Уэллса на пределе своих возможностей”. Через несколько дней я закончил первую главу и отнес ее своему другу-писателю Хью Шонфилду (у которого Стюарт Холройд тогда работал секретарем), чтобы тот прочитал ее ему. Он сказал, что ему это понравилось, но что книге нужно начало и что связь Барбюса, Уэллса и Сартра должна быть более очевидной. В те выходные, когда я с радостью добирался автостопом до Стратфорда-на-Эйвоне , я придумал начало книги и “связующие звенья” для первой главы. Т.Э. Хьюм намеревался написать книгу, чтобы доказать, что гуманизм поверхностен и что любая глубокая мысль неизбежно ведет к религиозное отношение, то есть признание ‘величия и ничтожества человека” и потребности в Боге. (Многие из тех, о ком я писал, - Сартр, например, - признали бы необходимость этого, но отрицали, что это что-то доказывает.) Хьюм был убит до того, как успел написать свою книгу; поэтому я бы

напишу это за него. Книга, как я тогда планировал, должна была начинаться и заканчиваться Хьюмом. (Позже, по предложению издателя, я убрал вступительную главу).

Оглядываясь назад, я могу сказать, что у меня есть одно серьезное замечание к “Постороннему”: он слишком романтичен. Его настроение неприятия мира, отвращения к цивилизации слишком абсолютное. Теперь мне кажется, что различие, которое я тогда проводил между религией и гуманизмом, было ложным. Я знал, что я сим сочувствовал Элиоту и соглашался с ним в том, что “цивилизация не может выжить без религии’. Я знал, что у меня не хватит терпения терпеть анемичный гуманизм Кэтлин Нотт, воспитанной в университете. Одежда императора. Правда в том, что основная позиция книги - гуманистическая. В течение многих лет мое отношение к религии было разделено. Я был полностью согласен с “динамичной” религией святых (если использовать терминологию Бергсона), но не испытывал симпатии к “статичной” религии, которая из нее развивается.

Темперой но я не был приспособлен для того, чтобы быть членом какой-либо группы или конгрегации. Меня раздражал пессимизм “религиозных интеллектуалов” - Элиота, Грина, Марселя, Бернаноса, Кьеркегора, Симоны Вейль. В равной степени меня раздражали поверхностность и интеллектуальная лень, которые я обнаружил у Рассела и Айера. Я не колебался, выбирая между ними. Моя ошибка заключалась в том, что я предположил, что выбор был необходим, поскольку у меня было так же мало - или так же много - общего с Кьеркегором, как и с Расселом. Мне следовало задать себе вопрос: что было бы проще: углублять философию до тех пор, пока она не включит в себя понимание религии, или каким-то образом “очеловечить” религию? Как бы то ни было, я отверг тупиковый пессимизм Кьеркегора в отношении философии и придерживался своего шавианского эволюционизма, не понимая, что это делает меня гуманистом. Жаль , что я использую слово “гуманизм” в “Аутсайдере”; мне

следовало бы рискнуть и изобрести такое слово, как “расселлизм”.

Каждый день я писала в музее, по вечерам ходила в кофейню , а ранним утром возвращалась на велосипеде домой в Нью-Кросс . Впервые за многие годы я была счастлива, и у меня больше не было ощущения, что меня загнали в угол.

Позже в том же году я решил переехать в дом за Грейз-Инн-роуд, где снимал комнату в ирландской семье. Однако я совершил ошибку, взяв с собой бродягу из Сохо

однажды ночью я разрешила ему спать у меня на полу, а на следующий день моя квартирная хозяйка предупредила меня об этом. Управляющая на работе - восхитительная Персонаж раблезианского романа по имени Габби - сокращенное от Габриэле - рассказал мне о комнате в подвале недалеко от Бейкер-стрит, где на хозяйку можно было положиться, она не доставляла неудобств. Арендная плата была выше , чем я мог себе позволить, но я согласился. Это было в целом более злонамеренно это было удобно как для музея, так и для работы, и Джой могла легко добраться до него из Стэнмора. Домовладелица, подруга Габби, казалось, не возражала против того, кого я приводил домой, при условии, что они не шумели. У меня вошло в привычку собирать друзей после полуночи и беседовать до четырех утра.

Я случайно нашел издателя “Аутсайдера”. Я купил оставшийся экземпляр “Антологии мистицизма” Виктора Голланца, Год благодати. В нем было много такого, что мне не нравилось; его концепция религии казалась мне неряшливой и гуманистической, в которой слишком много внимания уделялось “любви к ближнему” и слишком мало - индивидуальной потребности бороться за духовную дисциплину. Однажды в воскресенье мы с Джой сильно поссорились в Кентерберийском соборе, потому что я разглагольствовал о гуманизме Голланца, и она сочла, что мой язык неподходящий для собора.

Однако мне пришло в голову, что издатель, который сам составил антологию мистицизма, вполне мог заинтересоваться

“Посторонним ” (или “Болевым порогом”, как его тогда называли). Однажды я напечатал введение и несколько страниц из середины и отправил их ему вместе с письмом, содержащим краткое содержание книги. Он ответил в течение двух дней, сказав, что ему было бы интересно ознакомиться с книгой , когда она будет готова. Воодушевленный, я начал печатать на машинке, вместо того чтобы сначала писать от руки.

К тому времени я нашел себе дневную работу, которая требовала очень небольшого объема работы. Морис Уиллоус, который тогда жил в Лондоне, работал телефонистом в строительной фирме; ему приходилось по нескольку часов в день сидеть в офисе и отвечать на телефонные звонки; платили хорошо, а другой работы, кроме как сидеть там, не было. Когда он уехал учиться в Кембридж, то предложил мне эту работу. Мне нужны были деньги, поэтому я перенес свою пишущую машинку в офис и начал печатать на машинке “Болевой порог”. Но хотя менеджер фирмы мне нравился , бригадир был неприятным и мелочным человеком. Я взял в офис газовую плиту, чтобы заваривать себе чай в течение дня.

НЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

ЛОНДОН И ‘ПОСТОРОННИЙ’

Он возразил против этого и выключил газ в сети. Я нашла выключатель и снова включила его. Он спрятал чайник; я принесла свой собственный. Однажды наша вражда переросла в жестокую ссору; он сказал мне, что я уволен. Я мог бы ответить, что предпочел бы подождать и поговорить с менеджером, но предпочел встать и уйти.

К счастью, к тому времени я успел напечатать все части книги , которые до этого писал от руки. В тот день, когда я поссорился с бригадиром, я узнал из Лестера, что моя мать серьезно заболела. Наш семейный врач, некомпетентный человек, убивший моих дедушку и бабушку, диагностировал заболевание аппендикса как расстройство желудка; аппендикс разорвался, и моя мать была

срочно доставлена в больницу с перитонитом. Я отнес свою незаконченную рукопись к Голланцу; молодой человек, растягивая слова, сказал мне , что мистер Голланц никогда не просматривает незаконченные рукописи, но я уговорил машинистку позволить мне оставить рукопись с письмом. Затем я помчался в Лестер, чтобы повидаться с матерью. Она казалась очень слабой, и у нее начались осложнения. Казалось , я потеряю ее как раз в тот момент, когда собирался доказать ей, что я не любовник о. Я пробыл в Лестере несколько дней, а затем вернулся в Лондон. Первая операция оказалась неудачной, вторая и третья тоже. Ситуация начала казаться безнадежной. Я совсем потерял интерес к своей книге и перестал писать. Даже восторженное письмо от Ангуса Уилсона о первой части моего романа не смогло меня подбодрить. Однако однажды утром пришло письмо от Голланца. Ему понравилась книга, он хотел ее опубликовать и убеждал меня продолжать и закончить ее. Я отправила домой телеграмму: “Книга принята”, и вернулась к работе с еще большим усердием. После нескольких месяцев, проведенных в больнице, моей матери, казалось, не стало ни лучше, ни хуже, и казалось, что она, возможно, поправится, если будет продолжать сопротивляться достаточно долго.

Наступил август. Мы с Джой снова отправились в Корнуолл, на этот раз на велосипедах. Меня переполнял оптимизм, и, казалось , для этого были все основания. Я сказал Ангусу Уилсону, что Голланц заинтересовался книгой “Посторонний”, и он предложил мне показать ее его собственному издателю, Фреду Варбургу из “Искателя и Варбурга”. “Нет ничего плохого в том, чтобы получить два предложения’. Варбург, казалось, не проявил особого энтузиазма, когда я взял рукопись, но двадцать четыре часа спустя он позвонил мне в большом волнении и сказал, что книга, по его мнению, превосходна и он немедленно выплатит мне аванс за нее, а также подпишет контракт

для моего романа. Я сомневался, так как издательство “Голланц” предложило опубликовать его, но решил не принимать поспешного решения. Итак, во время нашего отпуска в Корнуолле я почувствовал, что наконец-то получил некоторое признание и начал свою карьеру писателя. За два года до этого я решил, что нет смысла беспокоиться о публикации и признании. Если широкая публика не в состоянии прочитать вашу работу, то лучше всего было бы не обращать на нее внимания и продолжать работу. Я даже записал в своем дневнике, что готов ждать

признания до пятидесяти лет; я пообещал себе, что к тому времени у меня будет полный шкаф книг, готовых к публикации. Теперь, казалось, в подобном стоицизме не было необходимости, и я уже рвался с поводка, планируя, что работы будут написаны сразу после “Аутсайдера” и “Ритуала”.

Я закончил “Аутсайдера по литературе” и показал его Голланцу, который, казалось, остался доволен. (Втайне я боялся, что вторая половина может разочаровать его.) Затем я показал ее Варбургу, который повторил свое предложение, но хотел, чтобы в книгу были внесены некоторые изменения. Ему понравилась глава о Лоуренсе, Ван Гоге и Нижинском, и он подумал, что она должна быть в два раза длиннее. Мне не понравилась идея переписывать, тем более что я был доволен книгой. Поэтому я спросил Голланцу за его взгляды; он сказал, что был бы рад напечатать книгу в ее нынешнем виде, и я подписал контракт.

В кофейне меня оторвали от мытья посуды и перевели наверх подавать кофе. В целом, это мне понравилось меньше . Мне нравилось возиться с стиральной машиной; я могла часами мечтать об издании своей книги. Но, по крайней мере, скучать не приходилось, особенно по субботам. Когда начинался ажиотаж, на обслуживание выстраивалась очередь из сотни или около того человек; четырех кофейниц было недостаточно; все зависело от доли секунды и хладнокровного планирования, чтобы приготовить еще кофе, как только кофейницы опустеют. Когда в одиннадцать часов мы, наконец, закрыли двери, то почувствовали себя обороняющейся армией, которая только что отразила массированную атаку. Когда мы снимали белые халаты, казалось, что мы все вместе . Затем я возвращался на велосипеде по пустым улицам и возвращался домой в половине первого ночи.

И все же, несмотря на то, что я предпочитал эту работу любой другой, на которой мне доводилось работать, я в принципе не любил ничего, кроме писательства. Поэтому , когда Голланц предложил выдать мне аванс в размере 25 фунтов стерлингов, я немедленно-

ЛОНДОН И “ПОСТОРОННИЙ”*

в конце концов (до публикации оставалось еще 50 фунтов) я согласился и убедил администраторшу разрешить мне работать только три дня в неделю. Теперь я приступил к завершению Ритуала. Наступило Рождество, которое я провел в Лестере. Моя мать теперь была дома, выглядела на десять лет старше, но медленно выздоравливала после пяти операций. Теперь я мог ходить с отцом в клуб рабочих на Коулман-роуд и представляться как “писатель”; мое положение больше не было двусмысленным.

После Рождества я решил, что пришло время снова сменить жилье . На этот раз мне не пришлось жаловаться на свою квартирную хозяйку, которая очень хорошо обращалась со мной и принимала моих друзей в любое время дня и ночи. Но пятьдесят шиллингов в неделю - это было больше, чем я мог себе позволить, когда у меня оставалось всего несколько фунтов, чтобы продержаться до дня публикации в мае следующего года. Я увидел объявление на доске объявлений в Ноттинг-Хилл и набрал нужный номер. Девушка с приятным голосом пригласила меня навестить ее. Дом находился в Чепстоу-Виллас, Западная часть Северной Каролины, на углу, и был совершенно ветхим. Много лет дом пустовал, но теперь его владелица передала его своей дочери Энн Николс - моей потенциальной хозяйке. Она думала зарабатывать на жизнь, сдавая комнаты, но, поскольку дом находился в ужасном состоянии, она решила, что это не так. в ужасном состоянии, с облупившимися обоями и разбитыми окнами, ей нужен был кто-то, кто помог бы ей привести дом в порядок. Я объяснил , что мне нужно - очень дешевая комната, - и она сделала мне предложение. Я мог бы занять ванную на втором этаже за фунт в неделю (там не было ванны, только заброшенный унитаз), если бы помог ей привести в порядок остальную часть дома. Я согласился и немедленно переехал. Билл Хопкинс тоже заинтересовался; в то время он работал ночным редактором в “Нью-Йорк таймс” и хотел быть поближе к своему офису.

Стоял морозный январь, и у меня не было мебели. Я спала в

своем спальном мешке на голых досках пола в ванной и готовила еду на маленькой электрической конфорке. Украшать дом было не по моей части, но я усердно занималась этим. Энн была художницей и занималась всякими странностями. Персонажи Сохо то появлялись, то исчезали.

В феврале Ангус Уилсон предложил мне свой коттедж неподалеку Похороните Сент-Эдмундса, чтобы я мог спокойно завершить ритуал. Я с благодарностью принял предложение и в ветреный день отправился туда на велосипеде с портативной пишущей машинкой, позаимствованной у Лауры Дель-Риво, и обычной библиотекой в рюкзаке. Коттедж стоял посреди

дом стоял посреди поля, и в нем не было электричества; газовые баллончики работали на сжиженном газе. На следующий день после моего приезда пошел снег, и вскоре стало трудно въезжать в это место и выезжать из него. Я упорно трудился, и мне удалось закончить “Ритуал” за две недели, но я был недоволен этим. Это был не тот роман, над которым я работал столько лет. Следует признать, что работа над “Чужаком” заставила меня почувствовать, что мне не нужно втискивать все свои идеи в роман, поэтому я отказался от улиссовской системы перекрестных ссылок и аллюзий и попытался написать более прямолинейное повествование. Это было чрезвычайно трудно по причине, которая будет мне понятна. опосредованно очевидный для любого романиста. Я все это написал и переписал ; некоторые страницы перепечатывались по дюжине раз. Заключительный ману объем текста едва достигал семидесяти тысяч слов, и все же за пять лет я написал, наверное, полмиллиона слов. Все это означало , что я не мог подойти к задаче со свежим взглядом; я полностью утратил критическое отношение к некоторым старым отрывкам. Это было похоже на попытку перестроить дом, который вы сносили двадцать раз, используя смесь старого и нового кирпича. (На самом деле, когда два года спустя я приехал в Гамбург, чтобы приступить к изданию этой версии, я счел необходимым забыть все предыдущие версии и написать совершенно новую книгу.)

Однако в конце концов она была закончена и передана Голланцу,

который заявил, что не может ее напечатать. Тема - садистский секс-убийца - сам по себе был ужасен, но бесконечная мерзость сцен оказывала на него глубоко угнетающее воздействие. Он сказал мне, что, по его мнению, я не романист, и посоветовал мне взяться за другую философскую книгу. Ангус Уилсон оценил книгу более одобрительно. По его словам, в ней было много недостатков, но он, безусловно, рекомендовал бы ее к прочтению. уговорите Варбурга опубликовать ее, если я попытаюсь исправить ее структурные недостатки. Варбург согласился на это и выдал мне крайне необходимые пятьдесят фунтов.

Когда я вернулась в “Чепстоу Виллас”, то, к своему отвращению, обнаружила, что в моем номере установлен унитаз в полном рабочем состоянии. Мои книги и другие вещи были разбросаны по всему полу. Энн объяснила, что санитарный инспектор пригрозил выбросить все один из них, если только в нем не будет уборной. Я перевез все свои вещи в комнату на первом этаже и согласился платить за это дополнительно десять фунтов стерлингов в неделю. В целом, я сомневаюсь, что оно того стоило - не больше, чем ванная стоила фунт стерлингов

- но полная свобода от обычного вмешательства домовладелицы была важна, и мне было бы жаль покидать дом. Комната на первом этаже была немного больше ванной, так что Билл тоже смог переехать. Ему хорошо платил Нью-Йоркский Раз, и я брал у него взаймы, пока ждал аванса.

Это был приятный период. Я повидал очень много людей, целыми ночами не спал, разговаривая с Биллом, и даже побывал на нескольких вечеринках. Я перебивался случайными заработками, когда нехватка наличности становилась слишком серьезной: несколько недель работал в кофейне на Нортумберленд-авеню, несколько недель в студенческой ассоциации, шил флаги для празднования дня флага.

Наконец, подошел день публикации. Голланц сказал мне, что журналист из “Ивнинг Ньюс” хочет взять у меня интервью, и я поехал на велосипеде повидаться с Дэвидом Уэйнрайтом,

которому Джон Коннелл рассказал о моей книге. Дэвид, тихий, довольно застенчивый молодой человек - совсем не такой, как я ожидал от журналиста, - пришел в восторг, когда я рассказал ему о Хэмпстед-Хит, и сказал, что это “естественно” для статьи.

Наступила суббота; в одной из вечерних газет я увидел объявление, в котором говорилось, что я могу рассчитывать на рецензию в “Обсервер”. Я купил “Ивнинг Ньюс”, но не увидел никакой рецензии. Я повел Джой в кино. Когда мы вернулись, я обнаружил, что мой велосипед украли снаружи дома. Это показалось мне зловещим. В ту ночь я проснулся и снова испытал чувство “безграничности” - полной абсурдности жизни, возможности того, что вся жизнь - это всего лишь бегство от ужаса смерти, что человеческие отношения - это временный обман , который заставляет нас забыть этот ужас. Казалось, что каждый человек одинок; наше человеческое общество защищает нас не больше, чем общество овец от мясника.

На следующее утро я поспешил на угол и купил “Обсервер” и “Санди Таймс”, затем поспешил вернуться домой, не открывая поглощая их. Я дал Джой “Санди таймс”, а сам прочитал “Обсервер”. Филип Тойнби написал великолепную рецензию, в которой сравнил меня с Сартром и сказал, что в целом ему нравятся мой стиль и метод. Джой прочитала вслух отрывки из рецензии Коннолли в “Таймс”, она была не хуже , чем у Тойнби. В этот момент кто-то снизу подошел поздравить меня с рецензией в “Ивнинг Ньюс”. Не веря своим глазам, мы снова просмотрели новости и теперь нашли абзац

ЛОНДОН И ‘АУТСАЙДЕР’

Джона Коннелла с заголовком: “Крупный писатель, а ему всего двадцать четыре”.

Мужчина из подвала крикнул, что меня просят к телефону. Это был друг, он звонил, чтобы поздравить меня. Не успел я договорить, как Я поднялся наверх, и тут зазвонил снова; это был другой друг.

Телефон звонил непрерывно в течение недели. На следующий день - в понедельник - мне пришла огромная пачка писем; казалось, все друзья, которые у меня когда-либо были, решили написать и поздравить меня. Позвонили из “Санди Таймс” и

спросили, не хочу ли я регулярно делать для них обзоры по цене 4 фунта за рецензию. Я ахнул от такой суммы. Позвонили с Би-би-си и телевидения и спросили, когда я смогу сделать записи. В понедельник вечером появилась статья Дэвида Уэйнрайта - на целую страницу, с фотографией. Репортеры приходили по четверо в день. Я уже второй раз обедал в дорогом ресторане с Годфри Смитом из “Санди Таймс” - первый был с Виктор Издательства Gollancz.

По совпадению, Джон Осборн играть Оглянись во гневе появился при царском дворе театра, на той же неделе, что Чужак был опубликован. “Санди Таймс” написала о нас двоих в “Аттикусе”, а Джей Би Пристли написал о нас статью в ” Новый государственный деятель. “Таймс” использовала о нас выражение “рассерженные молодые люди” , и внезапно возник новый культ. Кингсли Эмис и Джон Уэйн были добавлены в список “злых”; еще одна молодая пьеса райт, Майкл Хастингс (которому было всего восемнадцать) поставил свою первую пьесу в Новом театре Линдси в Ноттинг-Хилл-Гейт, и пресса тоже включила его в “разгневанных молодых людей”. The Daily “Экспресс” обратился к Гастингсу, Осборну и мне с просьбой внести свой вклад в серию под названием “Рассерженные молодые люди” и объяснить, почему мы были рассержены. Я ни в малейшей степени не был рассержен - разве что из-за многолетней борьбы; но теперь, когда меня узнали, даже это вряд ли имело значение. Но в “Экспресс” хорошо платили, и я согласился писать для них.

Одно меня озадачивало и беспокоило — что, несмотря на все похвалы, Казалось, я вызывал яростную враждебность, совершенно несоразмерную с моими идеями. Однажды вечером я присоединился к группе новых знакомых за ужином в ресторане; мы все были на вечеринке, которую устраивала Марго Уомсли из “Встречи”. Напротив меня сидел писатель Константин Фитцгиббон. Марго спросила меня, что я думаю о Дилане Томас, и я ответил, что мне очень не нравится большая часть его работ -

что все это было пустым звуком и не имело смысла. К моему изумлению, Фитцгиббон побагровел лицом, начал кричать на меня и звать на улицу подраться. ‘Вы, чертовы молодые выскочки, которые думают, что вам принадлежит весь мир, потому что у вас много известности…” - наконец успокоила его Марго, но он угрюмо смотрел на меня весь остаток вечера. Я понял, что он был знаком с Томасом, но это вряд ли имело отношение к моей критике поэзии Томаса. Двумя вечерами позже он вылил пинту пива на моего друга, который защищал меня в пабе в Сохо. Этот друг, Дэн Фарсон, написал обо мне статью для Daily Mail, а позже начал свою карьеру на телевидении , взяв у меня интервью.

Я привык к абсурдному искажению моих идей и к тому, что восхищенные журналисты относились ко мне как к электронному мозгу. Я ненавидел это, потому что это было все равно, что видеть свое лицо в кривом зеркале. После многих лет размышлений о себе как о наследнике Элиота и Джойса - оба они принадлежали к “эзотерической” традиции и тихо работали в изоляции - я обнаружил, что ко мне относятся как к кинозвезде, интеллектуальному вундеркинду, чудо-мальчику. Это было невероятно. несомненно, это было приятнее, чем быть неизвестным, но это также отнимало у меня много сил. Кроме того, я был польщен всеми поступавшими предложениями прочитать лекции и принимал их, путешествуя я быстро побывал в Оксфорде, Кембридже, Итоне, Нортгемптоне, Лестер и даже Глазго.

Во всем этом Билл Хопкинс сыграл в некотором роде роль Макиавелли. Как и я, он всегда восхищался энергичными писателями старшего поколения, от Виктора Гюго до Уэллса и Шоу. Он , как и они, верил, что писатель должен быть готов к тому, чтобы оказывать влияние на всю страну. Он еще более презрительно, чем Мильтон, относился к “монастырской добродетели”; его идеалом был своего рода писатель-политик, которого Шоу затмил в “Андершафте”. Однажды в присутствии Билла ко мне пришла женщина-журналист; он с энтузиазмом присоединился к спорам и высказал резко антифеминистскую точку зрения. Ее статья, когда она появилась, была язвительной, но в ней приводились все мнения Билла, как если бы они были моими, и не упоминался сам Билл.

Мой успех придал Биллу решимости вступить в борьбу. Он начал работать над своим романом “Божественное и Decay, которая была немедленно принята издателем. Стюарт

124

ЛОНДОН И “АУТСАЙДЕР”*

К тому времени Холройд завершил свое восхождение из хаоса, которое было одобрено Голланцем.

Мой собственный финансовый успех был значительным. Голланц напечатал первое издание тиражом в пять тысяч экземпляров, но оно было распродано в течение нескольких дней после публикации. После этого тираж быстро распространялся один за другим. В Гвинее книга разошлась тиражом в сорок тысяч экземпляров. Американское издательство-Хоутон Миффлин - принял его и опубликовал в сентябре. Незадолго до публикации журнал Time опубликовал интервью со мной на целую страницу , и книга быстро стала бестселлером в Сша. И Америка тоже.

125

ПРОБЛЕМА УСПЕХА

8

ПРОБЛЕМА УСПЕХА

быть захваченным “успехом у публики” - это головокружительный опыт, которого никому не пожелаешь дважды. Конечно, каждый

писатель мечтает об успехе. Но то, о чем он мечтает, сильно отличается от реальности. Раньше я читал биографии всех писателей, которые попадались мне в руки в местной библиотеке, и всегда пролистывал первые страницы, чтобы добраться до момента прорыва; чем подробнее чем больше я читаю и перечитываю “Копи царя Соломона”, тем больше ощущаю их вкус., Но мой успех не был похож ни на что, что я мог себе представить. Диккенс и Пиквик, Хаггард - на “Копи царя Соломона”. Я полагаю, это было неизбежно, потому что, если бы такая книга, как “Посторонний”, стала известна широкой публике, это произошло бы по неправильным причинам. Вот почему успех был таким неприятным опытом. Я всегда был одержим проблемой смысла человеческого существования. Когда я внезапно отчетливо осознал эту проблему - примерно в тринадцать лет, - мне показалось , что ни один другой человек никогда не осознавал ее. Затем я обнаружил понимание этого у Шоу, Уэллса и Элиота, пришел в восторг и захотел окунуться в дискуссию, и мне показалось невыносимым, что на то, чтобы это попало в печать, могут уйти годы. Когда Я читал Одена, Спендера и Макнайса, я был в ярости, потому что мне казалось, что они предали литературу глупостям политики. Прежде чем опубликовать “Постороннего”, я перечитал рукопись, пока не выучил ее наизусть, и подумал: “Это должно оживить обстановку”.

И вдруг я оказался в телевизионной студии под дуговыми лампами, где меня подбивали поссориться с Вольфом Манковицем; или на открытом я посещал художественную выставку в Сохо, пил шампанское с лордом , которого мне рекомендовали называть по имени; или на вечеринке в Патни, когда на меня указывали гостям как на своего рода естественное любопытство; или подвергался нападкам со стороны телевизионного обозревателя “Дейли” Зеркало. Какое отношение все это имеет к “Постороннему”? Книга была о видении Ницше на холме под названием Лойч и о ‘просторах-опыт Уильяма Джеймса, и “Бог - это огонь в голове” Нижинского, и “Страданию никогда не будет конца” Ван Гога, и Иван Карама зов сказал: “Я не отвергаю Бога, я просто хочу вернуть Ему входной билет”.

Это было невероятно; это было глупее и безумнее всего, что я мог себе представить; это не имело никакого отношения ни к чему, что меня интересовало. Это была гротескная пародия на успех. Сначала я думал , что из этого можно что-то извлечь. Меня часто просили читать лекции: иногда перед взрослой аудиторией, иногда в школах. По крайней мере, должна быть возможность

найти небольшую группу друзей, чьи интересы совпадали бы с моими собственными. Я с ностальгией вспомнил рассказ Бердяева о том, как группа друзей в Санкт-Петербурге проговорили всю ночь, а потом, когда было предложено разойтись по домам, кто-то сказал: “Нет, мы пока не можем идти домой; мы еще не решили , существует ли Бог”. Наверняка, есть еще несколько человек, разделяющих мой образ мыслей, которые считают, что Блейк в корне прав , а логический позитивизм в корне ошибочен?

Похоже, это не так. Лекция была достаточно интересной. Университетские аудитории были отзывчивы, а группа в Итоне полночи поддерживала меня разговорами. Но когда все закончилось, все закончилось. Продолжения не последовало. И около восьмидесяти процентов писем, которые я получил о Аутсайдеры были от чудаков, или от людей, которые советовали мне верить в Иисуса, или от людей, которые считали, что общество прогнило , потому что не считало их очень важными. Я действительно начал испытывать отвращение к темам “Аутсайдера”, и мне хотелось застонать , когда я слышал упоминания Ницше или Достоевского.

Я думаю, никто никогда не считал успех настолько неуместным. Я чувствовал , что это было довольно несправедливо. Я никогда не был склонен к жалости к себе - мне мешает моя обычная жизнерадостность, но это была чертовски долгая борьба - от текстильного склада в Лестере до публичного дома. отношение Постороннего. Меня всегда беспокоило подозрение , что борьба может закончиться поражением, потому что шансы слишком велики. Шоу был прав, когда в “Возвращении к Мафусаилу” определил основной недуг “короткоживущих” как уныние. Восемь лет - не такой уж большой срок, но, оглядываясь назад, сейчас кажется , что они длились полжизни - гораздо дольше, чем десять лет, которые прошли с тех пор. В то воскресное утро, когда появились первые отзывы,

Я думал, что победил; я высказал свою точку зрения. Затем, по прошествии нескольких недель публичности, я понял, что, что бы я ни делал, я так и не высказал свою точку зрения. Битва просто переместилась на новый фронт. Я начал осознавать истинность утверждения Сартра: Ад - это другие люди.

Все это, без сомнения, создает ложное представление о том, что произошло на самом деле произошло во второй половине 1956 года. Я не хмурился и не бормотал себе под нос “Идиоты”. Я ходил на вечеринки, приглашал друзей на ужин и начал заниматься религией и бунтарством. Я столкнулся с определенной враждебностью и изрядным количеством людей, которых считал идиотами; но, полагаю, мне нравилось гораздо больше людей, чем я не любил.

Все, что я пытаюсь донести, это то, что это не имело никакого отношения к Постороннему. Это была пустая трата времени. Это было бы пустой тратой времени даже без предварительного анализа, общего решения о том, что “Аутсайдер” - это книга молодого человека , обладающего даром цитирования, рейтинг которой был сильно завышен.

Ибо именно это, по сути, и произошло. Через две недели после выхода книги в свет The Sunday Times опубликовала заметку в колонке светских сплетен о том, что Голланц продвигал книгу к славе, преувеличивая количество проданных экземпляров. В нем говорилось, что “Впечатление Голланца” было чем-то вроде шутки в книжной торговле. Писатель добавил, что у него нет сомнений в том, что большая часть продаж книги пришлась на “распродажу мебели” - то есть ее купили люди , которые хотели расставить ее по своим гостиным, чтобы показать, что они в курсе интеллектуальной моды.

Что меня удивило, так это то, что The Sunday Times наняла меня в качестве рецензента на следующий день после выхода “Аутсайдера”. Первоначально мы договорились, что я сделаю шесть рецензий, но после второй от этой идеи отказались. Эта вторая рецензия содержала нападки на логический позитивизм и на Айера в частности. Это была агрессивная рецензия, которая

закончилась намеренным неправильным переводом Витгенштейн: “Когда вам нечего сказать, вам лучше держать рот на замке”. Айер тут же парировал язвительным отзывом о Аутсайдер в фильме “Встреча”, в котором меня сравнили с танцующей собакой. Летели выстрелы, и - что было неизбежно - мне доставалось больше всего.

Что еще больше приводило в замешательство, так это неспровоцированные нападения. Один

вечером в Royal Court Theatre я принял участие в дискуссии о современном театре; Кеннет Тайнан был председателем, а среди других участников дискуссии были Артур Миллер, Джон Уайтинг и Вольф Манковиц. Через несколько минут после начала обсуждения Манковиц неожиданно назвал “Аутсайдера” сборником цитат, что вызвало смех. Воодушевленный, Манковиц продолжал эту линию атаки в течение всего вечера. На следующий день в одном из Лондонская вечерняя газета написала: “Манковиц играл с Уилсоном , как добродушный лев с мышью”. На следующий день меня попросили выступить по телевидению, чтобы обсудить этот вопрос с Манковицем. Я так и сделал, и дискуссия была жаркой, но не слишком грубой. Позже я спросил Манковица, кто написал статью в лондонскую вечернюю газету; он покраснел, затем вызывающе нахмурился и отрезал: “Я написал”.

Меня попросили выступить перед каким-то спиритуалистическим обществом в Отель “Найтсбридж”; когда я приехала, то обнаружила, что это в основном добродушные пожилые дамы. Репортер из “Дейли Экспресс” подошел ко мне, подмигнул и пригласил зайти и спокойно выпить. Он намекнул, что мы с ним сообщники среди множества старых полосатых кошек, и попросил меня “разобраться со старыми сучками”. Я сказал, что не могу этого сделать - они были моими хозяйками, - но мы продолжали пить в дружеских отношениях. В своей речи после ужина я сказал, что устал от того, что меня называют представителем молодого поколения; я не представлял никого, кроме самого себя. Аутсайдер - это мое личное состояние и я почувствовал мошенничество, когда это было воспринято как выражение новой

позиции, направленной против истеблишмента.

На следующий день “Дейли Экспресс” вышла с заголовком : “Колин Уилсон признает, что он мошенник”. Цитировали мои слова: “The “Посторонний” был написан с совершенно ложными намерениями… Два дня спустя адвокатам Голланца удалось убедить их опубликовать извинения, но у меня возникло ощущение, что очень многие люди были бы только рады отвергнуть книгу как подделку. На самом деле, когда в “Обозреватель” опубликовал в своем рождественском номере статью известных писателей о том, что они считают самыми интересными книгами года, “Аутсайдер” удостоился только одного упоминания, написанного Артуром Кестлер. Надпись гласила: “Пузырь года: Аутсайдер. В которой молодой человек обнаруживает, что гениальные люди склонны к мировосприятию”.

Через шесть месяцев после публикации это стало общим мнением среди

ПРОБЛЕМА УСПЕХА

Английские интеллектуалы считают, что “Аутсайдер” был увлечением, которое умерло естественной смертью, и что теперь меня следует вернуть в безвестность, из которой я случайно вышел. Я подписался на рассылку газетных вырезок, но почти все они были удручающими У меня возникло ощущение, что каждый журналист в Англии хотел бросить свой камень в могилу, которая покрывала мою погибшую репутацию. То Американцы тоже присоединились к веселью. Ни в одной стране так не любят знаменитостей, и никто так не радуется их падению. На вечеринке в Лондоне я познакомился с толстым американцем с приятным голосом по имени Дуайт Макдональд, у которого были привлекательная жена и хорошенькая дочь. Мы прекрасно ладили. Однажды утром мои газетные вырезки принесли мне

копию рецензии из “Нью-Йоркера”, которая представляла собой длинную и энергичную атаку на “Аутсайдера”, подписанную Дуайтом Макдональдом. Я сохранил дружеские отношения с Макдональдом, но мне не понравилось , что его отзыв был воспринят его соотечественниками как общий сигнал к радикальной переоценке Аутсайдера. Казалось , это указывало на то, что даже высоколобые втайне жаждут удовольствий толпы линчевателей. Вскоре после выхода книги американский импресарио Сол Хьюрок написал мне письмо с просьбой совершить лекционное турне по Штатам; я отказался; с меня было достаточно лекторства. Но нападки на The Outsider заставили меня задуматься о том, что, возможно, было бы неплохо заработать денег, пока это возможно; я написал Хуроку с просьбой организовать для меня тур. Через несколько недель он ответил, что сейчас не может вызвать достаточного интереса ко мне, чтобы оправдать поездку. Пирамида из камней, казалось, с каждым днем становилась все больше.

Возникает интересный вопрос: почему против меня были предприняты такие ответные действия? “Посторонний” - не мошенничество, но и не супер-фикция. В нем затрагивается реальная проблема, которая отравляла европейскую культуру на протяжении почти двух столетий, и он подходит к ее решению ближе, чем любая другая подобная книга (например, “Романтическая агония Марио” Праз). Причина, я думаю, не имеет ничего общего с книгой и очень мало связана со мной. Это просто связано с тем, что ” механизм успеха” сделал со мной. В основе всех людей лежит ненависть к успеху. У интеллектуалов оно в два раза сильнее, чем у других людей. Мы испытываем иррациональное наслаждение, видя, как успешных людей низвергают с пьедесталов. Если бы существовало какое-то волшебное средство обрушить беду на успешных людей, большинство людей ухватились бы за него

глядя на это с восторгом и бормоча заклинания против “Битлз”, Питер Селларс, Бриджит Бардо, Джон Осборн, Дж. Д. Сэлинджер, Теннесси Уильямс, Трумэн Капоте… К счастью, большинство успехов строится на надежном фундаменте. Вы мало что можете сделать против “Битлз “, пока фанаты продолжают покупать их пластинки. Но мой собственный успех почти не имел оснований. На свете так же мало людей, способных по -настоящему понять “Аутсайдера”, как и квантовую теорию. Поэтому , когда несколько “интеллектуальных” рецензентов - Коннолли, Тойнби и так далее

- решил отказаться, потому что книга не подлежала обжалованию в суде. Это было все равно что объявить римский праздник с христианами и львами; за исключением того, что я не христианин, а критики - не львы.

Я заметил одну любопытную особенность, присущую большинству успешных писателей Я встречал таких людей: чем успешнее они добивались успеха, тем больше, казалось , страдали от мании преследования. Теперь я начал понимать почему. Среди интеллектуалов существует распространенное мнение, что любой успех достигается путем обмана или компромисса. Человек может быть очень комичным например, в Англии с умеренной репутацией и умеренным большая публика. Поэты заслуживают уважения - при условии, что они не такие, как Джон Бетджеман, тоже модный. Романиста, который к тому же является профессором или постоянным рецензентом, все любят, потому что ясно, что он не может жить одним писательством. Но “успешные” никогда не бывают вполне респектабельными. Даже репутация Т. С. Элиота пошла на спад, когда он стал коммерчески успешным драматургом Старшего государственного деятеля.

Результатом повсеместных нападок неизбежно становится то, что любой писатель чувствует себя ‘неуверенно’. Иначе и быть не может, если только ему не исполнится восемьдесят лет и он не сможет смотреть на мир со стороны, как взрослый в детской.

Думаю, в прежние годы я немного натренировался в беспристрастности Я написал “Постороннего”, но этого было недостаточно, чтобы я остался равнодушен к общему мнению обо мне как о своего рода литературном мошеннике. Мое негодование отразилось на первых страницах “Религии и бунтаря”: “Посторонний… живет в мире обезьян, которых он ненавидит. Ему говорят, что религия заключается в том, чтобы любить ближнего, как самого себя, и проявлять такие добродетели, как терпение и милосердие. Самое большее, что может сказать посторонний, - это то, что он не любит своего соседа чуть больше, чем самого себя. Большинство людей кажутся ему настолько глупыми, что с таким же успехом могли бы быть мертвы…

Реакция на нападки также отражена в материалах

“Религия и бунтарь”, которая идет еще дальше, чем “Аутсайдер “, делая акцент на мистицизме и неприятии мира. Без сомнения , именно по этой причине некоторые католические журналы предсказывали, что в конечном итоге я окажусь в церкви.

И все же, хотя моя позиция писателя с подмоченной репутацией казалась мне абсурдной - в смысле Камю, - теперь я вижу, что в ней есть смысл. “Посторонний” был нападением на определенные ценности , которых обычно придерживаются в нашем обществе; я думал, что эта книга поставит меня в положение, в котором оказался Ницше после публикации “Рождения трагедии”, то есть всеобщего неприятия. Так, по сути, и произошло - но окольным путем. А что, по сути, могло бы быть более уместным? Эпиграфом к “Постороннему” послужила цитата из “Другого острова” Джона Булля, в которой происходит следующий обмен репликами :

киган: Значит, вы чувствуете себя в этом мире как дома?

брод бент: Конечно. Не так ли?

киган (из самых глубин своей натуры): Нет.

Это было бы еще большим абсурдом, если бы восприятие “Посторонний” помог мне почувствовать себя как дома в мире, на который нападает эта книга. В таком случае “Религия и бунтарь” была бы безнадежно неискренней книгой. Как это был, свое ощущение мира-неприятие сильнее, чем из Сидер. И я намеренно начал книгу с анализа карьеры Скотта Фицджеральда, чтобы подчеркнуть, что в современном мире успех может оттолкнуть человека так же сильно, как и пренебрежение, и , возможно, разрушить его более эффективно.

Я решил, что выход - уехать из Лондона. Корреспондент человек по имени Хью Хекстолл Смит предложил мне воспользоваться двумя комнатами в его доме недалеко от Тотнеса, графство Девон, и это показалось мне разумным решением. Я никогда не встречался с Хекстоллом Смитом и ничего о нем не знал, кроме того, что он был директором школы и писал учебники по физике для школ. Билл Хопкинс решил, что поедет со мной на несколько недель, и мы отправились в путь в ноябре. Но хотя Хью Хекстолл Смит оказался воплощением дружелюбия и одним из самых интересных и оригинальных людей, с которыми я сталкивался, идея не сработала. Возможно, из-за холода

и ноябрьская сырость; возможно, это из-за того, что мы жили вдали от радости, не говоря уже о книгах и музыке. Но примерно через неделю мы с Биллом вернулись в Лондон. За две недели мне удалось углубиться в религию и “Бунтаря”, а Билл написал главу из “Истории любви”. Божественное и упадок.

Я только что упомянул музыку, а теперь должен добавить, что единственным приятным последствием “успеха” стала возможность позволить себе купить граммофон и долгоиграющие пластинки. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы решиться на покупку граммофона; я сомневался, смогу ли я себе это позволить. Хотя “Посторонний” разошелся тиражом около сорока тысяч экземпляров как в Англии, так и в Америке, что составляет около 4000 фунтов гонорара - я, казалось, никогда не получал никаких денег единовременно; примерно каждую неделю мне приходилось писать Голланцу, чтобы попросить еще один взнос 50 фунтов гонорара. Хороший граммофон обошелся бы примерно в эту сумму, поэтому я отложил его покупку. Однажды Дэн Фарсон предложил мне свою собственную модель размером с пикник за 10 фунтов стерлингов; я мог себе это позволить. Затем я нашел книжный магазин в Ноттинг-Хилл-Гейт, где продавались подержанные пластинки. Примерно по 27/6 за штуку, что показалось мне разумной ценой. Я начал с покупки музыки, которую уже знал и которая мне нравилась: девятой симфонии Малера “фальшь”, третья опера Брамса, четвертая опера Брукнера, “Пастораль” Бетховена, Симфония Франка, “Жар-птица” Стравинского, “Богема” Пуччини. Я также купил музыку, которую не знал, но всегда хотел узнать, - “Свекла” поздние квартеты Ховена и сонатный опус в сонате Франка, Фортепианный квинтет Шостаковича. Естественно, я начал покупать просто ради удовольствия открытия. (На момент

написания этой статьи моя коллекция пластинок насчитывала около 5000 пластинок, включая около 300 законченные оперы.)

Я упоминаю обо всем этом потому, что атмосфера враждебности по отношению ко мне сделала музыку важным предохранительным клапаном. Поэзия, которую я нахожу только более умеренной очень приятно, потому что я слишком хорошо знаю личность поэта и, в большинстве случаев, его слабости. Одно из наказаний за знание единственное, чего хочется, - это определенного недостатка терпения по отношению к поэтам, которые жалуются, что мир слишком сильно к ним относится. Они заявляют , что жизнь в основе своей трагична, хотя на самом деле предпочитают жалость к себе и легкую меланхолию стойкости и борьбе. Поэт должен быть чем-то вроде ученого; если он видит мир как проблему, он должен понимать, что это не так. поэт, он должен признать, что особое достоинство человеческого разума - в его способности решать проблемы. К сожалению, большинство поэтов

я обнаружил, что поэтическое описание поражения лучше, чем анализ. По этой причине я никогда не мог разделить восхищение Элиота Бодлер и Малларме, и мне трудно сохранять терпение с ними. Шекспир. Музыка, с другой стороны, менее ярко раскрывает личность своего создателя. Слушая музыку Бартока, никто бы не догадался , что он был невротиком, предающим самого себя, или, слушая великие симфонии Брукнера, что он был разочарованным маленьким человечком, который строил овечьи глазки служанкам.

Итак, мир музыки значительно изменился по сравнению с миром воскресных рецензентов, и я покупал пластинки через день, пока Голланц не объяснил мне, что мне скоро придется устроиться на работу, если я буду продолжать тратить деньги такими темпами. И снова я задумался о переезде в эту страну - я подумал, что Внешние Гебриды были бы хорошей идеей. (С тех пор я их видел и рад, что до этого так и не дошло).

Этот переезд был вызван внезапным всплеском популярности. Джой теперь переехала в мою квартиру в Ноттинг-Хилле, хотя у нее оставалась небольшая комната где-то в районе, куда ее семья могла отправлять письма. В начале 1957 года она поехала домой в Бедфорд, чтобы удалить миндалины. Я зашел навестить ее, и, пока я был в больнице , ее сестра взяла дневник, который я оставил на столике в прихожей, и небрежно открыла его. Несколько нетерпеливых замечаний о своих родителях пробудили в ней интерес, и она продолжила чтение. Там была запись о моем друге-гомосексуалисте, который рассказал мне о своих проблемах, и много говорилось о сексуальных проблемах, которые являются главной темой моей книги. Ритуал в темноте. В целом, я думаю, она провела интересные полчаса. Когда я вернулся, мне показалось, что она странно посмотрела на меня, но я не обратил внимания. Буря разразилась примерно неделю спустя, когда мы с Джой были в квартире в Ноттинг-Хилле и угощали ужином Джеральда Хэмилтона (оригинального персонажа ишервудского “Мистера Норриса”). Дверь распахнулась, и в комнату вошли мать и отец Джой, брат и сестра. Они объявили, что узнали, что Джой живет со мной, а затем сказали ей, что я гомосексуалист и у меня было несколько неправильных отношений. локоны. (Я не уверен, как они согласовали эти два утверждения.) Когда я обнаружил, что источником неприятностей был мой дневник, Я нашел это и попросил их прочитать. Но их было не успокоить, и отец Джой достал хлыст. На самом деле им не воспользовались, так как к этому времени несколько других жильцов, привлеченных

услышав шум, я вбежал внутрь. Джой протащили до половины лестницы - они решили силой отвести ее домой, - и я повис на другой ее руке, пытаясь оттащить ее назад. Это перетягивание каната прекратилось, когда другие жильцы встали на мою сторону, но шумиха продолжалась. В конце концов, я позвонил в полицию, которая прибыла быстро, и объяснил родителям Джой, что, поскольку ей уже больше 21 года, они ничего не смогут с

этим поделать, даже если я окажусь потенциальным Джеком-Потрошителем. Наконец все ушли, кроме нас двоих, но даже тишина казалась зловещей. Пять минут спустя первые репортеры появились у входной двери - я полагаю, их появление было как-то связано с в связи с исчезновением Джеральда Гамильтона в середине сцены. Я встретил их у входной двери и вкратце рассказал им историю. Через десять минут прибыли еще репортеры и несколько операторов. Мы позвонили Тому Машлеру, который жил неподалеку, и выскользнули через заднюю дверь. Он приютил нас на ночь и дал нам возможность спокойно обсудить проблему. Больше всего нас беспокоило то, что ее родители могут предпринять еще одну попытку утащить ее, возможно, встретиться я разговаривал с ней по дороге с работы. Она все время повторяла: “Они такие невинные.’ Мы решили, что нам лучше уехать из Лондона на несколько дней. На следующее утро мы сели на поезд до Девона и отправились погостить к Негли Фарсону, отцу Дэна.

Без сомнения, это было ошибкой; в противном случае история умерла бы естественной смертью через день или около того. Лишь в нескольких газетах появились небольшие заметки о попытке избиения кнутом. Но наше исчезновение привлекло внимание заголовков о ‘сбежавших любовниках’. Отец Джой передал мой дневник в ежедневную газету, которая напечатала краткие выдержки без моего разрешения. Я решил позволить другой газете напечатать длинные выдержки, чтобы исправить впечатление, произведенное предыдущими цитатами. (Позже я использовал эту ситуацию в романе “Человек без Тень) Пресса узнала о нашем местонахождении и стала собираться толпами. Мы отправились в Ирландию, но к этому времени несколько репортеров уже догнали нас и прилипли, как моллюски.

П.Т. Барнум однажды сказал, что плохих пабов не бывает беззаконие. Без сомнения, это справедливо, если вы руководите цирком или шоу уродов, но это, конечно, не относится к писателям. Неделя шумной рекламы уничтожила все остатки моей репутации, которые у меня еще оставались. Когда Когда я вернулся в Лондон, стало очевидно, что было бы глупо откладывать поиски дома в сельской местности. Поэт Луи Адеан жил в

в комнату под нами и сказал, что у него есть коттедж в Корнуолле. Он надеялся вернуться туда, когда заработает достаточно денег в Лондон, но до этого было еще далеко, так что пока мы могли арендовать его у него за тридцать шиллингов в неделю. Однажды на выходных мы поехали посмотреть на него. Меня не совсем радовала такая перспектива, потому что там не было электричества. Но, увидев это место , мы передумали. Оно находилось примерно в двух милях от Мевагисси, рыбацкой деревушки на южном побережье, и к нему нужно было добираться по длинной и ухабистой фермерской дороге. Коттедж стоял на дне долины, в конце которой виднелось море. Рядом с входной дверью протекал шумный ручей . Дверь коттеджа была окружена решеткой , увитой шиповником. На полмили вокруг не было ни одного другого дома. Я поймал себя на том, что удивляюсь, почему мне потребовалось так много времени, чтобы понять это. Лондон был невыносим. Мы оставили друга-электрика устанавливать подержанный генератор (о чем потом пришлось пожалеть) и поспешили обратно в Лондон, чтобы собрать наши вещи.

всего за год до этого я бы так представлял себе идиллическую жизнь. Коттедж в пяти минутах ходьбы от частного пляжа, деревянная хижина для работы с ручьем под окном, небольшой доход - достаточный для такой жизни - и сотни книг и пластинок. Солнечными утрами, когда я работал в хижине с распахнутыми настежь окнами, ощущая запах древесины, нагретой и слегка смолистой на солнце, и ручей, шумящий, как проливной дождь, -

так что мы никогда не могли сказать , когда шел дождь, - это казалось идеальным.

Но у этого была и другая сторона. Теперь мои газетные вырезки были настроены враждебно. Когда я писал “Постороннего”, я с удовлетворением перечитывал каждую страницу, чувствуя, что это нечто такое, что может изменить облик современной литературы - или, по крайней мере, разрядить общую атмосферу безмозглости. Когда я писал “Религию и бунтаря”, у меня больше не было причин для оптимизма. Я был уверен, что это будет неправильно понято и подвергнется нападкам. В течение многих лет мной двигали обычные амбиции, стремление к успеху и признанию, желание почувствовать себя живым деятелем литературы. Теперь успех пришел и ушел, и я чувствовал себя как человек, который опоздал на поезд и которому предстоит провести ночь в зале ожидания. Таким образом, ощущение, что у меня есть собственный дом, компенсировалось более глубокой неуверенностью. Я всегда верил, что если бы я мог высказать все , что во мне есть, признание пришло бы автоматически. Теперь, когда я сказал это, я, казалось, был дальше, чем когда-либо, от цели. Очевидно, требовалась новая тактика. Чтобы продемонстрировать, что я не был пустяком, мне пришлось создать огромную структуру серьезной работы. Мне ни на секунду не приходило в голову усомниться в том, что я мог бы создать более масштабный и цельный труд, чем любой другой писатель после Шоу; казалось очевидным, что соперничества не существует. Джойс, Вулф, Хеминг Уэй, Манн, Элиот, Грин - все они, по сути, второстепенные фигуры, раздавленные масштабом проблемы: как стать великим писателем в “век тревог” и неврозов. Из современных деятелей только Сартр

*37

меня это очень заинтересовало, но его пессимизм доказывал, что, несмотря на весь его интеллект, он был еще одной жертвой “эпохи поражений”.

Проблема заключалась во времени. Сколько лет это займет - десять, двадцать, тридцать? Это вызвало у Вулфа чувство, которое он испытывал раньше, - потребность работать как одержимый, день и ночь; затем я вспомнил, что случилось с Вулфом, и попытался обуздать свое нетерпение.

Эпизод с театром “Ройял Корт” усилил это чувство пессимизма. В 1956 году Джордж Дивайн, его режиссер, пригласил меня на обед и спросил, не хотел бы я написать пьесу. Он объяснил , что Королевский двор был идеальной возможностью для такого писателя, как я, потому что там были готовы “нянчиться” со своими драматургами; если пьеса была плохой, он нанимал нескольких актеров, чтобы они показали мне, почему она плохая, и как ее можно исправить… Это был период раннего успеха, последовавший за “Аутсайдером”. При последующих посещениях Суда я почувствовал “атмосферу”, и моя подруга Сэнди Уилсон подтвердила, что было общее мнение о том, что Суд не должен становиться выставочной площадкой для мошенника Уилсона. Однажды мне пришла в голову хорошая идея для пьесы - она показалась мне сделанной на заказ, настоящим подарком, - поэтому я пригласил Дивайна на ланч и изложил ее ему. Он сказал мне продолжать и написать ее. В конце концов я взялся за написание “Смерти бога” в нашем коттедже “Олд Уоллс”. Затем я отправил ее в суд. Прошел месяц, и пьесу вернули с распечатанным уведомлением об отказе - даже без письма. Я написал Девайну обиженное письмо и прочитал его вслух Биллу Хопкинсу, который жил у нас. Брат Билла, Тед , в то время работал в ныне несуществующей “Ньюс кроникл”, и Билл спросил меня , разрешу ли я “Кроникл” напечатать мое письмо как “открытое письмо Джорджу Дивайну”, поскольку большая часть его касалась политики “Ньюс Кроникл”. Суд, который, как мне казалось, был узко левым и агрессивно настроенным против интеллектуальный. (Кеннет Тайнан высказал ту же точку зрения в обзоре Вескер плей, когда он сказал, что не может быть никаких сомнений в том, что У “Нового левого крыла” было свое сердце в нужном месте; что его беспокоило , так это его крошечная головка размером с булавочную головку.) Мы продиктовали письмо Теду по телефону, а Билл разослал его по телефонам в другие газеты, аргументируя это тем, что настаивая на том, что это должно быть сделано как можно более публично. Что мы оба должны были понимать, так это то, что основной рекламный эффект от этой истории будет заключаться в том, что моя первая пьеса была отвергнута. Вот что произошло. Одна газета процитировала Рональда Дункана, который был

на совете директоров, который отклонил пьесу, заявив, что она читается как детский телесериал, и что мне следовало бы сниматься в рекламе мыла. человек. (Когда несколько месяцев спустя я познакомился с Рональдом Дунканом, мы сразу же подружились, и впоследствии он потерял постоянную работу рецензента, отказавшись по указанию редактора “захлопнуть” мою вторую книгу.)

Казалось, что я не смогу добиться хорошей рекламы. Примерно в это же время лорд Бивербрук выпустил журнал под названием “Книги и искусство”. Во время пребывания у Негли Фарсона Я записал интервью с Дэном, в основном в качестве теста достаю новый магнитофон. Несколько сотен слов из этого интервью были опубликованы в первом номере журнала “Книги и искусство” под заголовком “Колин Уилсон рассказывает о МОЕМ ГЕНИИ”. (Дэн позже утверждал, что он не отвечал ни за заголовок, ни за подбор материала.) Разговор, который оправдал название, был примерно таким

:

Дэн: Вы верите в то, что вы гений? я: Я думаю, что каждый писатель должен исходить из этого предположения. Оно может оказаться неверным, но без него никто не сможет создать серьезную работу.

дэн (вежливо игнорируя мою оговорку): Есть ли в Англии на данный момент еще какие-нибудь гении?

я сам (называя особое отвращение Дэна): Билл Хопкинс.

Воскресная газета опубликовала заметку, озаглавленную “Английский гений”. Другой гений’, в котором говорилось: “Что мистер Хопкинс опубликовал на данный момент? Абсолютно ничего”.

Итак, первый год в “Олд Уоллс” был не совсем счастливым. Солнечными утрами я обычно отправлялся на ферму забрать почту и с интересом наблюдал, что очарование сельской местности совершенно не действует на меня. Несмотря на все удовольствие, которое я испытывал, с таким же успехом я мог бы прогуливаться по Манчестеру дождливым утром. По большей

части, я думаю, это было своего рода эмоциональное истощение, подобное тому , которое я испытывал, просыпаясь на Хэмпстед-Хит. Кроме того, у меня был сильный признак недуга, с которым я редко сталкивался в те ранние дни: отравление людей.

Осенью 1957 года наконец-то появился “Религия и бунтарь”. Воскресным утром накануне дня публикации — и всего около 18

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

ПОСЛЕ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

прошло несколько месяцев с тех пор, как я в последний раз выходил из дома, чтобы купить газеты. В Билеты на “Обсервер” были распроданы, так что я проехал десять миль до Сент-Остелл. Я ожидал худшего, так что все оказалось не так плохо, как могло бы быть. В “Санди Таймс” Рэймонд Мортимер мягко заметил, что моя первая книга пришлась ему не по вкусу и что поэтому он вряд ли имеет право судить о моей второй; сказав это, он принялся проклинать ее. Филипу Тойнби, очевидно , не терпелось искупить оплошность, которую он допустил, приветствуя Аутсайдер, а религию и бунтаря назвал мусорным ведром. (Другой критик, который помогал выпускать “Аутсайдера”, уже объяснил своим знакомым, что на самом деле он его не читал , но считает, что он заслуживает хорошего отзыва из-за рекламного объявления; знакомые позаботились о том, чтобы передать это мне.)

Во всем этом было что-то вроде утешения. Моя репутация совершенно очевидно достигла дна. Она не могла опуститься ниже. Это не обязательно означало, что теперь она должна была подняться, но, по крайней мере, она не могла упасть. Поэтому, когда в тот день позвонил газетный репортер и спросил меня, каково это - быть отвергнутым критиками, которые когда-то хвалили меня, я честно ответил, что в моем возрасте лестно быть объектом такого пристального внимания и что для меня было некоторым облегчением спуститься с пьедестала.

Очень быстро стало ясно, что перемена взглядов Тойнби была воспринята популярной прессой как окончательное

доказательство того, что “феномену Уилсона ” определенно пришел конец. Американцы последовали за журнал Time, в котором я был назван ” яйцеголовым”, процитировал заявление Нэнси Спейн: “Нас тошнит от этого Мальчика Колина”. Примерно через неделю после публикации “Религии и Ребел Голланц попросил меня приехать к нему в Лондон. Он посоветовал мне просто перестать писать на год или два и найти работу. Были ли нападки на меня обоснованными или нет, было очевидно, что они будут продолжаться еще долго. Оставалось только “исчезнуть”, пока все это не забудется. Он продолжал рассказывать мне мрачные истории-предостережения о других писателях, которые начинали с огромного успеха, а затем оказались неспособными его достичь - об Эрнесте Рэймонд из “Расскажи Англии”, Алек Во из “Ткацкого станка”. Юности; он также рассказывал мне истории о писателях, которых он публиковал, которые начинали с многообещающих романов, затем опубликовали вторую плохую книгу и были забыты. Один из них, в частности, был достаточно разумным

устроился на работу школьным учителем и был готов потратить десять лет на свою следующую книгу, если понадобится…

После восьми лет работы на фабриках и в офисах все это казалось мне настолько неприятным , насколько это вообще могло быть. Я слишком долго работал по девять часов в день за полкроны в час, чтобы даже думать о возвращении к этому занятию. Иногда мне снились кошмары, в которых я не мог найти издателя для своей следующей книги и мне снова приходилось работать на фабрике. Так Я твердо сказал ему, что, что бы ни случилось, я никогда больше не пойду на “обычную работу”. И я отправился на встречу с Т. С. Элиотом в Faber и Фабера, чтобы поговорить с ним об освобождении Эзры Паунда из тюрьмы (проект, над которым мы сотрудничали с Рональдом Дунканом). Он также сказал мне, что, по его мнению, талант нужно тщательно развивать и что ничто не может быть губительнее для него, чем поспешная публикация ради денег. Когда через несколько дней я уезжал в Корнуолл, я был подавлен сильнее, чем за весь прошлый год. Я понял точку зрения Голланца. В книге “Религия и бунтарь” я признал, что не вижу никакого практического и немедленного решения “проблемы аутсайдеров”, и закончил эту книгу заявлением о том, что это будет моя последняя философская книга на некоторое время. Я написал пьесу, которая была отвергнута, и у меня больше не было идей для других пьес. (Хотя позже один

журналист заимствовал основную идею “Смерти бога” в пьесе, которая была поставлена в Вест-Энде.) Голланц отверг более раннюю версию “Смерти Бога”. “Ритуал в темноте”, и, очевидно, был склонен полагать, что я не смогу написать роман. Следует признать, что “Религия и бунтарь “, вероятно, принесут небольшую сумму денег - возможно, ее хватит, чтобы прожить еще год. Но что потом? Невозможно прожить, занимаясь философией.

К счастью, у меня было время отвлечься. Меня пригласили прочитать лекцию в университетском литературном обществе в Осло. День, когда мы должны были уезжать , был днем публикации книги Билла Хопкинса “Божественное и распад”. По дороге в аэропорт я купил журнал “Букс и книголюбы”, в котором был отрывок из романа на двух страницах и, насколько я помню, фотография Билла на обложке. Статья о Билле от Дэн Фарсон был не слишком любезен, но в целом было ясно, что Книги и издатели ожидали, что роман будет иметь ошеломляющий успех. Я почувствовал укол зависти и поклялся по -настоящему взяться за “Ритуал в темноте”, как только вернусь из Осло.

Осло оказался восхитительным городом. Я был удивлен, когда газетные репортеры

расспрашивал меня о моей работе и идеях, а не о личной жизни. Отель находился напротив театра со статуями Ибсена и Бьернсона. Было ощущение, что литература здесь - предмет для обсуждения мент, эти идеи могут оказать реальное влияние на будущее. Атмосфера этот город несравнимо отличался от Лондона. Здесь работа писателя, казалось, включала в себя все то, о чем я мечтал до того, как опубликовал книгу: ощущение интеллектуальной жизнеспособности, причастности к место в истории литературы. Я читал лекцию в огромном зале, а студенты сидели за столиками и слушали, потягивая пиво. Когда я закончил, был перерыв, во время которого струнный квартет играл Брамса и Нильсена. Затем началась дискуссия; студенты поднялись на сцену и выступили с речами, в которых изложили свои собственные взгляды и возражения против того, что я сказал.

Но на этом этапе я должен кратко изложить суть своей лекции, поскольку идеи, которые я тогда развил, легли в основу всего, что

я сделал с тех пор.

Я начал с краткого изложения философии Сартра и Хайдеггера, объяснив, что их экзистенциализм был по сути статичным и пессимистичным . Это произошло потому, что оба они делали основной акцент на идее бытия. Они смотрят на мир вокруг себя. Это просто так. Они внимательно изучают это, как я мог бы внимательно изучить лицо человека, с которым Я играю в покер, чтобы узнать, какая у него комбинация; но, как и у хорошего игрока в покер, мир непостижим.

Это приводит Сартра к взгляду на сознание как на ничто, как на чистого наблюдателя. Я всегда предполагаю, что обладаю “душой” и свободой воли, особенно если я человек действия, потому что я думаю, что могу увидеть свою свободную волю в действии. Но если я остаюсь совершенно один, без чего-либо , что могло бы стимулировать мое тщеславие или целеустремленность, я быстро погружаюсь в скуку. Моя “свобода воли”, по сути, в основном зависит от внешних стимулов; я - сложный игровой автомат, играющий на деньги. Осознав это, я начинаю понимать, что имел в виду Сартр, когда говорил , что сознание - это “ничто”, пустота, простой пассивный наблюдатель. Оно не может ничего делать, кроме как наблюдать за работой игрового автомата . Например, если я один в большом городе, где я никого не знаю, Я становлюсь просто парой глаз и набором органов чувств, смотрящих на окружающий мир; я ощущаю свою пустоту. По общему признанию, бывает много моментов , когда мне хочется хлопнуть себя по груди и сказать: “Я какой-то-ПОСЛЕ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

тело. Но, если быть честным, я признаю, что это в основном тщеславие и лесть самому себе. Если я смотрю на себя в зеркало и спрашиваю: “Кто я?”, я знаю, что ответ таков: просто лицо, смотрящее на себя со стороны, плюс “история”, которую мне дали обстоятельства моей жизни.

Такова, вкратце, позиция экзистенциалистов по отношению к сознанию и ‘бытию’. Далее я кратко изложил ‘недобросовестность’ Сартра и Категории подлинного и неаутентичного существования Хайдеггера.

Но, продолжал я, мое собственное восприятие мира не согласуется с этой экзистенциалистской позицией. По общему признанию, оно согласуется на 99%. Но здесь важен этот странный 1%. У меня бывают моменты - и я думаю, что это верно

для большинства здоровых людей - когда я заканчиваю переполненный ощущением смысла, который находится вне меня, смысла, который скрыт от меня из-за притупления моих чувств и бывшего огромная сложность моих механизмов. Это может произойти весенним утром, или при прослушивании музыки, или даже при чтении философских книг. Я философ, потому что философия исследует вселенную на ощупь, рассматривает ее как проблему, которую можно решить, и это заставляет меня чувствовать, что жизнь по своей сути более осмысленна, чем мне кажется, когда я внимательно изучаю ее бесстрастное выражение. Даже чтение Сартра и Хайдеггера вызывает у меня это чувство. Поэтому их окончательный вывод о том, что Вселенная "бессмысленна", кажется мне противоречивым. Они чувствуют, что есть смысл искать смысл, иначе они не философствовали бы. Центром моей философии является смысл, а не бытие.

На этом этапе моя лекция приобрела новое направление, чему способствовало восприятие религии и бунтаря. Наблюдая за внимательными лицами своей аудитории, я осознавал, что то, о чем я сейчас говорю, является одной из самых важных проблем, с которыми когда-либо могли столкнуться люди, и что я рассматриваю эту проблему таким образом, чтобы увидеть возможность ее решения. Так что же имели в виду эти идиоты, говоря о "туманных обобщениях" и прочем?

Одна из самых странных вещей заключается в том, что большой процент людей , похоже, не осознает этих проблем. Шоу, во всяком случае, так думал, когда заставил Шотовера спросить: "Что же тогда делать? Неужели мы навсегда останемся в грязи из-за этих свиней, для которых вселенная - не что иное, как машина для смазки их щетины и наполнения их рыл…. Существует вражда между нашим потомством и их потомством. Они

знайте это и действуйте в соответствии с этим, что душит наши

души. Они верят в это - J

личности. Когда мы поверим в себя, мы убьем их". И когда дж. !

Гектор возражает, что "свиньи" слишком глупы, чтобы использовать свою силу,

Шотовер отвечает: "Они действительно этим пользуются. Мы убиваем лучшую половину наших себя каждый день, чтобы умилостивить их. Осознание того, что эти люди существуют для того, чтобы сделать бесплодными все наши стремления, мешает нам их осуществлять". (В тот момент я поймал себя на том, что очень отчетливо представляю себе некоторых критиков).

Является ли это различие между детьми света и детьми тьмы подлинным, или, что более вероятно, все люди движутся в одном направлении, но с разной скоростью, не имеет значения. В нашем обществе это практическое различие, которое стало очень четким со времен Блейка. В наше время это вновь проявляется как 'проблема аутсайдеров'. Боссы Манганы (о которых Шотовер) находят, что материалистическая философия, основанная на науке, им очень нравится, и в наше время она стала философией, лежащей в основе тоталитарной политики и крупного бизнеса - фашизма, коммунизма и капитализма. Позитивистская философия также воспринимает это как должное. И поскольку современному интеллигентному человеку трудно воспринимать церковь всерьез как жизненную силу, экзистенциализм остается единственной философией, которая пытается взглянуть на вещи в перспективе и подчеркнуть, что с человеческой жизнью связаны проблема бытия и проблема смысла. Но существующий тенциализм использует свое собственное оружие, объявляя человеческую жизнь ничтожеством бесшумный. Позитивисты могут, по крайней мере, претендовать на практичный и оптимистичный взгляд на общество. Таким образом, единственная надежда на культурный ренессанс, насколько я могу судить, заключается в возрождении экзистенциализма , который решительно отвергает это бессмысленное видение подлости бессмысленность человеческой жизни и ничтожество человеческого сознания.

Человеческое сознание - это всего лишь "ничто", потому что мы осознаем только его верхний слой. Но моменты обострения, будь то в искусстве, на природе, в религии или в сексе, показывают, что настоящая проблема заключается в том, чтобы научиться заново связывать себя со смыслом, который никогда полностью не

исчезает из мира - даже для человека, страдающего от плохого самочувствия или ‘тошнота’ Сартра.

Такова была суть моей лекции, и я почувствовал, что нахожусь на пороге чего-то важного. Проблема была в том, что я все еще

не смог ответить на вопрос “Что нам теперь делать?”, который задал мне один из студентов. Вопрос “Что дальше?” по-прежнему ускользал от меня. Я мог лишь туманно сказать, что экзистенциализм придется пересмотреть с самого начала. Они задавали вполне обоснованный вопрос, как это может спасти цивилизацию, столкнувшуюся с водородной бомбой, гонкой вооружений и идеологической войной, основанной на непонимании. Церковь, по крайней мере, однажды провозгласила принцип единства.

Я могу только сказать, что мне кажется, что худшей частью проблемы было наше культурное банкротство. Это может показаться неуместным важный элемент перед лицом таких реалий, как венгерская революция и испытания водородной бомбы. Но то, что начиналось как тенденция к легкому отчаянию среди интеллектуалов, теперь превратилось в поток нигилизма, неврозов и шумной жалости к себе.

Дискуссия продолжалась бесконечно. Когда я ответил на вопросы, меня пригласили на студенческую вечеринку, на которой преподавателям разрешалось присутствовать только по специальному приглашению. Я надеялся расслабиться и выпить, но вместо этого они усадили меня посреди комнаты, сами нашли стулья или подушки и продолжали засыпать вопросами. Я вернулся в свой отель в четыре часа утра, чувствуя душевное возбуждение, но физическую усталость и чувствуя, что вот -вот подхватлю простуду, как отец и мать.

На следующий день у меня перехватило горло - это была самая сильная простуда за последние годы. Я пролежал в постели три дня, из глаз текли слезы, голос был невнятным, и я читал книги в мягких обложках, которые Джой принесла мне из книжного

магазина по соседству. По прошествии трех дней я встал и прочитал лекцию в другом обществе.

Билл написал нам из Гамбурга, куда он отправился писать свой второй роман “Время тотальности” (который позже сгорел при пожаре). Мы решили прервать наш обратный рейс в Лондон в Гамбурге, чтобы повидаться с ним. Мы застали его в депрессии; его издатель обещал ему 10 фунтов стерлингов в неделю, пока он писал роман; до сих пор ничего не приходило, и он не ел уже сутки. Мы решили остаться на ночь и пригласили его перекусить. Потом мы сидели в кафе на Стефансплац, пили горячий грог с лимоном, слушали сентиментальную немецкую музыку и вдруг почувствовали себя такими счастливыми, что решили остаться в Гамбурге еще на неделю или около того. Я поддерживаю но на самом деле я втайне не хотел возвращаться в Лондон. Итак, мы забронировали номер в пансионе Билла на Хаймхудештрассе, оплатив-145

В.Т.А.Б.-П

Я

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ ,

я написала на месяц вперед и засела за чтение “Отсюда и до бесконечности”.

Лондонская подруга Билла еще не прислала ему никаких отзывов, и Я видел только Книги и Букинистов. На следующее утро после нашего приезда, Билл зашел к нам в комнату выпить чаю и сказал мне, что я слишком сильно поддаюсь нападкам на религию и Бунтарей. Этого следовало ожидать в эпоху, когда успех ассоциировался с кинозвездами и т.д. Ни у кого не было такого успеха, как у меня, с тех пор, как Байрон проснулся в то утро, когда опубликовал “Чайльд Гарольда”, - и посмотрите, что они сделали с Байроном…

Внизу его ждали письма, но он решил не вскрывать их, пока мы не доберемся до кафе, где собирались перекусить. быстрый. По дороге Билл продолжал в том же духе. Нужно быть достаточно

сильным, чтобы смеяться над нападками… Он вскрыл письмо и вытащил несколько газетных вырезок. Минуту или две он читал молча; затем его лицо покраснело, глаза широко раскрылись, и он внезапно Денли воскликнул таким голосом, что все в кафе вздрогнули: ” Ублюдки!’ Мгновение спустя он увидел в этом забавную сторону и присоединился к нашему смеху.

Но отзывы, конечно, были не смешными. Кеннет Оллсоп заметил в “Гневном десятилетии”, что в данном случае критики, похоже , проигнорировали негласно признанное правило, согласно которому к первой книге автора следует относиться с определенной долей мягкости. Все это , несомненно, стало результатом деятельности паба “Другой гений Англии” “беззаконие”. Критики ворвались в зал с ножами и кастетами.

Это не было чем-то беспрецедентным. Появление Стюарта Холройда “Выход из хаоса” появился ранее в том же году. За неделю до того, как это вышло, журналист взял у нас интервью, а затем опубликовал статью, в которой предупредил общественность о том, что они вот-вот столкнутся с еще одним “Мессией из молочных баров”, который также был моим другом; общественности было рекомендовано больше не позволять себя обманывать. Голланцы, с какой-то просчет необычного в нем нет, заявил на куртке, что читатели, кто пользовался посторонний человек также Эта книга стимулирования; это была, по сути, был запущен до Аутсайдер …

“Выход из хаоса” был воспринят не так уж плохо, но это следует оговорить, сказав, что его вообще почти не восприняли. Одна из “шикарных” воскресных газет полностью проигнорировала его; другая прокомментировала

высмеял склонность мистера Голланца к похищению детских кроваток (в рекламе упоминалось, что Стюарт был даже моложе меня) и пренебрежительно отозвался о книге. В “Встрече” Морис Крэнстон сказал , что это книга лучше, чем “Посторонний” (это было неизбежно) и в популярной прессе появилось несколько предположений о том, вдохновил ли “Посторонний” “Появление”

или наоборот . The Guardian прямо заявила, что из этой книги явствует, что я был учеником Холройда, а не наоборот, как многие предполагали, и не напечатала мое письмо с изложением реальных фактов об этих двух книгах.

Вторая книга Стюарта была своего рода автобиографическим кредо под названием “Бегство и погоня”, вышедшая через некоторое время после “Религии и бунтаря”. Голланц все еще надеялся на успех и пообещал сделать ее одной из лучших книг года в “Красной звезде”. Рецензии вскоре дали понять , что с этим ничего нельзя поделать. Большинство рецензентов, казалось, почувствовали себя оскорбленными тем, что двадцатипятилетний мужчина предлагает своего рода автобиографическую книгу; рецензент в The New Statesman также счел религиозный экзистенциализм оскорбительным и опубликовал рецензию, которая заслуживает того, чтобы стать классикой деструктивной критики, почти гениальной “работой бритвы”. Вряд ли кто-нибудь из рецензентов упомянул идеи книги; никто не пытался отнестись к ним серьезно

.

Авторы, как правило, жалеют самих себя; но я думаю, это можно воспринимать как строгую констатацию факта: немногие авторы когда-либо оправлялись от действительно разрушительных нападок в начале своей карьеры. Стриндберг - яркий тому пример. В любом случае факты говорят сами за себя. Билл Хопкинс опубликовал “Божественное и распад” в 1957 году и с тех пор ничего не публиковал; Стюарт Холройд опубликовал “Полет и погоню” в 1958 году и с тех пор также ничего не публиковал. Оба добились успеха в других областях: Стюарт Холройд — как руководитель языковой школы, Билл - как эксперт по антиквариату.

Жаль, конечно. Не может быть сомнений в том, что оба они стали жертвами моей публичности. Я рад, что они не держат на меня зла за это. По моему собственному мнению, “Божественное и распад” - важный и захватывающий роман, несмотря на некоторые недостатки; я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что , если бы он был опубликован в 1955 году, а не в 1957-м, он был бы расценен как произведение захватывающее, хотя и несколько необычное. писатель, такой же “оригинальный”, как автор “Повелителя мух”. У меня есть

я объяснил причины своих взглядов в приложении к книге “По ту сторону Аутсайдер.

Мы пробыли в Гамбурге до Рождества - в общей сложности около месяца. Чужеродность чужих городов раньше вызывала у меня чувство потери идентичности; осенью 1957 года я был рад потерять свою идентичность на месяц.

вернемся к старым стенам, ничего не изменилось, за исключением того, что сырость проникла сквозь стену и испортила обложки “Британники”, а крысы забрались под кухонную раковину. (Специалист по борьбе с грызунами уничтожил их, посыпав отрубями, смешанными с мышьяком.) Перед отъездом я чувствовал себя пьяным от пунша и ошеломленным; теперь я был готов начать все сначала. Мой оптимизм снова вырвался на поверхность. К новым условиям - дурной славе и враждебности - пришлось долго привыкать, но прививка “прижилась”, и опухоль спала. Кроме того, Билл подкинул мне отличную идею для “Ритуала”: использовать вступительную сцену из романа Ричарда Бакла. Выставку Дягилева, которую я дважды видел в 1953 году, и использовать Необычный аромат Дягилева, Мицуко, как своего рода мотив в романе. Как только я начал, я понял, что сделал важный шаг; на этот раз книга “двигалась”. Что было более важно, в моем сознании начала раскрываться вся идея книги со всеми вытекающими из нее последствиями , которые привели к другим выводам. Ко мне вернулся “творческий порыв” ; я не испытывал его по-настоящему с тех пор, как написал “Аутсайдера”. Это

требует сосредоточения всего внимания на объекте, и в то время как Когда я писал “Религию и бунтаря”, я постоянно чувствовал, что критики дышат мне в затылок.

В 1958 году мы мало что сделали. Я тихо сидел в “Старых стенах”, продолжал писать “Ритуал” и держался в стороне от новостей.

Здесь я должен кое-что сказать об этой новой версии “Ритуала”. Она мало походила на книгу в том виде, в каком была задумана изначально. Основные идеи остались прежними, но мой природный оптимизм начал менять все акценты.

Отношение современного писателя к своему миру, как правило, враждебное. Диккенс, очевидно, любил мир, в котором жил, несмотря на Грэдграйндов, Сквирсов и Скруджей. Но, с другой стороны, Диккенс не был реалистом; его люди часто кажутся не более чем блестящими,

*49

НАЧИНАЕМ СНАЧАЛА

красиво раскрашенные куклы. В “Лоуренсе и Джойсе ” проскальзывает нотка агрессивной враждебности; в любой книге Лоуренса мы видим Лоуренса недовольного аутсайдера, ненавидящего около пятидесяти процентов того, о чем он пишет. “Улисс” столь же ясно показывает, что Стивен Дедалус был недовольным аутсайдером и достиг кульминации в яростном неприятии всего и вся на сцене Ночного города. Но следует отметить, что “Улисс” был настоящим шедевром, а сцена в ночном городе - его кульминацией; после “Улисса” Джойс больше не был отверженным неудачником; он стал выдающимся романистом Европы. И точно так же Элиот стал выдающимся поэтом своего времени выразив ‘отвращение целого поколения’.

Этот урок не остался незамеченным их современниками. Фолкнер начинал как подражатель Олдоса Хаксли, пытаясь остроумно описывать художественную обстановку; в мгновение ока он сделал ‘мрак и гибель’ своим товаром. Его романы столь же нереалистичны и мелодраматичны, как и романы Диккенса, но мелодрама теперь используется для выражения ненависти к жизни. То же самое можно сказать и о Грэме Грине. Сегодня такое отношение было доведено до определенного предела абсурда такими писателями, как Жене, Беккет и Уильям Берроуз.

Теперь нет ничего плохого в пессимизме и ненависти к жизни , при условии, что они честны и проницательны. По крайней мере, это признак серьезности. (Как-то вечером я прочитал пятьдесят страниц “Голого обеда” и с отвращением отбросил их; затем я прочитал несколько глав автобиографии Ноэля Кауарда и обнаружил, что смотрю на “Голый обед” с явной симпатией.) Но я думаю, что важно то, что многие из этих писателей-пессимистов при ближайшем рассмотрении оказываются удивительно неразвитыми личностями. Диккенс был деловым человеком с ярко выраженной практической стороной характера; однажды, когда он попал в железнодорожную катастрофу, он возглавил спасательные операции. Большую часть своей жизни Фолкнер провел в состоянии алкогольного опьянения; большинство анекдотов касаются многие из них подчеркивают его огромную склонность к виски. То же самое можно сказать и о Хемингуэе, а также о Дилане Томасе и Скотте Фитце. Джеральд. Каждая книга о Лоуренсе подчеркивает в нем черты избалованного ребенка.

Люди, которые встречались с Джойсом, также были удивлены его странным не взрослым характером; он жил прошлым и рассказывал анекдоты , которые восходили к его детству. Уильям Берроуз не пытается скрыть, что “Обед в обнаженном виде” был написан под воздействием наркотиков.

Мне кажется, что пессимизм и неприятие мира - естественный этап в развитии любого серьезного писателя; даже Дж. К . Честер тон прошел через такой этап в подростковом возрасте. Но если такое отношение сохраняется на всю жизнь, то это признак продолжающейся юности. (Никто из тех, кто изучал Де Сада, например, не может усомниться в том, что ему все еще было пятнадцать, когда он умер в возрасте семидесяти четырех лет).

Это, безусловно, был мой личный опыт. В раннем подростковом возрасте я находился под влиянием Шоу, Честертона и Диккенса и считал “Тайцы” Анатоля Франса величайшим романом, когда-либо написанным. Примерно к семнадцати годам оптимизм сильно поубавился - исчезло ожидание славы, восхищения, учеников, триумфальных премьер. Один вечером, я читал давно, сюжет Jamesian в литературном обществе, и они зевнул и болтали всю дорогу через него, так что я пошел домой и написал горько кошмар фантазии в манере Джойса Сцены ночного города. С тех пор я работал в духе “дайна” митра - короче говоря, в духе современности. Я выучил наизусть Элиота, Джойса и Фолкнера. Особенно меня восхитил рассказ “Христос в “Бетон” Пьетро ди Донати, в котором описывается обрушение здания и подробно рассказывается об агонии людей , медленно погибающих под его тяжестью. (В то же время я заметил, что Донати никогда не писал ничего более интересного. Его вклад состоял в создании этого единственного символа современного насилия.) Ранние версии “Ритуала” были полны тьмы и насилия, а тема Джека-Потрошителя появилась лишь на довольно позднем этапе как еще один символ насилия.

После службы в Королевских ввс я уже заметил, что мое отношение к нему изменилось; поэзия Элиота больше не задевала во мне никаких глубоких струн. В своем экземпляре его стихов я нацарапал: “Честный человек, но маложизненный” — снисходительный и абсурдный, без сомнения, но в основе своей верный. И, скорее , против моей воли, ритуал становился все веселее и жизнерадостнее. Я также начал замечать, что мне нравится рассказывать истории - я наслаждался сюжетом сам по

себе, совершенно независимо от его ‘символов’. Первая законченная версия книги шокировала Виктора Голланца и моего агента Кертиса Брауна, потому что в ней все еще было слишком много попыток взять читателя за горло. Но вторая версия была начата после успеха первой книги. Посторонний, и к этому времени мой природный оптимизм вернулся в полную силу, и я не испытывал ни малейшего желания брать читателя за горло

и встряхните его. Мне понравилось рассказывать историю, мне понравилось развивать идеи; и если стиль все еще во многом обязан Хемингуэю и Джойс, это было неизбежно, учитывая, что работа над книгой продолжалась девять лет.

Друзья иногда возражали, что мои романы “после ритуала ” утратили некоторую навязчивость. Я знаю, что это правда, и чувствую, что так и должно быть; они выражают мое естественное отношение. Одержимость идеями все еще присутствует, одержимость “вопросом бытия”, жизненной свободой, но желание покрасить мир в черный цвет исчезло. Голланц сказал о моем втором романе “Дрейфующий по течению в Сохо”, что в нем есть ” вечная энергия венского вальса”, а озадаченный рецензент сказал о “Мире насилия”: “Местами он кажется намеренно комичным”. Общая оптимистичная атмосфера, царящая в “Без сомнения” настолько озадачило американских рецензентов, что они сочли его намеренной пародией на классический британский детективный роман. (На самом деле, она обязана не столько Конан Дойлу, сколько Дюрренматту.)

Но вернемся в 1958 год. Время от времени меня занимал еще один проект - книга, которую я должен был написать вместе с Биллом Хопкинсом и Стюартом Холройдом на тему “Исчезающий герой’. Билл предложил заняться политическим аспектом, Стюарт - религиозным, а я - литературным. Затем Негли Фарсон познакомил меня с книгой Дэвида Райзмана “Одинокая толпа”,

тема которой заключается в том, что “внутренне управляемый” человек исчезает из американского общества. Я увидел ее связь с я увлекся своей темой аутсайдера и написал “Эпоху поражения” за несколько недель, хотя ее написание казалось пустой тратой времени, когда наш банковский счет был почти пуст. Меня поразило нечто важное : то, что я пытался сделать, - это создать новый экзистенциализм. Экзистенциализм Хайдеггера, Сартра и Камю - это не более чем философская постановка социальной проблемы, выраженная Рисман в “Одинокой толпе”, Гэлбрейт в “Богатой Общество и Уайт в организации “Человек”. Сейчас никто не ожидает, что социолог предложит решение проблемы; он в основном наблюдатель. Но экзистенциализм можно обвинить в уклонении от своих обязанностей. Это попытка создать своего рода замену защита религиозной веры, которая была подорвана веком науки; но на самом деле это не приносит никакого утешения. - Это имеет значение меньше того, что мы живем; бессмысленно то, что мы умираем”, - говорит Сартр. Так вот, я никогда не придерживался этой точки зрения. Несмотря на “обширность’, у меня есть

я всегда считал, что жизнь имеет фундаментальный смысл. Беда в том, что человек кажется каким-то образом отрезанным от источника “силы, смысла и цели”, и его проблема заключается в том, чтобы выяснить почему. Из этого следовало, что мой собственный экзистенциализм оптимистичен по своей природе; и все же я пишу о после того, как Сартр и Камю пришли к своим негативным выводам, я не видел способа избежать их. Моя проблема состояла в том, чтобы детально продумать свой собственный экзистенциализм.

Я отослал “Эпоху поражений” Голланцу, чтобы он прочитал ее на Рождество, а сам вернулся к “Ритуалу”. На Новый год он написал , что книга ему понравилась, и спросил, не хочу ли я опубликовать ее отдельно. В качестве поощрения он предложил мне аванс в размере 500 фунтов стерлингов - примерно в пять раз

больше, чем я рассчитывал получить, - и отметил, что мой американский издатель почти наверняка предложит то же самое. Я спросил Билла и Стюарта об их мнении; ни один из них даже не начал писать эссе, поэтому они оба посоветовали мне принять предложение.

Несмотря на это, год начался неблагоприятно. Когда мы переехали в “Олд Уоллс”, Луис Адеан, который арендовал его у фермы, сказал нам, что мы можем пожить в нем два года и что, если по истечении этого срока его положение не изменится, мы сможем остаться. Сейчас Луис написал нам, чтобы напомнить, что срок нашей аренды истекает через несколько недель. Я отправил ему ответное письмо, в котором напомнил, что он предварительно согласился на продление. Но он плохо пишет письма, и когда мы не получили ответа через неделю, мы решили, что нам лучше поискать кого-нибудь другого. Или, скорее, я бы сказал, мы решили , что Джой должна начать искать кого-нибудь другого. Идея дома охота каким-то образом пробудила во мне дремлющие неврозы. Несомненно, именно это послужило причиной моего решения подыскать другой дом. После многих лет, проведенных в квартире, где хозяйка, скорее всего, оставляла на столе неприятные записки, я стал тонкокожим, и малейшего намека на неуверенность было достаточно, чтобы заставить меня задуматься о серьезных потрясениях. Через неделю Джой заметила дом в Убежище Горрана. Как она мне это описала, это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой: мы стояли на холме над морем, с видом на горизонт примерно на пятьдесят миль, и до нас нужно было долго добираться, а это означало , что мы будем почти так же изолированы, как в Олд Уоллс, без ущерба для трех ферм ворота и глубокая грязь зимой. Супружеская пара, вышедшая на пенсию, построила его всего три года назад, но они

мы были городскими жителями, и сельская тишина казалась им невыносимой. Я посмотрел это, и мне понравилось. Цена была выше , чем я думал, мы могли себе позволить, но неожиданно поступили гонорары, и вместе с авансами за “Эпоху поражения” они составили необходимую сумму.

Это все еще была авантюра. Ритуал был завершен, но я знал, что Голланц был склонен сдержанно относиться к книгам, посвященным сексуальному насилию; если бы он их отверг, их было бы трудно найти. Тем не менее, мы переехали и пригласили моих родителей жить с нами - как я уже рассказывал в первой главе. На следующий день после того, как мы переехали, Голланц позвонил мне и сказал, что прочитал “Ритуал” от корки до корки, нашел его превосходным и немедленно выплатит мне аванс. Мы все вздохнули с облегчением. По общему признанию, он хотел кое -что упорядочить. Книга о садисте, но он решил, что об этом следует умолчать. Я испытал такое облегчение, когда книгу приняли, что Я бы согласился с чем угодно. Теперь я сожалею, что допустил сокращения. Они были небольшими и не вызывали особого удивления; большинство читателей не обратили бы на них внимания. Но они прояснили основную идею книги. Когда я писал предисловие к Норвежское издание “Ритуала”, демонстрирующее свое отношение к идеям моих “философских” книг, я счел необходимым упомянуть о “цензурированных” материалах, чтобы показать, что именно я пытался сделать.

Я не с нетерпением ждал публикации “Эпохи поражения”. Прошло два года с тех пор , как “Религия и бунтарь” были забиты до смерти, и за это время мне удалось избежать паба законность. Но в тоне газетных вырезок не произошло заметных изменений . Мое имя по-прежнему упоминалось, если кому-то нужен был символ интеллектуальной претенциозности, или необоснованных обобщений, или пример того, как истерия может в одночасье создать репутацию. Я пришел к выводу — и, как мне кажется, справедливому, — что общественность не утруждает себя изменением своих взглядов, как только у нее появляется кто-то, кому удобно сидеть сложа руки. Я почувствовал, что “Эпоха поражения” - хорошая книга с важными идеями; но , с другой стороны, такими же были “Чужак”, “Религия” и “Бунтарь”, и для них это не имело никакого значения. Популярные журналисты все равно могли бы отмахнуться от них как от претенциозной чепухи, если бы сочли, что Джоуд написал Руководство по философии утомляет интеллектуально.

В день публикации я понял, что нет причин нервничать-

уныние - и тоже не повод для радости. В отзывах уже не было резкости; они, как правило, были вежливыми и пренебрежительными. Сирил Коннолли, который похвалил “Постороннего” и воздержался от рецензирования “Религии и бунтаря”, дал на него развернутую рецензию, но, очевидно, не смог справиться со скукой; он описал это как своего рода литературную экскурсию . Казалось, что ” история Колина Уилсона” должна была закончиться после “Религии и бунтаря”, и было утомительно придумывать еще одну главу. Но обозреватель “Таймс” заметил , что я, очевидно, “здесь надолго”. Я пробормотал: “Он чертовски прав” Так и есть. “Нравилось им это или нет.

Но было бы неправильно создавать впечатление, что у меня сложилось пренебрежительное отношение к критикам. Я всегда с презрением относился к писателям, которые позволяют критикам влиять на них до такой степени , что они начинают бушевать на публике. Даже Шоу, я думаю, следовало бы воздержаться от предисловия к книге “Первая помощь рецензентам’ “Руководство умной женщины по социализму”. Это свидетельствует о неспособности видеть перспективу. Если произведение писателя выживет, его читатели следующего поколения все равно сочтут эту перепалку утомительной. Кроме того, это показывает, что внимание писателя сосредоточено не на том, что нужно. : на публику и влияние его книг, а не на его собственное развитие.

Лично я считаю, что история о том, что произошло после публикации история Аутсайдера, по крайней мере, так же интересна, как и то, что было до нее. Я постарался рассказать это точно. Я должен признать, что в период 1956-1958 годов я чувствовал, что со мной плохо обращались. С другой стороны, у меня всегда был оптимистичный темперамент, базовое чувство, что боги желают мне добра, а также несколько лет обучения тому, как справляться со своей работой и не обращать внимания на других людей. Оглядываясь назад, я не уверен, что то, что произошло после “Аутсайдера”, не было лучшим , что могло со мной случиться. Часто говорили, что успех “Постороннего” был счастливой случайностью, поскольку вряд ли можно было ожидать, что книга такого рода вызовет всеобщий интерес. Я не согласен. Были и столь же невероятные бестселлеры — “Богатый человек” Гэлбрейта. Общество и акт творения Кестлера,

например. Во-вторых, Посторонний человек должен был создать мне определенную репутацию. Какими бы ни были ее недостатки (а я лично не думаю, что их было много), она не могла не произвести впечатления как живая и противоречивая книга; и поскольку ее

автор был неизвестен, это должно было сделать его известным. Если бы книга была просто спокойно и благосклонно рассмотрена и разошлась тиражом в три тысячи экземпляров, я бы остался персоной грата для истеблишмента и почти наверняка не испытывал бы потребности в самоанализе, который породил религию и Бунтарь и эпоха поражения. Как бы то ни было, несколько недель одобрения , последовавших за публикацией “Постороннего”, казалось, парализовали мой порыв. Когда я прочитал следующий абзац из книги Эмиля Райха о венгерской литературе, я в точности понял, что он имел в виду:

‘Чарльз Хьюго… один из многочисленных титанов венгерской столицы, который не может сделать ничего наполовину заслуживающего доверия, если только ему не удастся завоевать репутацию. Как только они становятся “знаменитыми” , они перестают быть интересными или продуктивными. Роман Гюго “Банкир и барон” имел не только большой, но и необычайный успех. Перед поэтом рассыпали не только благовония, но, по выражению Лессинга , само кадило было брошено ему в голову. Восторженная толпа буквально вынесла автора из театра в его любимое кафе. Это нарушило душевное равновесие бедного Гюго. Он считал себя вторым Виктором Гюго и поэтому больше не написал ни одной великой драмы’ (стр. 216).

Что ж, меня никогда не водили на руках в мое любимое кафе “4”, но я думаю, что пристальное внимание прессы, телевидения и

радио должно быть приближено к сенсации. Писательство - это тонкий внутренний механизм, подобный пищеварению, и его легко нарушить из-за неуверенности в себе. В целом, я думаю, все прошло хорошо. Ощущение, что никому нет дела до того, что я делаю , заставило меня полностью посвятить себя задаче создания новой формы экзистенциализма.

“Ритуал во тьме” появился в 1960 году и продавался намного лучше , чем что-либо после “Аутсайдера”. Отчасти, я думаю, это произошло из-за превосходной рецензии в “Санди Таймс”, написанной дамой Эдит Ситуэлл, которая также похвалила “Аутсайдера” перед его публикацией.

Появились признаки того, что враждебность отчасти поутихла. Меня попросили рассказать об этой книге в телевизионной программе compered автор: Джек Ламберт из “Санди Таймс”. Когда я прибыл в отель в Бирмингеме, то был слегка встревожен, обнаружив, что нахожусь в

?

|?

Я,

f для дачи интервью Кристоферу Логу. Я уже упоминал о встрече

Лога в Париже в 1953 году, когда он старался быть полезным мне и Биллу Хопкинсу. После выхода “Аутсайдера” я встретился с ним в Лондоне и был удивлен, обнаружив, что его отношение полностью изменилось - он казался раздражительным и враждебным. В письме в “Нью Стейтсмен” он назвал меня “грязным фашистским чудовищем”, поскольку включил в это число и Т.С. Элиот и Грэм Грин в этой категории, я думаю, имели в виду главным образом то, что он ассоциировал антигуманистическую позицию с Франко и Салазаром. f Позже, когда Стюарт Холройд представил довольно плохую и псевдо-

| религиозная пьеса под названием “Десятый шанс” при королевском дворе (в

Воскресный спектакль), Лог был вовлечен в беспорядки в - театре и последующую ссору со мной и Стюартом Холройдом

| в пабе по соседству, о которой я не буду вдаваться в подробности, поскольку о ней

лучше забыть.

Поэтому я не испытал особой радости, узнав, что Лог должен был взять у меня интервью. Однако я был склонен к сочувствию, потому что остальная телевизионная команда (я забыл, кто они такие) была явно настроена против Лога еще до того, как он приехал. Его репутация тион как сторонник левого толка, подражавший Брехту, был к тому времени хорошо известен. Как только Лог появился, он почувствовал эту враждебность и отреагировал соответствующим образом; весь вечер на его лице было слегка насмешливое выражение “мне на вас всех наплевать”. Вспомнив его доброту в Париже, я постарался проявить сочувствие, и он стал заметно менее раздражительным. На следующее утро мы отрепетировали программу. Лог спросил меня , доволен ли я книгой. Я сказал “нет”; это было совсем не похоже на мое первоначальное представление об этом, и в некотором смысле я считал это ужасным. Как только | когда репетиция закончилась, Лог схватил меня за руку и яростно сказал :

- Послушай, ты же не собираешься говорить всю эту чушь о том, что книга ужасна. Это не. В любом случае, даже если бы это было так, выступление по телевидению повлияло бы на ваши продажи .’ Поэтому я отбросил самокритику и почувствовал возрождение определенной привязанности к Логу.

Но хотя “Ритуал во тьме” продавался довольно хорошо и стал первой из моих книг, изданных в мягкой обложке, отзывы по-прежнему были враждебными - за исключением “Дамы Эдит”. Перед публикацией к нему проявила интерес кинокомпания, и была названа сумма в 25 000 фунтов стерлингов. Это позволило бы мне работать над моим “новым экзистенциализмом” в течение следующих десяти лет, не беспокоясь о пабе-

заканчиваю. Я думаю, что пренебрежительные отзывы обескуражили кинокомпанию; к моему неудовольствию - и к неудовольствию моего банковского менеджера - сделка сорвалась.

Этот денежный бизнес был серьезной помехой. Сегодня нет ничего труднее, чем жить, занимаясь писательством, если только ваше имя не является одним из тех, которые автоматически попадают в чарты бестселлеров. Романист , который пишет по роману в год, может рассчитывать на доход от 100 до 1500 фунтов стерлингов в год. Последняя сумма вполне достаточна, но поскольку большинство писателей экстравагантны по натуре - они жаждут хорошей еды и комфортных путешествий, - этого, конечно, недостаточно, чтобы обеспечить полную свободу мысли. Что касается меня, то я нахожу путешествия скучным занятием, но у меня огромный аппетит к книгам и музыке, которые стоят не меньше, если покупать их в большом количестве. Я также люблю хорошее вино и люблю предлагать его своим друзьям, когда они приходят послушать пластинки. Такая книга, как “Эпоха поражений”, может, если повезет, принести тысячу фунтов; роман, подобный “Блуждающему по Сохо”, возможно, в два раза больше, но, вероятно, и меньше. Писатель, который выпускает книгу каждые три года (как это делают многие писатели), очевидно, зарабатывает меньше, чем любой землекоп или мусорщик. И это при условии, что у него достаточно репутации, чтобы гарантировать минимальные продажи. В противном случае он может получить за роман не более 100 фунтов аванса. Теперь понятно, почему ни у кого нет причин завидовать писателю, даже относительно успешному.

К счастью, мне нравится писать. Чем больше человек развивает философию, направление мышления, тем шире становятся его последствия, точно так же, как у самых крупных стран больше соседей. “Ритуал в темноте” - это книга о смысле и поиске смысла; она была посвящена парадоксу, заключающемуся в том, что величайшей движущей силой человека является потребность в свободе, но он не знает, что с ней делать, когда она у него появляется. Герой “Ритуала” одержим чувством, что в

человеческом существовании есть смысл и что он доступен разуму — если бы только разум знал, как правильно его найти. Одна из самых распространенных ‘осмысленный опыт” приходит через секс, и поэтому секс является ценной отправной точкой для поиска смысла. (Я выделяю “отправную точку” курсивом, потому что мне кажется, что нет ничего более бесполезного, чем секс, который является своего рода призванием - как у Казановы или Фрэнк Харрис.)

В более позднем романе “Стеклянная клетка” (написанном в 1965 году) я пытаюсь

V

Я

чтобы продвинуться на шаг вперед, я намеренно выстроил сюжет , параллельный ритуалу, но с мистиком-блейкианцем вместо Жерара Сорма. Идея пришла мне в голову, когда я прогуливался по Портобелло-роуд, размышляя об “убийствах в обнаженном виде” на берегу Темзы. Только что была найдена шестая жертва. Внезапно меня осенило, что Сорме допустил одну фундаментальную логическую ошибку. Он исходил из того, что его строго рациональное и эмпирическое отношение к опыту является единственно возможным для честного мыслителя. Но самый строгий рационалист живет, исходя из определенных невысказанных предположений. Самое важное важным из них является его предположение о непрерывности. Он предполагает , что не только выдохнет то, что вдыхает сейчас, но и что он будет жить завтра и через неделю. Вы можете возразить: : А почему бы и нет? Шансы велики в его пользу. Но дело не в этом. Он не рассчитывает шансы. Его стремление вперед основано на некоей интуитивной уверенности, которая выходит за рамки вероятности того, что он может умереть от сердечной недостаточности в любой момент, или даже знания того, что он, несомненно, умрет от старости в течение пятидесяти лет или около того. Неужели это просто слепота и глупость? “Чистый рационалист” сказал бы “Да”; мистик сказал бы “нет”. Это может быть животная глупость - или эволюция тайная цель, выходящая за рамки сознательного знания.

Кроме того, можно получить некоторое представление о будущем. Мой друг Марк твоим платьем, блестящий пианист, однажды проезжая по Бейсуотер-Роуд в такси после концерта. Не доезжая ста ярдов до Квинсуэй, он вдруг с абсолютной уверенностью понял, что на Квинсуэй такси столкнется с другим такси. Но мысль о том, чтобы предупредить водителя, показалась ему настолько абсурдной, что он остался сидеть неподвижно. На Квинсуэй такси попыталось проскочить на светофор и врезалось в них боком, именно так, как он и предполагал.

У меня никогда не было подобного опыта. Но в какие-то моменты я испытывал смутную уверенность, и она всегда оказывалась оправданной. уничтоженный. Мое единственное “предчувствие беды” пришло однажды, когда я намеревался покататься с друзьями на скоростном катере; час спустя, когда мы пытались

причалить к берегу, двигатель заглох, и, прежде чем я успел его завести, нас подхватила разбивающаяся волна и выбросила на скалы. Никто не пострадал, но лодка была практически списана.

Поэтому я склонен полагать, что наше ощущение непрерывности - не иллюзия, а результат работы своего рода ментального радара. Для большинства из нас явная тривиальность нашей жизни, наша озабоченность

с немедленным прекращает его действие. В общих чертах описывая характер в книге “Деймон Рид в стеклянной клетке” я хотел показать человека , который развил свой “радар”, просто сосредоточившись на том, что он считает основополагающей реальностью своего опыта, и работая , исходя из предположения, что вселенная желает ему добра. Рид интуитивно понимает, что человеческая воля - это нечто более глубокое, чем личное самоутверждение или обдуманные усилия. Это невидимая часть всего нашего существа, как часть айсберга под водой, и она недоступна обычным сознательным требованиям.

Мне нравится писать романы. Писать о них гораздо приятнее, чем о философии. Когда я пытаюсь проанализировать это удовлетворение, я понимаю, что оно основано на своего рода самоутверждении. Все молодые писатели склонны вовлекать в свои произведения своих друзей и родственников, потому что это льстит самолюбию - ловить знакомых, как бабочек. Есть очень похожее - хотя и менее эгоистичное - удовлетворение в том, чтобы привязать бывшего переживайте точно так же. По сути, и в лучшем своем проявлении, это своего рода божественное ощущение. Художнику доставляет удовольствие запечатлевать некоторые из них вещь природы; если бы он мог, то создал бы материю из пустого воздуха; живопись - это нечто второстепенное. Написание стихов или романов - это еще один способ “закрепить” мимолетный момент, универсализируя свой уникальный индивидуальный опыт. Я считаю, что это верно, независимо от того, пишу ли я личные, полуавтобиографические романы, такие как “По течению в Сохо” или Мир насилия или

тотальной фантазии, как в случае неизбежных сомнений или Паразиты разума.

Для меня есть еще одна, и даже более важная, причина писать романы. Они также являются способом философствования. Я не имею в виду это в очевидном смысле - привнесение идей в роман. Со времен Хаманна экзистенциалисты были недовольны разумом как инструментом постижения природы существования. Слова порождают концепции, а концепции часто искажают реальность, как плохая фотография может очернить красивую женщину. Легко наткнуться на $

пессимизм Кьеркегора привел к ощущению, что философия - это интеллектуальный любимый способ лектора лгать самому себе. Но, с другой стороны, Кьеркегор был очень плохим романистом. Философия может быть лишь тенью реальности, которую он пытается постичь, но роман в целом более удовлетворителен.

Я почти готов обобщить и сказать, что ни один философ не способен выполнять свою работу, если он не является также романистом. Уайтхед

Я НАЧИНАЮ ВСЕ СНАЧАЛА

знал, что философия должна сбросить тиранию концепций и попытаться прорваться к реальности всего опыта, “опыта пьяного и опыта трезвого, опыта религиозного и опыта 1; нерелигиозный…” И все же это именно то, о чем Уайтхед говорит жестко и ■ абстрактный язык ничего не передает. Шоу однажды сказал, что он бы так и сделал

Я бы отдал любую дюжину пьес Шекспира за одно из предисловий, которые он

должен был написать. Я бы, конечно, обменял любую из работ Уайтхеда или Витгенштейна на романы, которые они должны были написать.

- Я заговорил о Стеклянной клетке в этот момент, потому что она обозначает

Я так сильно изменил свое мировоззрение.

Впервые я отчетливо осознал эту перемену в 1961 году, во время

лекционного турне по Соединенным Штатам. Я отправился в это турне главным образом потому, что нуждался в деньгах. Мне была ненавистна мысль о том, что я на три месяца оставлю Джой и свою годовалую дочь. Я плохой путешественник. Люди мне надоедают; Смена обстановки возбуждает меня лишь на короткое время, а потом я хочу

запереться в гостиничном номере со стопкой книг и писчей бумаги. Я не получаю немедленного удовольствия и от присутствия публики . Итак, в течение первой недели или двух моего тура мне было скучно и

> подавленно. Затем я начал понимать, что необходимость втиснуть

свои идеи в сорокаминутную лекцию действует как стимул. Идеи сами по себе начали излучать некий свет. И вот, однажды утром, я вдруг понял, что меня ‘прорвало’. Уильям Джеймс описал это чувство так: “У нас есть мысль, или мы выполняем l действие, совершаемое неоднократно, но в определенный день, раскрывает истинный смысл этого действия.

) мысль проносится сквозь него впервые …’ Я вдруг смог

Чтобы увидеть мои идеи в целом. И я понял, что решил проблему - что все это время держал решение в руках. Я больше не был в тупике Сартра и экзистенциалистов.

Странным образом, мой прорыв напугал меня. Я вдруг почувствовал себя банковским курьером, несущим миллион фунтов банкнотами. Было ясно, что мне нужно спешить домой и как можно быстрее изложить все это на бумаге.

Но когда дошло до дела, мне потребовалось еще четыре года, чтобы изложить их на бумаге. Потому что это была проблема сжатости — представить схему настолько четко, чтобы было невозможно избежать ее выводов. Введение в новый экзистенциализм переписывалось полдюжины раз до его появления в 1966 году. (Обычно это было

в значительной степени проигнорированный британской прессой; ни одно из “шикарных” воскресений не удосужилось его просмотреть.) Когда я писал это, мне казалось, что оно отражает это стало поворотным моментом в развитии западной философии. Я снова прочитал его на днях - спустя два года после завершения работы над окончательной версией - и это все еще казалось правдой. В течение четверти века западная философия была разделена между двумя негативными подходами: логическим эмпиризмом и экзистенциализмом. Логический позитивизм утверждает, что бессмысленно задавать вопросы о смысле человеческого существования. Экзистенциализм утверждает, что не вопрос бессмысленен, а само существование бессмысленно. Таким образом, выбор лежит между двумя формами пессимизма. Моя работа показала, что в экзистенциализме есть радикальные ошибки и что именно распущенное мышление привело к пессимизму Сартра, Хайдеггера и Ясперса. Я предложил единственную приемлемую альтернативу этим двум неприемлемым философиям.

Поскольку на написание 180 страниц Введения ушло четыре года, у меня, очевидно, нет возможности предложить здесь краткое изложение. Тем не менее, эта книга была бы неполной без попытки сделать краткий обзор.

Индивидуальный подход мог бы упростить задачу. Очевидно, что меня всегда занимала проблема ‘двух миров’ - мира повседневного опыта и мира разума. Я всегда был одержим фразой Акселя: “Что касается жизни, то это могут сделать за нас наши слуги”. Мне не особенно нравится “жить”. Мне это наскучивает.

Романтики чувствовали то же самое. Но они поспешили с выводом , что отказаться от “жизни” - значит выбрать смерть. Это неосторожная мысль инг, подобный тому, который Райл критикует в Концепции разума. В самом строгом смысле этого слова существуют не два мира, а две точки зрения. Червь и орел видят один и тот же мир, но под такими разными углами, что удобно говорить о взгляде с высоты птичьего полета и взгляде червя, как если бы это были разные миры.

Человек - это животное, но оно уже стоит одной ногой в другом мире. Небольшой процент людей, являющихся эволюционным авангардом человечества, отвергают простое “проживание”, то

есть коллективный жизненный мир человеческого общества. Этот ‘животный мир’ в какой -то мере бесполезен и замкнут по кругу. Для этого человеку не потребуется целеустремленности, как пятивольтовому проводу не требуется ток в сто вольт. Если вас больше всего интересуют деньги, вы можете интересно провести время, став

стать миллионером, но после этого вы зашли в тупик. Не имеет никакого значения, составляет ли ваш доход тысячу фунтов в неделю или десять тысяч фунтов в неделю; на большее вы не способны . Если вы любитель вкусно поесть, то вы в такой же ситуации. Если вы когда-то могли питаться два раза в день в одном из лучших ресторанов мира, значит, вы зашли в тупик. Комната может быть завалена едой до потолка , но вам не захочется к ней прикасаться. Если вы Казанова, то достигнете своего предела с дюжиной или около того любовниц. Нет смысла увеличивать ваш счет до ста, потому что вы больше ничего не сможете с ними сделать. Проблема Александра в том , что ему нужны новые миры для завоевания. ‘Животный мир’, как и земля, на которой мы живем , имеет круглую форму; зайдите достаточно далеко, и вы вернетесь к тому, с чего начали.

Наше знакомство с миром разума дает нам совершенно иную интуицию. Как только вы попадаете в мир науки или математики, вы начинаете понимать, что происходит. математика или философия - вокруг вас открываются бескрайние просторы. Чем больше вы узнаете, тем увлекательнее становится все происходящее. То же самое можно сказать и о мире поэзии, живописи или музыки. Работая в этой сфере, ум способен достигать постоянно растущей интенсивности. Этому нет предела. Как сказал Уэллс, мозг - это истинная область человека, точно так же, как вода принадлежит рыбам, а воздух - птицам.

Здесь возникает проблема, которая привела к поражению романтиков, а затем и экзистенциалистов; проблема, обобщенная в “Фаусте”. Проведя около часа в этом мире разума, человек чувствует себя измотанным и побежденным. Вы можете убедиться в этом, если просто попытаетесь дочитать длинную книгу перед сном. Устают не только ваши глаза. Вы чувствуете что-то вроде духовного расстройства, ослабление воли, упадок жизненных сил.

Джулиан Хаксли однажды заявил, что точно так же, как существует “абсолютная” пропасть между мертвой материей и низшими живыми существами, существует столь же абсолютная пропасть между “животной материей’ и ‘человеческой материей’. Другими словами, вы могли бы сравнить мертвую материю с прямой линией, которая обладает длиной, но не толщиной, - существованием, но не свободой. Червя можно сравнить с квадратом, поскольку у него есть дополнительное измерение свободы, жизни. Однако “свобода” червя - это экзистенция. крайне ограниченный, почти несуществующий; это не более чем самовоспроизводящаяся машина. У человека снова есть это дополнительное измерение , измерение разума. Животное прочно застряло в настоящем;

у него практически нет ни прошлого, ни будущего. Человеческий разум не может воспринять познавать вселенную’, искать истину, посвящать себя математике. математика.

Я не могу полностью согласиться с сэром Джулианом. Человек еще не обладает этим третьим измерением. Эксперименты с “Темной комнатой” убедительно доказывают это. Поместите человека в абсолютно темную и беззвучную комнату, и он распадется на части в течение нескольких дней, а иногда и часов. Он по-прежнему на 99% принадлежит физическому миру и нуждается в его постоянных стимулах, чтобы поддерживать себя “на должном уровне”. Если бы он действительно был созданием разума, это было бы неправдой; он приветствовал бы Черный цвет. Комната - это идеальная возможность посвятить себя

исследованию своего разума и бесконечной вселенной идей.

Мы знаем, что внутренний мир разума так же огромен, как и внешняя вселенная. Чтобы осознать это, достаточно принять дозу мескалина . Однажды человек сможет путешествовать по этому миру так же свободно, как он это делает сейчас в физическом мире. Но по разным причинам этот внутренний мир в настоящее время в значительной степени недоступен для него.

Эти выводы являются основной причиной того, что экзистенциализм зашел в тупик. Человек - раб случайностей, говорит Сартр, этого физического мира. Его свобода реальна, но крайне ограничена и не может быть увеличена. Поэтому лучшее, что он может сделать, - это стремиться к всеобщей справедливости, любить своих собратьев и молиться об истреблении буржуа.

Но правда ли, что свобода человека не может быть увеличена? Романтики впадали в отчаяние, потому что их моменты свободы, казалось , приходили и уходили без всякой причины. Если это так, то человеческий предикат это парадоксально и трагично.

Рассмотрим это с другой стороны. Ученые XIX века были поражены могуществом человеческого разума.

Они заявляли: “Разум человека преодолел все препятствия”. Если он будет продолжать в том же духе, то однажды обязательно достигнет совершенства - возможно, даже бог”. Романтики, а позже и экзистенциалисты - ответили с оправданным презрением: ‘Вы игнорируете главную проблему. Разум человека не может быть применен к его самой важной проблеме - к нему самому. Человек скучает, склонен к войне, сам себе противоречит, надеется менее смущенный. Мысль может быть всемогуща, но человек - всего лишь мыслящий тростник, постоянно сталкивающийся с фактами своей боли, своей слабости.

несс и его окончательная смерть’. И Гете в “Фаусте” создал классический символ недостаточности знания.

В этом, действительно, проблема, и именно так этот вопрос стоит

уже почти двести лет. Но любой, кто когда-либо испытывал восторг от открытия потрясающих зал науки, не может согласиться с тем, что все это - самообман. Начнем с того, что наука сама по себе является лишь наиболее высокоорганизованной формой основного стремления всей жизни - стремления к победе. Отрицать науку - значит отрицать саму жизнь; в тот момент, когда жизнь появляется, она начинает бороться, пытаясь ассимилировать мертвую материю. Единственным по-настоящему логичным опровержением науки является точка зрения буддистов, согласно которой жизнь сама по себе является злом и что для Вселенной было бы лучше всего вернуться в небытие.

Итак, мы должны сделать самый трудный шаг, который когда-либо предпринимал человеческий разум: принять решение о том, что слабости и несовершенства человеческого разума можно исправить, точно так же, как мы можем устранить неисправности в канализационной системе. Это трудно - почти невозможно - из-за нашей глубоко укоренившейся привычки принимать себя как должное. Мы делим мир на субъект и объект. Объекты можно рассматривать, исследовать, воздействовать на них; но субъект - это исследователь, действующее лицо, и он может исследовать себя не больше, чем футбольный мяч может поцарапать сам себя. Он может воздействовать на себя непрямым образом, через предметы; он может стимулировать себя сигаретами или алкоголем; он может забыться в книге или фильме. Он может даже “возвысить себя” морально, “соответствуя” каким-то религиозным или идеалистическим стандартам. Но для всех этих процессов внешний мир является абсолютной необходимостью. Он не может воздействовать сам на себя напрямую.

Но всегда ли это так? Как насчет моментов свободы, поэзии? Это вызывает реальные изменения в сознании - да, в сознании, в том самом, что вы принимаете как должное, как основу своего существования. Это синоним того, что значит быть живым.

Если моя машина выйдет из строя, я могу починить ее с помощью ряда действий, которые в основном являются актами мысли. Предположим, я мог бы воздействовать на свое сознание с помощью мысленных актов? В настоящее время я могу изменить его, выпив стакан виски, приняв мескалин или отправившись в отпуск, когда у меня упадок сил. Но сознание, похоже, не в силах изменить само себя. Если я чувствую себя разбитым и подавленным, то “подумать” - это почти то же самое, что использовать меньше. Чем больше я думаю, тем больше

запутываюсь в своих душевных переживаниях и тем сильнее устаю. Я тянусь за бутылкой виски или включаю телевизор. И это признание

к поражению, к отречению, к моему окончательному рабству физическому миру.

Прежде чем я набросаю свой собственный “ответ” на эту проблему (возможно, мне следовало бы сказать, мой метод поиска ответа), позвольте мне подойти к этому с несколько иной точки зрения.

Когда я учился пользоваться этой пишущей машинкой, я делал это медленно и мучительно полностью, со множеством ошибок. Но спустя долгое время знания о том, как печатать, были переданы полезному роботу в моем подсознании. Теперь он выполняет большую часть работы, а я могу сосредоточиться на размышлениях. Он почти говорит за меня по-французски (довольно плохо) и водит мою машину.

К сожалению, он мешает мне получать удовольствие. Если я слышу символ фальшь, которая меня глубоко трогает, или чтение стихотворения, и робот начинает чувствовать себя обделенным. И после того, как я прослушал симфонию полдюжины раз, это уже не я ее слушаю. Это робот. Если я иду на прогулку весенним днем, робот идет со мной и слушает пение птиц вместо меня.

Когда я был ребенком, робот был далеко не таким эффективным, поэтому каждый весенний день приносил радость, а мои чувства были в десять раз острее. Но Я тоже был много более несчастным. Без робота, чтобы защитить меня, жизни был изнурительный труд, и мелкие проблемы, и казалось впечатляет.

Когда я несколько лет назад принял мескалин, это привело к тому , что робот вышел из строя, и сенсорные впечатления снова стали такими же яркими и значимыми, как в детстве. Но это также сделало мир таким же тревожным, как и в детстве, - непрерывный взрыв эмоциональных состояний. Это также

повлияло на мою способность мыслить. Мои лучшие моменты наступают, когда мое мышление выходит за рамки обычной ясности и становится своего рода видением, молниеносной вспышкой озарения. Это было бы совершенно невозможно под воздействием мескалина, который усиливал все мои чувства и калечил мой рациональный интеллект.

Так что мескалин - это не выход. Но тогда почему мои мысли приходят в голову сознательно принять это качество чистой свободы и стать своего рода видением? Это потому, что годы дисциплины, изучения техник и коротких путей мышления позволяют моим мыслям достигать цели. замедлил скорость, которая была невозможна, когда мне было шестнадцать. Это

потому что робот в некоторых отношениях стал более эффективным. Нужно двигаться вперед.

Короче говоря, робот в значительной степени ответственен за проблему Фауста, за ‘границу Святого Неота’. Но это потому, что он еще недостаточно эффективен . Его механизм слишком груб.

Т. Э. Лоуренс описывает, как однажды ранним утром он отправился в путь с арабами, “когда чувства просыпаются раньше интеллекта”, и как все казалось прекрасным и ярким, потому что мир не был “отфильтрован или сделан типичным с помощью мысли” (то есть робота). Лоуренс, как и большинство романтиков, считал, что изменить ситуацию можно, только выведя робота из строя. Это главная ошибка романтизма, и в экзистенциализме она проявляется в новой форме (то есть в разговорах о приверженности).

В предыдущих параграфах я попытался показать проблему в чистом виде, чтобы мы могли точно увидеть, с чем нужно бороться. Я также четко обозначил метод борьбы. Человек достиг своей нынешней точки эволюции с помощью определенных привычек. Теперь некоторые из этих стереотипов должны быть разрушены и возвращены в сферу сознательной деятельности. Проблема сознания должна быть решена самим сознанием. Разум должен обрести новую способность к маневрированию, власть над самим сознанием, если мы хотим, чтобы философия продолжала развиваться. В настоящее время это похоже на автомобиль с

заблокированным рулем, который может двигаться только по прямой. Отсюда абсурдность всех “систем”, от платоновского идеализма до логического позитивизма: автомобиль всегда оказывается посреди поля.

Я должен снова поговорить о личном. В подростковом возрасте я остро осознавал проблему Фауста. Бывали моменты, когда стихотворение или идея давали мне ключ к запертой двери моего сознания. Внезапно внешний мир перестал иметь для меня значение. Это вернулось на свое место, как простой способ вернуться к моей реальной жизни, к осуществлению моей свободы.

Это было бы ошеломляющее чувство стремление найти “ответ” на вопрос о том, в чем смысл жизни. В этом и заключается суть жизни - в этих обширных неизведанных странах разума, ориентирами которых являются Шуман и Эйнштейн, Платон и Микеланджело, Вордсворт и Дарвин, Ньютон и Шоу…. Но реальный мир, похоже, завидовал тому, что к нему относятся как к второстепенному персонажу. землю, и через некоторое время зрение пропадало. И в следующий

всякий раз, когда вы пытались сбежать в страну разума, реальный мир хватал вас за шиворот и говорил: “О нет, ты этого не сделаешь…” И вместо того, чтобы беспрепятственно перейти во второй мир, вы оказывались наполовину внутри, наполовину снаружи. И это было изнуряющее ощущение, словно ревнивая женщина отравляет любовный роман, постоянно устраивая сцены и сочиняя письма ядовитой ручкой….

Но, размышляя над этой проблемой, я вынужден был признать, что отчасти это происходит из-за некоторой душевной лени и потакания своим желаниям. Например, у вас впереди свободный день. Сейчас самое время заняться тем, что вы всегда хотели

сделать: начать читать Гегеля или Уайтхеда, прослушать все квартеты Бетховена, подтянуть математику. Но сама по себе свобода порождает своего рода лень. Вы берете роман в мягкой обложке и читаете несколько глав. Это еще больше снижает вашу интеллектуальную температуру. К середине дня вы лениво пытаетесь вспомнить, есть ли еще какая-нибудь работа в саду , которую нужно выполнить…

Любой, кто хотя бы немного занимался самонаблюдением , осознает, как мало у нас воли, как легко мы позволяем себе плыть по течению времени вместо того, чтобы пытаться ориентироваться. Мы даже начинаем воспринимать свою лень как неотъемлемую часть “человеческого существования”, и только какой-то серьезный вызов или угроза могут пробудить в нас осознание того факта, что “было бы так легко стать святым’.

Осознавать это - значит в значительной степени приближаться к решению. Это означает, что вы отказываетесь принимать то, что кажется фиксированным состоянием сознания. Вы начинаете давить на него и пинать ногами. В подростковом возрасте я сделал открытие, что если я целый день пытаюсь “настроиться” на новые идеи или поэзию, то к вечеру ситуация часто улучшается. Моя мысль, которая до этого была вялой и скучноватой, внезапно обретала движение вперед. Как только он “отрывался от земли”, чувство свободы быстро перерастало в полумистическое состояние, в котором все обычные проблемы и препятствия казались абсурдными, почти иллюзорными. В одно из таких настроений я нацарапал на странице своего дневника: “Нет ни жизни, ни смерти, только красота’.

В последние годы мои исследования в области феноменологии и проблемы границы Святого Неота помогли мне легче достичь этого состояния. Я считаю, что длительные поездки на поезде идеально подходят для развития

необходима концентрация, потому что они не оставляют человеку выбора , кроме как думать.

Последний раз, когда я ездил в Америку с лекционным туром, это как раз тот случай. Мысль о расставании с семьей угнетала меня. Обычно я плохо сплю в ночь перед поездкой, поэтому очень устал.

На прохладном Январским днем поезд был перегрет. Я приготовился к скучной и деморализующей поездке в Лондон, которая займет шесть часов. Пару часов спустя, когда поезд прибыл в Тинмут, я зевал примерно раз в минуту.

Так вот, несколько лет назад в Тинмуте у меня было почти духовидческое переживание. Вспоминая об этом, я вышел в коридор. я попытался взглянуть на место, где это произошло, - оно было видно из поезда. Внезапно мне показалось абсурдным, что я позволяю своему телу так издеваться над собой. Если бы мой прогноз был в основном пессимистичным, то, возможно, для этого были бы какие-то основания. приводя к этой депрессии. Но это было не так. Я верил, что романтиков погубила лень и неспособность ясно мыслить. Романтическое видение было не иллюзией, а реальностью, которой можно было достичь с помощью умственных усилий.

Я вернулся в вагон - в нем, кроме меня, была только пожилая дама, которая дремала, - и принялся приводить свой мозг в состояние сосредоточенности.

В течение пяти минут я смотрел в окно и концентрировался, как будто цеплялся за днище самолета. Это заняло ровно пять минут. Затем, по истечении этого времени, во мне появился странный прилив жизненных сил. Это было все равно, что запустить насос и получить первые капли воды. Прошло несколько минут, и струйка превратилась в непрерывный поток умственной энергии. Внезапно мне показалось абсурдным впадать в депрессию. По общему признанию, я покидал свою семью на три месяца, но не для того, чтобы выполнять неквалифицированную работу, а для того, чтобы каждый день выступать перед интеллигентной и полной энтузиазма аудиторией об идеях , которые меня преследовали. Это могло бы стать возможностью окончательно доказать , что в состязании между разумом и материей разум может одержать победу.

Когда я вышел из поезда четыре часа спустя, мой разум чувствовал себя более свежим , чем когда я садился в него.

Еще один пример, который может представлять некоторый интерес. Я часто говорил на лекциях по этому поводу, что могу, в незначительной степени, вызвать в себе состояние, похожее на состояние мескалина, с помощью определенного вида концентрации.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

В какой-то степени это неверное утверждение, поскольку состояние , вызванное мескалином, в значительной степени эмоциональное, а состояние концентрации связано с усилением интеллектуальной интенциональности. Но недавний опыт подтверждает это приводит к интересному варианту этой схемы.

Опять же, это было в поезде Лондон - Корнуолл. В данном случае я приехал в Лондон с ночевкой в спальном вагоне, провел утро , занимаясь делами и разговаривая с друзьями, и сел на дневной поезд обратно в Корнуолл. Я пропустил ланч, но съел бутерброд.

В этот раз я чувствовал физическую усталость, а также сонливость (мне никогда не удавалось заснуть на шпалах). Когда поезд отошел от Паддингтонского вокзала, Я решил, что, возможно, было бы разумнее попытаться вздремнуть часок , прежде чем предпринимать какие-либо попытки расшевелить свой разум. Но так случилось, что это был самый жаркий день в году, и в вагоне было душно. В течение часа, Я все больше впадала в оцепенение, проигрывая битву с жарой, и испытала искушение открыть бутылку водки, которую носила в сумке через плечо . Но я забыла стакан. В моем купе, кроме меня, был только один человек , но я не любил пить из бутылки. Так что, скрепя сердце, я пришел к выводу, что мне нужно стряхнуть с себя оцепенение. Минут десять или около того я размышлял об интересном аспекте этого У меня не было проблем с маржой, и это заставляло меня чувствовать себя менее скованно. Затем Я погрузился в работу с полной сосредоточенностью. Я ожидал, что это будет гораздо труднее, чем обычно, из-за моей физической усталости. На самом деле, примерно через пять минут неустанных усилий облака лени начали рассеиваться, и появилась первая струйка энергии. В этот момент я заметил, что мое сознание изменилось. мыс. Это было гораздо ближе к ощущению мескалина. Я отчетливо помню некоторые осенние дни в детстве, когда на меня нисходило странное спокойствие, и

сельская местность казалась почти невыносимо красивой, как будто я смотрел на нее через призму, окруженную по краям цветными полосами, или как будто сквозь туман, который придавал всему сказочный вид. Теперь это случилось снова. Зелень сельской местности внезапно очаровала меня, и у меня возникло искушение стремление повторять снова и снова: “Зеленое, зеленое, зеленое…” Вместо того, чтобы просто проплывать за окнами - деревья, поля, реки, - каждое отдельное поле и дерево вызывали пристальный, завораживающий интерес, как будто это была серия картин великого художника. Это было не совсем приятное ощущение; у меня было ощущение, что что-то происходит.

ВСЕ начинается СНАЧАЛА.

в этом есть оттенок болезненности. Такая сияющая красота, исходящая от вещей, казалось, ассоциировалась с определенными значениями и эмоциями.; но я был вполне уверен, что сам придавал им значения и эмоции. В этой мягкости было что-то странно душераздирающее. Я думаю Денли вспомнил строчку Рильке о том, что красота - это “начало ужаса, который мы еще можем вынести”, и мне показалось, что красота - это начало боли, которую мы еще можем вынести. В каждом ощущении красоты было что-то вроде сомнительного удовольствия - боли, которую вы испытывали в детстве, когда нажимали на шатающийся зуб.

Это состояние продолжалось несколько часов. Оно исчезло задолго до того, как я добрался до дома - потому что я позволил ему это сделать, - но я снова сошел с поезда, чувствуя себя бодрее, чем когда садился.

Мне кажется, что этот последний пример подтверждает мою точку зрения: эти полумистические состояния могут быть вызваны только силой мысли и воли. За исключением единственной дозы мескалина, которую я принял в 1963 году, я никогда не принимал никаких лекарств (если не считать случайного приема аспирина). Я пью довольно умеренно - от полбутылки до бутылки вина в день, редко больше; и я никогда

не курил. Нельзя утверждать , что эти состояния могут быть вызваны какой-то физиологической причиной. Кроме того, Я лучше знаю. Я осознаю шаги, которые предпринимаю, чтобы вызвать их, факты, которые необходимо четко зафиксировать в памяти. Я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что, по крайней мере, в какой-то степени, я доказал свою точку зрения: состояния, которые возникли у Блейка и Трээрна по счастливой случайности , могут быть вызваны строгим следованием определенной логике.

Следует подчеркнуть, что исследование этих состояний в значительной степени связано с проблемой языка. Некоторое время назад я читала лекцию в школе для девочек в Вирджинии о моем ‘новом экзистенциализме’. После лекции группа учителей сидела и обсуждала “пиковые переживания’. Довольно приятный молодой человек говорил очень мало, пока его жена не спросила: “Разве вы не говорили об этом на днях?’ Затем он объяснил разницу очевидно, что он с детства был способен вызывать легкие “пиковые переживания” . Он научился этому трюку случайно. Он сказал, что терпеть не может, когда его заставляют сидеть неподвижно, потому что у него начинается зуд, и как только он почесывается, зуд переходит в другое место. Однажды, сидя неподвижно на уроке, он начал думать о зуде, и сразу же-
ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

НАЧИНАЕМ СНАЧАЛА

у Ателии начался зуд. На этот раз он решил не двигаться. Зуд усилился и начался сразу в нескольких местах. Теперь он стал невыносимым, и ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не поддаться искушению. желание почесаться. Внезапно он почувствовал странное ощущение в основании позвоночника, и его затопило острое наслаждение. Он не мог описать природу этого ощущения, кроме как сказать, что это была “дрожь’. Но с тех пор, как он открыл этот трюк, он мог вызывать ощущение в любой момент. Говоря это, он вдруг улыбнулся и сказал: “Вот, я только что это сделал’.

Но он счел совершенно невозможным объяснить, что именно он “сделал”, чтобы вызвать пиковое переживание. Вот почему я привел эту историю. Мистики, а затем и романтики настаивали

на том, что это переживание было невыразимым, что его нельзя было ни выразить, ни намеренно вызвать. Это представление во многом определило пессимистический характер романтизма. Моя собственная работа была попыткой показать, что в этой области преднамеренное и контролируемое использование разума может привести к точно таким же результатам, как и в применении к материальному миру. Это означает, что сознание находится под контролем человека. И в этом случае такова наша эволюция в существа с ‘третьим измерением’. Все дело в том, чтобы использовать феноменологию - “описательный анализ субъективных состояний” - для создания настоящей психологии и создания языка, способного описать эти неуловимые механизмы сознания. (Я не считаю клиническую психологию Фрейда, Юнга и Адлера “настоящей психологией оология’. Это неуклюжая структура, основанная на расплывчатых обобщениях , почерпнутых из опыта ненормальных людей, и дополненная интеллектуальными предрассудками психологов.)

Из книги профессора Бейтсона я узнал, что Вордсворт подошел к пониманию “границы Святого Неота” ближе, чем я предполагал. Де Квинси рассказывает, как они с Вордсвортом ждали повозку из Кесвика, и Вордсворт наклонился и приложил ухо к земле, прислушиваясь к стуку ее колес. Выпрямившись, он заметил на горизонте звезду и сказал Де Квинси: :

“Я заметил… что если… внимание энергично настраивается на постоянное наблюдение,…затем, если это напряженное состояние бдительности внезапно ослабевает, в этот момент любой красивый… объект… попадая в поле зрения, переносится на

сердце, обладающее силой, неизвестной при других обстоятельствах. Только что я приложил ухо к перегону, чтобы уловить любой звук колес, который мог бы сойти с рельсов… Кесвикская дорога; в тот самый момент, когда я поднял голову от земли, в тот самый момент, когда все органы внимания внезапно расслабились от своего напряжения, яркая звезда… внезапно упала мне на глаза и проникла в мою способность восприятия с пафосом и ощущением бесконечности, которые при других обстоятельствах не арестовали бы меня.’ (Вордсворт, Ф. У. Бейтсон, Стр. 25.)

Другими словами, “пиковое переживание” тесно связано с концентрацией внимания, с тем, чтобы не позволять воле

ослабевать и задерживать дыхание меньше. Такого рода дисциплина несовместима с жалостью к себе, которой предавались большинство романтиков, что объясняло, почему “дух красоты” был так склонен улетать и оставлять “эту мрачную бескрайнюю долину слез пустой и безлюдной’. И если вы начинаете с предположения , что этот мир - мрачная бескрайняя юдоль слез, вместо того чтобы подойти к проблеме с научной точки зрения, вы вдвое уменьшаете свои шансы на достижение какого-либо результата.

Это изложение моей “философии” искажает ее в одном фундаментальном отношении: создается впечатление, что это не столько “философия”, сколько поиск наивысшего переживания. (Один озадаченный читатель “Введения в новый экзистенциализм” даже написал: “Но зачем вам нужны пиковые переживания?”) Это для того, чтобы перевернуть все с ног на голову. Пиковые переживания (термин Маслоу) сами по себе не важны. Важно то, что философия - это попытка расширить науку до ее логических пределов, и что философия направлена на контроль над сознанием. Это относится ко всей философии, а не только к феноменологическому экзистенциализму. тиализм. Это попытка избежать нашего “взгляда червя” и увидеть реальность в целом. А сознание - это инструмент, с помощью которого мы видим. Ценной частью логического позитивизма является его возражение против того, что неточность языка помешала философии достичь своей цели. Когда он заявляет, что “видеть вещи как единое целое” невозможно и нежелательно, он просто опровергает сам себя внутренним противоречием. Природа философии заключается в том, чтобы стремиться к этому на ощупь ‘с высоты птичьего полета’.

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

НАЧИНАЕМ СНАЧАЛА

Уайтхед однажды сказал, что движения мысли подобны кавалерийским атакам в битве: вам позволено их не так много, поэтому их нужно экономить. Я бы предпочел другое сравнение. Мы все еще являемся созданиями материального мира, и наши вторжения в мир разума неизбежно кратковременны, как у пловца, плывущего под водой. В ваших легких ровно столько воздуха, сколько нужно. Если вы мыслите расплывчато и неточно, вы блуждаете вокруг да около и выныриваете, чтобы глотнуть воздуха , недалеко от того места, где вы упали. Но мысль пытается найти методы, с помощью которых можно экономить дыхание. Хороший мыслитель знает, в каком направлении двигаться, и плавает с экономией гребков. Эта экономия достигается за счет использования символов. Если вы сможете заставить свои символы выражать какую-то важную концепцию или закон - например , границу Святого Неота, - вы достигнете еще большей концентрации и сможете продвинуться еще дальше. Все хорошие мыслители работают, опираясь на интуицию, а не на ‘логику’; но без символов интуиция будет тратить свою энергию на определение. В конечном счете, пловец может развить скорость мысли, подобную реактивной тяге.

Но даже это не конечная цель. Мы должны научиться оставаться в этих водах мысли столько, сколько потребуется. Мы должны разработать интеллектуальный эквивалент экипировки водолаза с запасом кислорода. Но сначала перейдем к практическим действиям: научиться плавать быстро, ровно и экономично. И это достигается путем развития концепций и символов, то есть языка.

Суть феноменологического экзистенциализма не в переживании пика; это контроль сознания и его расширение с помощью языка. Большая часть моих размышлений напрямую связана не с переживанием пика, а с точным определением проблем с естественной точки зрения - с точки зрения червя. На данный момент язык является бессознательным рабом сознания. Он предполагает, что обладает точностью, которой на самом деле не обладает, поскольку он пытался построить свою точность на этом зыбучем песке изменчивого сознания. Чтобы оно выполняло свою функцию, оно должно учитывать механизмы изменения сознания.

Само сознание должно быть отображено на карте и определено. Например, мы должны начать с признания того, что сознание, по-видимому, имеет две “плоскости”, горизонтальную и вертикальную. Плоскость повседневного опыта горизонтальна,

статична, и мое обычное мышление движется в этой плоскости. С другой стороны, интенсивные переживания имеют тенденцию к

проникайте вертикально в сознание и заставляйте нас осознавать сознание как свободу, а не как пассивное восприятие.

Это позволяет мне изложить суть моего вклада в развитие фил философия. Особое достоинство человеческого разума заключается в его способности двигаться поэтапно: то есть, когда он сталкивается с проблемой, он рассматривает ее как последовательность шагов и преодолевает проблему , поднимаясь шаг за шагом. Я уже отмечал, что проблемы философии, в отличие от проблем повседневной жизни или математики, не могут быть решены на основе этого логического принципа. Они кажутся неразрешимыми для дискурсивного мышления. Кажется, что вы исчерпываете их; вы, безусловно, исчерпываете себя, и все же они остаются нетронутыми. С ними можно бороться, только изменяя само сознание. Когда сознание достигает “наивысшего переживания”, вы внезапно начинаете осознавать, что есть новые пути к сути проблемы. Это означает, что философией нельзя заниматься так же, как наукой, или, по крайней мере, так , как инженер решил бы проблему строительства моста через ущелье. Для этого требуется другой элемент - интенсивность. Человек, не обладающий этой способностью, не годится для того, чтобы быть философом (что, конечно, исключает 90% всех философов). Философия без определенного накала страстей подобна автомобилю без бензина.

Теперь я ясно сказал, что этот “принцип поэтапного развития” может быть применен к сознанию. Пиковое переживание, переживание свободы, переживание выхода из своего субъективного мира грез и соприкосновения с реальностью - это не случайность и не божественная милость. К этому можно стремиться так же, как вы бы стремились к решению любой другой проблемы. Но новая психология, основанная на изменчивости сознания, является насущной необходимостью.

Далее будет видно, почему я считаю, что этот подход должен революционизировать философию. Это не философия; это основное направление филологической науки. философия. Все “философии” до сих пор были внутренне противоречивыми, если доводить их до логических крайностей - и это включает в себя существующие в настоящее время тиализм и логический

позитивизм. Моя “философия” (и сейчас станет понятно, почему я заключаю эти слова в квадратные скобки) скромно претендует на то, что она свободна от внутренних противоречий.

Я ненадолго возвращаюсь к автобиографии, хотя она достаточно незначительна по сравнению с идеями.

174

175

ПУТЕШЕСТВИЕ К НАЧАЛУ

За десять лет я написал двадцать две книги: восемь романов, семь томов философских трудов, а также различные эссе и исследования. Я писал с такой скоростью, потому что чувствовал, что должен сказать слишком много, и что Я бы взорвался, если бы мне это не сказали. Я пишу, как собака , которую чешут блохи. Но наступил момент, когда я заложил необходимый фундамент, и мне нужно время, чтобы подумать и написать. Именно по этой причине на момент написания этой статьи я занимал университетские должности в Америка в течение следующих двух лет, и, возможно, примет еще больше, когда эти два года истекут. Я предпочитаю Америку Англии. Я люблю саму Англию, но терпеть не могу ее жителей. А в художественном и интеллектуальном смысле Англия - страна мертвая и замкнутая. В ее культурной жизни доминируют университеты, Би-би-си и “интел” с Флит-стрит. лекции, то есть выступления несостоявшихся писателей. Английский интеллектуал не склонен к размышлениям; ему достаточно того, что он погружен в “культуру” (обычно французскую) и является экспертом по пренебрежительным спорам. Его главная заслуга в том, что он способен убедить себя в том, что его неспособность мыслить - это добродетель, конечный продукт общей утонченности. По сути, он второсортен. Со временем его тип исчезнет в результате обычного процесса выживания наиболее приспособленных. Потому что он совсем не приспособлен; он психически слаб и страдает одышкой.

Англия замкнута и статична, и в этом смысле Америка, безусловно , открыта и динамична. Здесь также есть свои

недалекие ученые - их много - и свои маленькие культурные заговоры; но здесь нет того ощущения затхлости воздуха, которое возникает в Англии. Во время моей последней поездки туда я пошел в кинотеатр в Питтсбурге, чтобы посмотреть “Жизнь Брэйн на вершине”. Это живо напомнило мне все то, что я больше всего ненавижу в Англии: массово выпускаемых на Би-би-си типажей, выпускаемых университетами, и унылых провинциальных антисноб вроде Лэмптона, у которых в голове нет ничего , кроме бесплодной ненависти к бесплодным ‘высшим классам’. Мне показалось, что фильм можно было бы назвать гораздо лучше о Ничего, поскольку все в нем бесполезны и необязательны. Я вышел из кинотеатра, испытывая неприятное чувство неприязни ко всему на свете Английский был отвратителен, как изжога. Потом я сел в такси, и водитель спросил: “Куда едем, приятель?”, и изжога исчезла, и Я вдруг снова почувствовал себя счастливым. Потому что в фундаментальном смысле все люди равны, а человечество - это семья. Я могу считать большинство своих братьев и сестер невыносимыми, но в наших отношениях не может быть сомнений . Я прихожу к выводу, что я прирожденный коммунист, а не сторонник

идеологический, но инстинктивный подход. Ни один человек не заслуживает уважения за свое “положение” (которое в Англии часто сводится к его акценту), кроме как за то, кто он есть; и то лишь до тех пор, пока он не зазнается о том , кто он есть. У Америки есть свои недостатки - тысячи недостатков, - но, по крайней мере , это воспринимается как должное. Все это пришло мне в голову в тот момент, когда водитель спросил: “Куда едем, приятель?”, и я внезапно почувствовал огромную привязанность к Америке. Это страна, где я могу чувствовать себя комфортно и делать свою работу наилучшим образом.

В тридцать пять лет я внезапно осознаю абсурдность короткого сущность человеческой жизни и может найти более глубокий смысл в книге “Назад к Мафусаилу”. Время неуклонно ускоряется. На самом деле прошло не двадцать лет с тех пор, как мне было пятнадцать, а около пяти. Иногда, когда я разговариваю

с молодыми людьми, я вижу, что они поздравляют себя с тем, что они молоды, и иронически улыбаюсь. Шестнадцатилетний парень не в состоянии осознать, что через пять лет ему будет не двадцать один, а тридцать. . А еще через год - тридцать пять. А шесть месяцев спустя, сорок… Время ускоряется, чтобы обмануть нас.

Но Шоу прав. Этот абсурд должен прекратиться. Человек должен уметь рассчитывать на то, что проживет по крайней мере сто пятьдесят лет. По крайней мере, творческие люди должны это делать. В среднем человек все равно перестает развиваться в двадцать лет, так что еще сто тридцать лет жизни ему ни к чему. Но как могут произойти какие-либо действительно ценные достижения , если приходит новое поколение и начинает все сначала? Путаница в философии - тот факт, что она так и не развилась в науку, хотя у нее было для этого две с половиной тысячи лет, - объясняется краткостью человеческой жизни. Однажды какой-то то, что было достигнуто на “горизонтальном плане” сознания - какой-то новый прогресс в строительстве, жизни или практическом мышлении, - может быть передано следующему поколению в неизменном виде. Но по-настоящему серьезные проблемы - проблемы, бросающие вызов религиозному или философскому мышлению, - требуют определенного понимания и зрелости, которые можно приобрести только через семьдесят лет или около того упорных и непрерывных размышлений. Если бы я мог управлять своим телом и мозгом еще лет сто или около того, я, вероятно, смог бы решить все философские проблемы в одиночку. На самом деле я мыслю довольно последовательно и непрерывно с двенадцати лет, и на это у меня уйдет еще не одно десятилетие.

двадцать лет на то, чтобы создать базовую терминологию, завершить разработку фундамента элементы настоящей философии.

Когда в возрасте четырнадцати лет или около того я решил стать писателем, а не ученым, я чувствовал вину за то, что выбрал путь

наименьшего сопротивления. Мне следовало бы знать, что, став ученым, я останусь ученым навсегда. Но двадцать лет работы не продвинули меня далеко. (Это не скромность. Я знаю, что продвинулся дальше, чем кто-либо из моих современников; я был бы дураком, если бы не знал этого, и трусом , если бы боялся сказать об этом.) Но, по крайней мере, прошедшие годы, похоже, подвели меня к той точке, с которой я могу начать.

1962-1967